

Анатолий Аграновский

ПОВЕСТЬ
О
ЧУДЕСНОМ
ОДУВАНЧИКЕ

Детизм · 1951

А. Аграновский · ПОВЕСТЬ О ЧУДЕСНОМ ОДУВАНЧИКЕ

Цена 6 р. 50 к.

Анатолий Арановский

ПОВЕСТЬ
О
ЧУДЕСНОМ
ОДУВАНЧИКЕ

Рисунки
А. Васниа

*Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1951 Ленинград*

**Научная консультация кандидата
сельскохозяйственных наук
Г. Р. СТЕПАНОВА**

*Светлой памяти отца своего
и друга эту книгу посвящаю.*

Глава первая

ИСКАТЕЛИ

ВСТРЕЧА В БОЛОГОМ

Едва остановился московский поезд, из последнего вагона показались сперва лыжи, затем голова в лохматой шапке, и на платформу соскочил крепкий паренек. Оглянулся. Наверху, под самой крышей станционного здания, белела надпись: «Бологое».

Люди с удивлением смотрели на странного пассажира: февральские морозы, а он без шубы, налегке. Впро-

чем, долго им удивляться не пришлось: зазвонил колокол, все бросились к своим вагонам, поезд тронулся.

Только он скрылся за поворотом, рельсы загудели вновь. И тут же показался ленинградский состав. Он был до того похож на только что ушедший, что казалось, будто это и есть московский поезд, почему-то повернувший из Ленинграда обратно в Москву.

Паровоз затормозил, затарахтел, останавливаясь, вагоны, и повторилась та же история: снова из вагона показались лыжи, затем голова в лыжной шапочке, и на платформу прыгнул второй паренек.

— Здравствуй, Вадим! — радостно закричал он.

— Привет, Митя, — более сдержанно ответил первый.

Через полчаса они уже были далеко от Бологого. Что там февральские морозы! Другим было жарко. Вадим шел ровным, широким шагом, как опытный лыжник. Митя, ловко используя какой-то новый стиль, то и дело обгонял друга, а потом, притаившись за какой-нибудь могучей елью, стряхивал на него тучу снега. Вадим не оставался в долгу и пускался в погоню за вертким Митей.

Все это не мешало им двигаться вперед и вперед, переговариваясь между собой. Иногда они затевали даже жаркий спор, и тогда из полевой сумки Вадима появлялась на свет карта, многократно свернутая, потертая и измятая, испещренная какими-то линиями, точками, пометками.

И самое удивительное — здесь, в сосновом северном бору, ребята изучали карту... Центрального Тянь-Шаня!

— Значит, принято! — говорил Вадим. — От Пржевальска мы идем прямо на юг, старой дорогой через перевал Санташ к Каркаре. Оттуда — караванной дорогой в Нарынкол.

— Ну ладно...

— А ты чем недоволен?

— Боюсь, мало интересного в твоём маршруте, — бурчал Митя, — вот что! Места известные. Сколько уж здесь путешественников перебывало!

— Обидели мальчика взрослые дяди-путешественники! — злился Вадим. — Ничего на его долю не оставили. О, горе горькое! А я тебе так скажу: где прошли

двадцать человек и ничего не нашли, там двадцать пер-
вый такое может открыть...

Они снова шли вперед и снова останавливались, спорили, доставали свою карту. Ведь речь шла о большом, серьезном путешествии, настоящем путешествии в далекую страну Небесных гор, которое Вадим задумал еще очень давно...

С одиннадцати лет знал и помнил Вадим Бахнов о таинственной горе Хан-Тенгри на Тянь-Шане — с тех пор, как прочел книгу об экспедициях знаменитого русского географа Семенова-Тян-Шанского.

Многие ребята любят книги о путешествиях и приключенческие кинофильмы, почти все мечтают о далеких походах, но не всем удается путешествовать. А Вадим был не такой человек, чтобы только мечтать. Зимой — на лыжах, летом — пешком, на плотах, на байдарках он путешествовал. Потому и подружился с Митей Донским, таким же неутомимым туристом.

Были и у них в школе ребята, которые умели только мечтать о путешествиях. Вот, например, Витя Горский — он всегда посмеивался над Вадимом и Митей:

— Подмосковные путешественнички! Бродят по лужайкам да по ручейкам...

— А ты куда отправишься? — спрашивал Вадим.

— Хорошо бы в Центральную Азию, — отвечал Витя, — или на Северный полюс...

— Ну и сиди пока у себя дома! — говорил Вадим.

Когда ему было двенадцать лет, он открыл под Москвой знаменитый радиальный маршрут Лобня — Сходня, по которому до сих пор любят путешествовать многие туристы. Этим маршрутом он по компасу и по карте провел все звено туристов. Были три ночевки в шалашах и под открытым небом, были всеслыш привалы на берегах озер Круглого, Долгого, Нерского... Это было так интересно, что даже Витя поверил в подмосковные походы и посвятил путешествию стихотворение и рассказ в юбилейном — сотом — номере стенгазеты «Авангард», которую он бесценно редактировал с первого класса.

А таких походов было очень много: и в четвертом, и в пятом, и в шестом, и в седьмом классах... И чем старше становились ребята, тем продолжительней и интересней были их путешествия.

Окончание восьмого класса и вступление в комсомол Вадим тоже отметил по-своему: он один, пешком пересек знаменитый Северокавказский заповедник. И не заблудился, не устал, не струсил. Потому что еще в школьные годы привык к большим переходам, потому что еще в Сходне научился ориентироваться по компасу и читать карту.

Следующее лето Вадим провел на Алтае: он был самым молодым участником восхождения на Белуху. И снова не подвел друзей — добрался до самой вершины заснеженной горы.

Теперь вы понимаете, что от Подмосковья до Тянь-Шаня — прямой путь. В свои восемнадцать лет Вадим — этот крепкий паренек со смелыми голубыми глазами и упрямым лбом, на который спадал льняной чуб — был уже настоящим путешественником.

Тогда и разрешили ему организовать экспедицию в страну Небесных гор — на Тянь-Шань. Исполнялась его юношеская мечта...

Конечно, каждый из вас согласился бы участвовать в такой экспедиции, переплывать глубокие реки, взбираться на отвесные скалы, пересекать безлюдные пустыни... Но разве достаточно только согласиться на это? Или желать этого? Надо ведь уметь! Надо не утонуть в реке, не сорваться со скалы, не заблудиться в пустыне. Надо обязательно дойти до цели, и не просто дойти, но изучать, искать и обязательно найти. Надо во что бы то ни стало выполнить задание!

Вадиму дали во Всесоюзном обществе туристов важное задание: ему поручили организовать исследовательскую экспедицию. Нужно было пересечь горы, реки и долины Тянь-Шаня и проложить, изучить и описать трассу будущей автомобильной дороги, которую советские люди решили строить высоко в горах.

Обо всем этом необходимо было с кем-нибудь посоветоваться, и Вадим прежде всего вспомнил своего верного друга Митю Донского. Правда, тот поступил уже в это время в Ленинградский медицинский институт, а Вадим после окончания школы работал на московском химическом заводе. Но разве может расстояние помешать истинной дружбе?

В Ленинград полетела телеграмма: «В воскресенье

первым утренним поездом выезжай Бологое тчк Берн лыжи тчк Жду Вадим». Митя удивился, но приехал. Так состоялась эта встреча в сосновом бору, во время которой «начальник экспедиции» Бахнов и «врач экспедиции» Донской обсуждали все подробности будущего путешествия.

После того как маршрут был окончательно утвержден, они сделали привал. И здесь, у жаркого костра на заснеженной полянке, состоялся серьезный разговор, определивший последнее и самое важное задание экспедиции. Вадим достал вдруг из кармана газету и протянул товарищу:

— Читал? О нашем походе...

— Где? — удивился Митя.

— В речи Сталина.

Митя недоверчиво взглянул на друга.

— Речь эту я, конечно, читал, — сказал он. — Только о Тянь-Шане в ней, по-моему, ничего нет...

— А ты почитай получше.

Митя быстро развернул газету и сразу заметил место, жирно подчеркнутое красным карандашом.

— «У нас имеется в стране все, — прочел он, — кроме разве каучука. Но через год-два я каучук мы будем иметь в своем распоряжении».

— Ясно? — спросил Вадим. — Мы будем вскачь каучук!

КАО-ЧУ — «ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО»

Встреча в Бологом происходила в 1931 году. Тогда, двадцать лет назад, мы не имели своего каучука.

А теперь?

Ну-ка, давайте посмотрим вокруг. К лампе протянут провод — на нем резиновая изоляция. И на радиопроводах тоже. В трусиках у вас продета резинка, чулки или носки тоже держатся на резинке. В портфеле у вас лежат ластик...

Вы скажете: «Подумаешь, маленький ластик! На него и каучука-то понадобится чуть-чуть». А сколько таких ластиков требуется только школьникам нашей страны! Выпустят заводы тридцать пять миллионов штук, а этого еще мало — ластиков нужно гораздо больше.

Теперь сравните маленький ластик с большими шинами автомобиля. Миллионы автомобилей, легковых и грузовых, ездят по дорогам нашей страны. Самолеты проносятся в ясном небе, комбайны работают на колхозных полях, большие пароходы плывут по рекам и морям... И всюду — каучук!

По потреблению резины Советский Союз вышел уже на первое место в Европе.

Где же мы его взяли, наш, советский каучук?

Как добывается уголь, все вы, конечно, знаете. И высокую буровую вышку над нефтяной скважиной сможете себе представить. Знаете вы и то, что материя на рубашку, на платье изготавливается из льна, растущего на полях Белоруссии, или из хлопка Узбекистана. Каждый знает также, откуда берутся железо, медь, алюминий, цинк, торф... А резина? Задумывались ли вы, откуда добывается она?

Было время, когда европейцы не знали каучука. Со всем не знали. И первым из них увидел каучук Христофор Колумб — тот самый, который открыл Америку.

В 1493 году знаменитый путешественник вторично отправился в заморские страны. Огибая остров Гаити, он увидел с высокого борта своей флагманской каравеллы поразительную картину: на лужайке среди пальм бежали туземцы и кидали друг другу большой черный шар; многочисленные зрители в праздничных нарядах из пестрых перьев подбадривали игроков громкими криками.

Но Колумб не обратил внимания на этих древних «болельщиков». Не следил он и за правилами игры, так что мы не знаем сейчас, во что играли гаитяне XV века: в древнюю лапту, футбол или волейбол. Все внимание адмирала и его спутников было обращено на шар. Судя по усилиям игроков, он был весьма тяжел. Но, ударившись о землю, шар каждый раз подпрыгивал, точно живой. Это казалось волшебством. Многие матросы даже перекрестились, боясь, что в шаре сидит злой дух.

Вы, верно, улыбаетесь: вот, мол, чудак! Эка невидаль — резиновый мяч!.. Но ведь Колумб видел первый мяч.

Так случилось, что каучук открыли миру индейцы, «дикари», как называли их спесивые европейцы. Эти «дикари» подарили другим народам мира не только кау-

чук. Из Америки были вывезены впоследствии кукуруза, картофель, какао, табак. До индейцев никто не знал этих растений. Да и мяч, который видели путешественники на острове Ганти, только для них был «первым» в мире мячом: индейцы знали его уже много сотен лет.

Не так давно при раскопках в Гондурасе (Центральная Америка) археологи обнаружили ровную прямоугольную площадку, а на ней — каучуковый шар, равный по размеру нашему футбольному мячу. Ученые установили, что этот древнейший стадион относится по времени к X веку. Значит, уже тысячу лет назад индейцы из племен майя знали каучук.

И вот, через пять веков, в 1493 году, Христофор Колумб первым из европейцев увидел каучуковый мяч. Однако он не очень заинтересовался этим своим открытием: Колумб искал западный путь в богатую Индию, мечтал об индийском золоте, пряностях, слоновой кости, а нашел простодушных гантян с забавной игрушкой. Ну, посмотрел, подивился, взял даже с собой кусочек «прыгающего вещества», чтобы показать в Европе. И действительно, вернувшись, показал кое-кому. И Антонио Геррера, испанский историк, описал каучук в своих книгах, откуда мы и узнали о находке Колумба. А потом все в Европе забыли о «прыгающем веществе».

Христофор Колумб так и не нашел индийского золота; он умер в нищете. А много лет спустя капиталисты стали каучук называть «черным золотом».

Вторичное знакомство Европы с каучуком американских индейцев произошло два века спустя. В 1735 году молодой французский ученый Шарль-Мари де-ля-Кондамин, путешествуя по джунглям Амазонки, увидел не только каучук, но и стройное двадцатиметровое дерево, из которого добывают его туземцы. Само индейское слово «као-чу» означает «слезы дерева».

«В лесах провинции Эсмеральдо. — писал Кондамин в Парижскую академию, — растет дерево. Туземное название его «хэвэ» (гевея). При надрезе коры из дерева вытекает сок, белый, как молоко. На воздухе он постепенно твердеет и приобретает темный цвет.

Местные жители делают из каучука непромокаемые сапоги.

В провинции Квито эту массу наносят и на ткани, делая их непроницаемыми для воды.

Изготавливают также бутылки. Глиняную форму обливают белым соком деревьев, высушивают, затем форму разбивают, глину удаляют через горлышко — и бутылка готова. Бутылки эти не бьются, в них великолепно сохраняется жидкость...»

Как видите, «дикари» уже научились к этому времени делать первые прорезиненные ткани, флаги, непромокаемые сапоги — все из того же неизвестного в Европе каучука.

...Шли годы, десятилетия. Заморская диковинка положительно входила в моду. В 1770 году английский химик Пристлей обнаружил, что каучуком могут пользоваться художники: «Это очень просто, господа. Вы берете в руки «индейскую стиралку», осторожно проводите ею по бумаге — и исчезают всякие следы карандаша. Исчезают, будто их и не было».

Вы опять улыбаетесь: «Подумаешь, открытие! Любый школьник знает про ластик». Но ведь это теперь. А тогда только после открытия Пристлея художники кинулись покупать себе «индейские стиралки».

Из каучука начали делать пряжки на туфли, резинки для чулок, пояса, шнурки. Томас Уэлс, ловкий английский делец, наладил еще одно новое производство: он возил в Бразилию обувные колодки, индейцы обмазывали их соком гевеи, потом сушили — и... получались калоши. В грязном, дождливом Лондоне это была незаменимая вещь.

С 1836 по 1850 год из Бразилии было вывезено уже 2 372 573 пары калош. С их появлением в России связана одна весьма примечательная подробность, о которой нам с вами стоит вспомнить.

В 1836 году молодой врач Н. И. Пирогов демонстрировал в Российской академии наук свой способ ринопластики — операции носа. Ученому было тогда всего двадцать шесть лет, но в аудитории собралось много врачей. И юных студентов и седовласых профессоров привлекла сюда слава об удачных операциях хирурга Пирогова. Они ждали подробного рассказа о его методе.

Каково же было удивление собравшихся, когда Пирогов начал не только рассказывать об операции, но и по-

казывать ее. Он укрепил на кафедре деревянную голову парикмахерского манекена. Нос у манекена, как и у предполагаемого больного, был «изранен» — попросту отрезан, а на лбу красовалась тонкая, плотно прилегавшая пластинка, заменявшая кожу.

Вооружившись скальпелем, Пирогов по всем правилам науки произвел пластическую операцию. Вот он выкроил на лбу манекена треугольный лоскут «кожи», в несколько приемов перенес его вниз (пластинка гнулась как угодно) и показал, наконец, как надо «лепить» из кожи человеческий нос.

— Мои операции по этому способу, — заключил он, — и в Юрьеве и в Риге неизменно заканчивались успехом.

После лекции к молодому хирургу подошел старый профессор.

— Коллега, — сказал он, — все это было в высшей степени поучительно и интересно. Но скажите, пожалуйста, чем это вы заменили кожу на лбу? Что это за материал?

— Кусок старой калоши, — улыбнулся Пирогов.

...Все вы знаете, конечно, что сейчас каучук нашел в медицине самое широкое применение: начиная от простейших грелок и кислородных подушек и кончая сложнейшими хирургическими приборами. Теперь вы будете знать и то, что первым из медиков обратил внимание на замечательные качества каучука — на его эластичность, упругость, гибкость — великий русский хирург и анатом Николай Иванович Пирогов.

Между тем английские, американские и прочие предприниматели попрежнему стремились заработать на торговле каучуком побольше золота. В первые годы XIX века в городе Глазго открылась большая фабрика каучуковых изделий. Владелец ее Макинтош наладил производство непромокаемых плащей из материи, пропитанной каучуком, наподобие индийских тканей. В карманы ловкого предпринимателя рекой потекли деньги. А прорезиненные плащи и теперь называют макинтошами, хотя мало кто знает, что это имя первого фабриканта резиновых изделий.

Каучук с каждым годом находил все большее и большее применение. Тоннами текли «слезы гевеи», и каждая тонна превращалась в жадных руках торговцев в доллары, фунты стерлингов, франки, марки..

Есть древняя легенда о царе Фригии Мидасе. Очень жаден был этот царь. Во сне и наяву мерещились ему драгоценности, все золото мира хотелось ему прибрать к рукам. Однажды бог Днионис исполнил мечту Мидаса: отныне все, к чему прикасался он, обращалось в золото. Что же было дальше?

Мудрая легенда рассказывает о том, как был наказан царь за жадность. Захотелось Мидасу поесть, но вкусные яства превратились в его руках в золото. Захотелось жадному царю напиться, но и вода стала золотом, как только он прикоснулся к ней губами. А металл, как бы он ни был драгоценен, ни есть, ни пить, сами понимаете, нельзя. Так, окруженный золотом, умирал голодной смертью жадный Мидас...

Очень похожи нынешние капиталисты на этого мифического царя. И капиталисты мечтают захватить в свои руки все богатства мира. Чем больше приберут к рукам, тем больше разгорается их неутолимый аппетит. И все, к чему прикоснутся их жадные руки, хотя бы превратится в золото. Уголь приносит им доход — уголь называли «черным золотом». Началась работорговля — негров называли «черным золотом». Захватили капиталисты драгоценную нефть — тут же называли ее «черным золотом».

И вот попал в руки капиталистов прекрасный сок вечнозеленой гевеи — каучу. Они немедленно дали ему новое название. Какое? Ну конечно, «черное золото», хотя каучук необязательно черный, бывают сорта и светлые. Капиталистам безразлично, лишь бы каучук приносил доход.

«Черное золото» — наше будущее!»

«Высшее достижение XIX столетия!»

«Новая восходящая звезда промышленности!»

Так шумели они, рекламируя свой товар. И по всему миру рыскали агенты каучуковых компаний, синдикатов, трестов в поисках «черного золота». Постепенно нашлись на земле, помимо гевеи, и другие каучуконосы — растения, содержащие каучук.

С одним из них многие из вас хорошо знакомы. Это... обыкновенный фикус — декоративное комнатное растение. Белый сок, вытекающий при разломе из листьев фикуса, — это и есть млечный сок, содержащий каучук. В диком виде «фикус эластича» произрастает в тропи-

ческих странах. Нашлись каучуконосное дерево «кастилоа эластника», каучуконосные лианы «ландольфия», мадагаскарский каучуконосный молочай. Все эти растения уступали вечнозеленой гевее — каучука давали много больше и худшего качества, — но все же это было желанное «черное золото».

Обращала на себя внимание одна общая особенность, свойственная обнаруженным каучуконосам: все эти растения обитали только в тропиках, в экваториальной полосе. А на севере не было ни одного каучуконоса. И ученые авторитеты всех стран — академики, профессора, доктора наук — выдумали даже теорию, что для создания каучука необходимы, мол, «особые свойства» тропического солнца.

Десятки научных книг, сотни лабораторных опытов, долголетняя практика — все говорило о том, что только в Бразилии, Малайе да Африке могут расти каучуконосы, а у нас, в Советском Союзе, их нет и не может быть.

И вот в феврале 1931 года на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности выступил товарищ Сталин. Он говорил о несметных природных богатствах нашей Родины, обеспечивающих развитие советской промышленности. Уголь и нефть, хлеб и хлопок, различные руды — у нас есть все. Нет только каучука. «Но через год-два, — сказал товарищ Сталин, — и каучук мы будем иметь в своем распоряжении».

«Мы будем искать каучук!» решили друзья Вадим Бахнов и Митя Донской.

«Мы будем искать свой, советский каучук!» — так говорили все, кто слышал речь вождя. А слова товарища Сталина слышит весь народ.

В КРАЮ НЕБЕСНЫХ ГОР

Рано утром 15 июля 1931 года на берегу озера Иссык-Куль появилась живописная группа — шестеро всадников на маленьких горных лошадаках. Ехавший впереди крепкий юноша остановился на самом краю каменистого берега и, глядя вдаль голубыми глазами, несколько торжественно провозгласил:

— Друзья, запомните этот день! Исследовательская

экспедиция комсомольцев-туристов в Центральный Тянь-Шань началась!

Это был Вадим. Рядом с ним — его старые, испытанные друзья. Всю зиму они усиленно готовились к походу: осилили несколько томов научных руководств по геологии, географии, гидрологии, почвоведению, ботанике, ходили в музеи, работали в лабораториях.

Заниматься продолжали и в вагоне. Поэтому так незаметно пролетели пять дней пути до города Фрунзе. Но в столице Киргизии их встретили не особенно приветливо. Там было объявлено осадное положение: банды басмачей Ибрагим-бая разбойничали в окрестностях.

Наши путешественники еще в пути слышали о бандитах, которые, как шакалы, трусливо нападали в ночное время на безоружных колхозников, убивали коммунистов и комсомольцев. Но разве могли басмачи помешать могучему движению народа к светлому будущему, к социализму!

Басмачей громили не только отряды Красной Армии. Все среднеазиатские народы — узбеки, казахи, таджики, киргизы — поднялись на борьбу с ними.

И давно уже были бы уничтожены последние басмаческие банды, если бы им не помогали наши «соседи». За Памиром начиналась «сопредельная сторона» — заграница, Афганистан. А в Афганистане хозяйничали, как в своей колонии, англичане. Они с удовольствием стали помогать бандитам. Басмачи получали от Англии вооружение и деньги.

Вот и теперь Ибрагим-бай повел своих бандитов, вооруженных английскими карабинами, через горы Тянь-Шаня в нашу страну.

Ясное дело, эта новость была не из приятных. Опасным становилось путешествие наших туристов. Но не поворачивать же обратно! Путешественники помнили о своем главном задании и решили продолжать поход. Они мчались на грузовике по узким горным дорогам, среди круч и обрывов. Миновали Токмак. Добрались до поселка Рыбачьего, на берегу озера Иссык-Куль. Дальше шла малозвестная дорога. По северным берегам этого озера никогда еще не проезжал автомобиль. В городе Пржевальске, носящем имя великого русского путешественника, комсомольцы пересели на лошадей, и вот они

стоят теперь на северном берегу Иссык-Куля, пораженные красотой этого удивительного края.

На берегу озера цветут маки — алые, розовые, пурпурные, красные, фиолетовые, оранжевые. Они яркой полосой делят мир на две части: внизу — синее озеро, сверху — ясное, светлоголубое небо. И далеко-далеко на горизонте тлится белоснежная гряда Небесных гор.

Только здесь, столкнувшись с красотами Тянь-Шаня, поняли молодые путешественники, почему народ дал этому хребту такое поэтическое название — Небесные горы. Несколько минут продолжалось молчание. Потом Вадим скомандовал:

— Вперед, друзья! Двинулись!

— Если моя лошадка не возражает, я готов, — пробурчал Виктор Горский.

Он ехал на своей норовистой белолобой лошадке позади всех, свесив длинные ноги чуть ли не до земли. Сегодня Виктор впервые сел верхом и теперь с завистью поглядывал на друзей, которые ехали спокойно, словно всю жизнь провели в седле.

«Сам виноват, — думал неумелый всадник: — ребята в манеже два месяца тренировались, а тебе не захотелось, некогда было. Вот и сиди теперь, как Дон-Кихот на своем Росинante!»

Это сравнение, только что пришедшее ему в голову, кажется до того смешным, что он тут же спрашивает у ребят:

— Как, похож я на Дон-Кихота?

— Копия! — звонко смеется Ирина Павловская, стройная девушка с каштановыми косами.

Худой, нескладный Виктор, сидящий на маленькой лошадке, действительно напоминает чем-то «рыцаря пещерного образа». Но Виктор несколько не унывает и весело смеется вместе со всеми.

А на привале обнаружилось вдруг, что и Ирине достался конь с коварным нравом. Он ни с того ни с сего свалился вдруг на землю, так что Ирина едва успела прыгнуть. Девушка решила заняться «воспитанием» конька, снова села верхом, но повторилась та же история. Тут уж и Виктор насмеялся вдоволь.

— Коля, падай, что ли! — кричал он.

Так эта кличка, «Коля», и осталась за Ирининым коньком.

«Лошадные истории» долго еще преследовали туристов.

Каждое утро Вадиму приходилось воевать с ребятами, чтобы они как следует притрачивали выюки, котелки и прочее хозяйство. И все равно часа через два пути начинался перезвон: ремни ослабевали, котелки и чашки звенели — хоть уши затыкай! Это было очень обидно: настоящая экспедиция — и вдруг трезвон, а останавливаться некогда.

Они торопились вперед, в горы. Ночевали, где застигнет ночь. Совпало с населенным пунктом — хорошо. Не совпало — еще лучше. Была бы питьевая вода для людей и лошадей да сухой кустарник для костра. Путешественники разбивали две палатки, разводили костер, варили пищу. Обеды готовили по очереди, а главным коком был по совместительству Вадим. Неугомонный Виктор всегда смеялся над ним.

— Вадим, — кричал он, едва начинался привал, — какое сегодня меню?

— Вкусное, — отвечал кок.

— Ну конечно! — шумел Виктор. — На первое — тресковая уха, на второе — жареная треска, на третье — компот из тресковых голов.

Дело было в том, что еще по дороге путешественники купили целый мешок сушеной трески, и рыба эта всем надоела до крайности.

Двигались довольно быстро — по сорок-пятьдесят километров в день, все время на высоте двух — двух с половиной тысяч метров над уровнем моря. И со всех сторон — горы, покрытые стройной тянь-шаньской елью.

Это было удивительно красивое зрелище. Ирина не переставала восторгаться горными лесами. Вообразите: косые линии гор и прямая штриховка тонких деревьев. Девушка то и дело отъезжала в сторону от дороги, определяла наглаз протяженность леса, возраст и высоту деревьев, исполняя обязанности таксатора экспедиции: ведь строителям будущей дороги необходимо знать, какие леса окружают ее. Все свои наблюдения Ирина записывала в дневник.

Иногда она звала Митю и просила сфотографировать

какой-нибудь особенно интересный участок. Тот с удовольствием исполнял ее просьбу и шелкал аппаратом два раза: один раз — просто лес, другой раз — Ирина в лесу.

Впрочем, особенно расхотеть пленку Митя остерегался: ему ведь предстояло заснять все наиболее сложные участки трассы.

Кроме того, он метеоролог и врач экспедиции. Три раза в день Митя измеряет и записывает в особую тетрадь температуру и влажность воздуха, определяет скорость и направление ветра, типы облаков и т. д. Вот только с врачебной деятельностью ему пока «не везет» — никто из ребят не болеет.

Виктор — почвовед и гидролог. Он ведет «дневник проб». Через каждый километр останавливается, ножом срезает траву и, добравшись до почвы, берет пробу в заранее заготовленные мешочки. В каждый из них Виктор кладет этикетку. Все это он повезет в Москву. Когда же «почвовед» закладывает шурфы — узкие колодцы в метр-полтора глубиной, — все приходит ему на помощь.

Вадим Бахнов не только командует экспедицией. Вместе с Юрой Паниным — огромным добродушным парнем и бывалым туристом — он занимается разведкой будущей дороги. Они ведут глазомерную съемку трассы, составляют гидрологические описания рек для будущих мостов и ведут записи в путевом журнале.

Но, пожалуй, самое трудное дело — у Борнса Бахнова, старшего брата Вадима и самого взрослого из участников похода (ему уже двадцать три года). Борис — экономист экспедиции. Его обязанности путешественники определили коротко: «опрашивать всех встречных-поперечных». Дороги прокладываются у нас не как попало, а с учетом местных грузопотоков, расположения населенных пунктов, истории и проч. Все это Борис должен был узнавать, собирая сведения в райкомах партии, райисполкомках, сельских советах и беседа с местными жителями.

Еще в поезде он упорно изучал «Русско-казахский разговорный справочник». С помощью этого словаря Борис составил вопросник. А после того как во Фрунзе им рассказали о банде Ибрагим-бая, Борис внес в разговор существенное добавление. Первым словом он поставил

«атба», что по-казахски значит «не стреляй». Дальше следовало:

«Куда ты идешь?»

«Что везешь?»

«Зачем ты едешь?»

«Часто ли едешь этой дорогой?»

«Многие ли ездят этой дорогой?..»

Борис давно уже мечтал на практике испытать свои познания в казахском языке, но случая все не представлялось: те немногие путники, которые встречались им в первые дни похода, прекрасно говорили по-русски.

Но вот путешественники добрались до перевала Сан-таш. Высоко в горах лес сменился зеленоющими лугами, а кое-где — коврами альпийских ярких цветов. Еще выше виднелись сверкающие под солнцем голые заснеженные скалы и ледники. Ребята уже поднялись на перевал и собирались двигаться вниз, когда Борис заметил впереди какого-то старика-казаха и поскакал к нему.

— Атба! — закричал он еще издали. — Куда ты едешь? Что ты везешь?

Старик испугался:

— Зачем стрелять? Почему обижаешь? У меня ничего нет.

Тут уж остальные бросились выручать оскандалившего «экономиста». Когда старик узнал, что они ищут полезные камни и травы, он заулыбался беззубым ртом и сказал на чистом русском языке:

— Очень хорошо, совсем хорошо! Гости будете.

Так путешественники попали в казахское кочевье. Когда они подъехали к крайней юрте, из нее выбежали два паренька — оба небольшого роста, жилистые, загорелые, удивительно похожие друг на друга.

— Сайдах и Галук — мои сыновья, — представил старый казах и сказал им что-то на своем языке.

Парни радостно закивали головами и умчались к отаре овец. И не успели наши путешественники развьючить лошадей, как на костре уже варился целый баранин...

После того как ребята отдали дань великолепному угощению, все жители кочевья собрались побеседовать с гостями из Москвы. Тут уж Борис наговорился вдоволь.

Старик закурил длинную трубку и рассказывал так много и охотно, что Борис не успевал записывать.

— Вот, — старик указал рукой на перевал, — древняя дорога, нет древней. Здесь вел свои войска Чингис-хан много сотен лет назад. Рассказывают, что как раз на том месте, где мы сидим сейчас с вами, был великий бой. Чингис-хан с помощью злых духов одержал победу и в честь этого, проходя мимо поля битвы, бросил камень. И каждый воин Чингис-хана бросил камень. И вырос перевал Сапаш — «сто камней»...

Быстро спустилась ночь, темная, душная. Только яркие звезды сверкали в небе. Старик поведал путешественникам о далеком прошлом, а они рассказали о будущем.

Через Сапаш пройдет широкая дорога. Тысячи блестящих автомобилей помчатся по ней, они привезут в страну Небесных гор новую жизнь. Там, где бился некогда Чингис-хан, будет выстроен огромный каменный дворец — электростанция. А вокруг будут счастливо и богато жить казахи-колхозники. Они перейдут в новые, светлые дома, по радио будут слушать далекую Москву, а в кино увидят весь мир...

Сейчас все это уже давно воплощено в жизнь — и дорога, и электростанция, и радио, и кино, — но тогда, в 1931 году, так интересно было мечтать об этом. Казахи слушали как зачарованные.

— Только для всего этого, — заключил Вадим, — не хватает одной вещи — каучука. Не будет без него электричества и кино, не смогут ездить сюда автомашины. Вот мы и ищем каучук в ваших горах. Сталин приказал нам искать.

— А какой он, каучук? — спросил вдруг Сайдак. — Как его искать?

Еще в Москве, перед самым отъездом, наши путешественники зашли в Институт каучуконосов и попросили: «Научите, как искать каучуконосы». Видно, в институт не раз приходили с такими просьбами. Никто не удивился, им дали руководителя, и пять дней ребята проходили семинар...

— Каучук — в растениях, — сказал Вадим. — Мы не знаем, в каких. Может быть, в деревьях, может в кустарниках, может в траве. Но там, где есть такие растения, дети любят жевать их. Может быть, вы знаете такую траву или кусты?

Все молчали.

— Борис, — тихо сказал начальник экспедиции, — посмотри, может в твоём справочнике есть перевод слов «жевать», «жвачка».

Борис вынул из кармана свой «разговорный справочник» и начал листать.

— «Жаба, жадность, жажда, жало, жалость, жара, — шептал он, — жасмин, жбан, жвачка...» Есть! Слышишь, есть! «Жвачка» — по-казахски «сагыз».

— Вот, — обратился Вадим к кочевникам, — каучук есть в сагызах. Са-гы-зах! Знаете вы о них, слышали что-нибудь?

Ребята напряженно ждали ответа, но все молчали. Томительно тянулось время. И вдруг древний старик, который совсем, казалось, уснул, приоткрыл свои узкие глаза, вынул длинную трубку изо рта и подошел к ним вплотную.

— Есть такой сагыз, — сказал он, — есть в Небеонных горах. Вспомнил: от деда своего слышал. Есть! Он на сазах растёт, сагыз, — на горных болотах. Вы ищите, обязательно ищите! Пусть будет волшебная жизнь в наших горах!

— И мы пойдем искать! — сказал Сайдак.

— Мы комсомольцы! — добавил Галук.

Это был чудесный вечер, полный дружелюбия, надежд и хороших мечтаний. А утром из кочевья у перевала Санташ вместе с нашими путешественниками уехали комсомольцы Сайдак и Галук. Они стали проводниками экспедиции. Предстоял еще дальний путь...

ДЕД СТЕПАН НАБОКОВ

По пустынному плато, со всех сторон окруженному скалами, быстро скакали трое всадников. Все они были в военной форме. За плечами у двоих висели винтовки, у третьего — очевидно, командира — был маузер на ремне. Возле иссохшего русла реки они спешились. Время шло к вечеру, и солнце уже почти скрылось за мрачной серой горой, бросая в долину последние косые лучи. Командир поднес к глазам бинокль и долго смотрел на север. Потом сказал коротко:

— Будем ждать здесь. Они уже идут.

Через полчаса и невооруженным глазом можно было заметить, что по склону горы медленно спускается группа верховых.

— Один, два, три... — считали военные, — четыре, пять, шесть... семь, восемь.

Они переглянулись.

— Почему восемь? — сказал командир.

По его знаку, один из военных повел лошадей в небольшую лизину, а второй залег за большим камнем около командира. Отсюда вся долина была видна как на ладони.

К ним приближался странный отряд. Впереди ехал загорелый до черноты мужчина в белой туристской шляпе и клетчатой рубаше. Еще издали виден был удивительно светлый по сравнению с лицом чуб, спадавший ему на лоб. Чуть поодаль двигались вразброд еще пятеро верховых в таких же костюмах. Шествие замыкали двое в остроконечных шапках и пестрых халатах. Двигались все они медленно, видимо утомленные большим переходом.

И вот, в тот момент, когда они были всего в десяти шагах от камня, оба военных одновременно поднялись и направились к ним навстречу. Путешественники замерли от неожиданности.

— Товарищ Бахнов? — обратился командир к светло-волосому всаднику.

— Я, — удваенно подтвердил тот.

— Очень приятно! Начальник погранзаставы Грищенко.

Вадим сошел с коня. Они обменялись рукопожатием. Потом командир представил второго военного:

— Юсупов, мой помощник.

— Очень приятно! — сказал Вадим и, указав на подошедшего к нему лария, торжественно представил: — Донской, мой помощник!

— Врач экспедиции? — спросил Юсупов.

Нет, положительно, с этими всезнающими людьми никак не получаются «торжественно-дипломатические отношения»! И с широкой улыбкой, сразу обнаружившей его юный возраст, Вадим сказал:

— Чорт возьми! Откуда вы всё знаете?

— Секрет... — улыбнулся в ответ начальник заставы. — В горах ведь тоже радно есть. Кстати, — он сразу перешел на серьезный тон, — нам известно, что вас шестеро...

— Ах, да! — спохватился Вадим. — Я совсем забыл. Это наши проводники: Сайдак и Галук. Комсомольцы и замечательные ребята!

Но его улыбка вновь встретила спокойно-испытующие взгляды пограничников. И тут только Вадим сообразил, что перед ними окранный советской земли, граница Родины, которую охраняют и днем и ночью. Он быстро достал из кармана сложенный вчетверо лист плотной бумаги:

— Вот наши документы.

— «Исследовательская экспедиция комсомольцев-туристов в Центральный Тянь-Шань... — внимательно читал начальник заставы. — Маршрут Пржевальск — Нарынкол... Просьба ко всем советским, партийным и общественным организациям оказывать содействие...»

Окончив чтение, он аккуратно сложил бумагу и вернул Вадиму. Потом улыбнулся и сказал, обращаясь ко всем:

— Поздравляю с окончанием похода, товарищи! Вот он, Нарынкол, — за той горой. Через час будете на месте. А вечером милости просим к нам. Расскажите, что хорошего нашли в наших краях.

— За приглашение спасибо, — ответил Вадим. — Только вот рассказывать, боюсь, нечего будет. Грустные наши дела...

Дела, действительно, были грустные. Полмесяца провели они в седле, в походной палатке, то поднимаясь вверх по склонам гор, то спускаясь вниз, в ущелья. Они прошли по горам около трехсот километров. Они видели гигантский горный узел Хан-Тенгри, они дошли до цели. Каждый день путешествия был насыщен исследовательской работой, каждый километр пути был описан в дневниках, изучен и измерен...

Но нигде не нашли они каучукопосов. Осматривали деревья, кусты, изучали цветы и травы, но тщетно. Помня слова старого казаха, они останавливались у каждого болота, и проводники — Сайдак и Галук — лезли в самые опасные места этих болот, покрытых сочной рас-

тительностью. Они доставали десятки разнообразных растений, но каучуконосов не было среди них.

С каждым днем все мрачнее становился Вадим. А Витя грустно острил, приглашая всех «к столу» на приёмале:

— Плохи наши дела, даже сыр нас оплакивает...

Они докалчивали запасы швейцарского сыра «со слезой».

В общем, похвалиться, действительно, было нечем, хотя свое основное задание — разведку дорожной трассы — они выполнили отлично.

Рассказав обо всем этом своим новым знакомым, Вадим задумчиво добавил:

— У меня есть еще одна надежда: долина реки Баян-кол. Болот там должно быть много, места малонаученные — самые глубины Тянь-Шаня. Хотим отправиться туда на несколько дней. Будем искать сагизы. Надо ведь найти!

— Обязательно надо! — откликнулся начальник заставы и, подумав, добавил: — Басмачей там сейчас нет — выловлены, так что охрана вам не понадобится, а вот проводника местного я вам советую взять. И лучше всего деда Набокова...

Интересный это был старик! Огромный, широкоплечий, седобородый. Он встретил ребят на пороге своей белевской, неожиданной в этих местах, хатки. Вадим и Митя смотрели на него с некоторой робостью — начальник предупредил их, что дед горд и не со всяким согласится идти.

— Экспедиция? — вместо приветствия спросил старик, глядя на них из-под лохматых бровей.

— Экспедиция, — ответил Вадим. — Хотим пригласить вас проводником.

— Однако молодые еще, — ехидно протянул дед. — Не видел я таких путешественников в нашей местности.

Ребята переглянулись.

— Верно, молодые, — выпалил вдруг Митя, — а ты, дед, старый, я погляжу.

— Чего? — обиделся старик. — Это я старый? Восемьдесят шестой год пошел, а ни одна экспедиция без Набокова не обошлась. Набокова все кличут. Ишь, «старый»!

Старик раскипятился не на шутку. Он вдруг скрылся

в хате и вышел, к ужасу Мити, с огромным створинным ружьем.

— Видишь гору? — спросил он.

— Вижу.

— Видишь камень большой на той горе?

— Вижу.

— А на том камне маленький видишь?

— Не вижу.

— А ты посмотри в оловянный стакан!

И через оптические стекла бинокля Вадим увидел, как маленький камень свалился с большого после выстрела дедушки. Старик бил не с колена, а стоя, и точно попал в цель. Он гордо посмотрел на Митю:

— Ну, опять скажешь «старый»?

— Нет, — выступил вперед Вадим, — никак не скажем. Я даже считаю — наградить вас надо за такое дело.

И он тут же снял со своей кобальтовой маленькой эмалевой значок «ОПТЭ» («Общество пролетарского туризма и экскурсий») и приколот к дедовой куртке. Старик улыбнулся и сразу подобрел.

— Степан Набоков! — торжественно представился он. — Охотник.

Вадим вспомнил встречу с пограничниками. Он приосанился, переглянулся с другом и как можно официально произнес:

— Вадим Бахнов, начальник исследовательской экспедиции в Центральный Тянь-Шань. Дмитрий Донской, врач экспедиции.

— Чего? — недоверчиво переспросил дед.

— Дмитрий Донской, — повторил уже сам Митя, — врач экспедиции.

Дед по очереди пожал протянутые руки, потом сказал серьезно:

— Знатный был воевода. Хорошее имя носишь... Придется, однако, пойти с вами...

Им ни разу не пришлось пожалеть о том, что они угостили старика итти с ними. В походе он был неутомим, по целым дням не оставлял седла. А когда надо было взбираться на крутую гору и лошадям было трудно, дед первым слезал с коня и вел его в поводу. Иногда он вдруг исчезал на некоторое время. Ребята слышали гул-

кий выстрел в горах, а потом появлялся дед с архаром — горным козлом, — перскинутым через седло. Архары так часто разнообразили меню, что Виктор придумал для друзей новое прозвище: «архаровцы — пожиратели диких козлов».

Старик отлично знал местность и кратчайшим путем вел их к измененной долине Баянкола, особенно богатой, по его словам, разнообразной растительностью. Он говорил даже, что горцы жуют там смолу какого-то кустарника: «Так, дурной куст, толку с него чуть — скотина его не ест, ягод на нем нету». Понятно, с каким нетерпением мечтал Вадим познакомиться с этим «дурным кустом».

Однажды он хотел даже отменить очередной привал, чтобы не терять времени, но тут воспротивился дед:

— Надо чаю испить.

— Мы на этот чай целый час потеряем, — возразил Вадим. — Пока хворост соберем, пока костер разведем...

Но тут старый охотник преподал ему урок охотничьей премудрости: он заявил, что вода будет кипеть ровно через три минуты. Этим спором заинтересовались все.

— Ой ли, дед? — ехидно спросил Митя Доиской.

— Вот те крест! — зашумел старик. — Засаекай время.

Он быстро достал из своего заплочного мешка маленький просмоленный чурбачок и поставил его на землю. Набрал воды из ручья, но не в котелок, а в большую сковороду. Чурбан вспыхнул от первой спички и запылал ярким пламенем. Дед держал в руках над огнем свою посудину, и ребята ахнуть не успели, как вода закипела.

— Сколько? — осведомился старик.

— Три минуты десять секунд, — ответил Вадим.

— Врут твои часы! — сказал дед Набоков. — Ясное дело, врут.

Чаю из вместительной сковороды хватило всем, привал продолжался всего десять минут. И, взгромоздившись на своего Роснишца, довольный Виктор говорил с серьезным видом:

— Нет, товарищи, завтра же созываю общее собрание по персональному делу деда Набокова. Надо списать ему лишние семьдесят лет и принять в комсомол.

Путешествие продолжалось...

«ДУРНОЙ КУСТ»

Началось все с того, что беспокойный Вадим открыл во время очередного ночлега новый, еще неизвестный географам ледник. Тут же решено было совершить всеобщее восхождение на этот ледник, описать его, нанести на карту и дать ему название.

На заре все отправились на ледник. В лагере остался один Виктор. Он грустно сидел у костра и думал о своем невезении. Вот всегда так получается: ребята штурмуют ледник, а он должен охранять все эти компасы, anerонды, шагомеры, сумки, дневники и прочее имущество! Им — честь и слава, а ему — нуль. Тоска!..

Чтобы хоть чем-нибудь заняться, он вынул из сумки «дневник проб» и, улегшись на земле, начал проверять свои записи. Безалаберные это были записи, и никто, пожалуй, кроме самого Виктора, не смог бы разобраться в его карандашных каракулях: «кашт. суглин.», «серый супес.», «глин.», «сух. покров» и т. п. Почвовед наш хотел сделать еще какую-то запись, но верный Росинант был тут как тут и наступил копытом прямо на тетрадь.

— Росси, лапку, — вежливо попросил Виктор, — ну, пожалуйста! Я сейчас кончу.

И послушный Росси убрал свою «лапку». Они давно уже подружились и прекрасно понимали друг друга.

Но, видно, суждено было дню стать беспокойным: только Виктор снова взялся за карандаш — заржали и ваметались все лошади. Он оторвался от дневника, поднял глаза и замер: метрак в ста стоял, приподнявшись на задние лапы, бурый медведь — не очень большой, как все горные медведи, но хлыкастый и свирепый.

Зверь с любопытством уставился на человека, потом заурчал и двинулся к лагерю. «Вот здорово! — подумал Виктор. — Это будет почище восхождения». Он подхватил винчестер, оставленный ему Юрой Паниным, и начал целиться в зверя. Видно, медведь никогда не сталкивался с людьми: не обращая на ружье никакого внимания, он все так же неторопливо приближался.

С лошадьми творилось что-то невообразимое: они патиули до предела веревки, которыми были привязаны, сбились в кучу и ржали, задрав головы к небу. Виктор заметил даже укоризненный, как ему показалось, взгляд

Росинанта. Он сдержал дрожь в пальцах, совместил мушкету точно с прорезью чуть пониже медвежьей головы и нажал спусковой крючок.

Выстрела не последовало. Медведь был уже шагах в пятидесяти и приближался все так же неторопливо. «Чортон иинчестер!» пропелось в Витиной голове. Он лихорадочно перезарядил ружье и вновь нажал на спуск. И снова никакого выстрела! А медведь поднимался уже на задние лапы. Виктор совсем близко увидел его беспокойные глаза и страшную клыкастую пасть, услышал сопенье зверя. И тут, помимо воли, ноги подняли его и понесли, понесли, понесли...

Остановился беглец на необычайно крутом, высоком склоне, куда в спокойном состоянии он ни за что бы не взобрался. Осторожно оглянулся назад: все было спокойно. Лошади разбрелись и жевали траву. Росинант хитро поглядывал на своего яеудачливого спасителя. И нигде не видно было медведя, как будто все это приснилось.

«Обиделся, верно, за невежливый прием. — улыбнулся Виктор, — вот и ушел». Всегдашний юмор вернулся к парню.

Впрочем, вскоре ему стало не до смеха. Каждый шаг давался с трудом: прежде чем поставить ногу, надо было ошупать шаткие камни; прежде чем отпустить руку, надо было глазами отыскать следующую подходящую выемку или куст.

«Нет, мне сегодня явно не везет, — думал наш неудачник: — на восхождении не был, медведя встретил — не убил, а теперь повис, как жаворонок, между небом и землей».

Он ухватился правой рукой за кустик и осторожно перенес левую ногу на следующий камень. Казалось, все было в порядке, но едва он приподнял правую ногу, камень сорвался и полетел вниз. Виктор ахнул и повис в воздухе на руках. Куст под правой рукой затрещал, какое-то мгновение казалось, что все кончено... Но растеньице выдержало.

Виктор осторожно двинул ногой, нащупал выемку, укрепил в ней правую ногу, затем левую и наконец-то вздохнул свободно. Он с уважением взглянул на кустик, спасший его от гибели, и тут же забыл обо всем на све-

те: на крепких ветках кустарника явственно проступали желтоватые подтеки. Виктор осторожно содрал ногтем этот наплыв и положил его в рот. Сперва навязло в зубах — не отодрать. Потом стало легче, и Виктор зажевал в свое удовольствие... Каучук! Вот почему не сломался куст!

Забыв о своем «жавороньем» положении, он раскачал растение, подрыл его ножом и, вырвав с корнем, бросил вниз. Куст покатился по скале...

Ребята вернулись в лагерь оживленные и довольные. Восхождение прошло удачно, ледник был исследован и нанесен на карту. Его назвали «ОПТЭ» — в честь всех советских туристов. А на обратном пути отличились охотники: дед Набоков убил очередного архара, Мите удалось подстрелить из мелкокалиберки уalara — великолепную горную индейку. Он гордо нес на плече эту красивую серую птицу и еще издали закричал:

— Что нового? Готов ли обед? Охотники проголодались!

Но Виктор молчал, несколько не удивляясь Митиной добыче.

— Товарищ, — не унимался Митя, — глядите, как старательно жует наш кок... Ты все съел, обжора!

Виктор снизошел наконец до ответа.

— Пока вы бездельничали и развлекались, — лукаво сказал он, не оставляя своей жвачки, — мы с Росинантом занимались углубленной научной работой. Вот наши результаты!

И он развернул перед друзьями гербарную книгу. На сетке аккуратно распластался всеми своими веточками и корешками зеленый куст с желтоватыми подтеками.

— Что это? — воскликнула Ирина.

Подошедший в это время дед только глянул на куст и пренебрежительно сказал:

— То ж арча — дурной куст...

— ...явно содержащий каучук! — победоносно добавил Виктор. — Я уже проверял и исследовал.

Он гордо улыбнулся и жестом фокусника извлек из рта светлый мягкий шарик. Теперь-то уж Виктор не сомнял, конечно, о своем «вечном извезении». А ребята окружили гербарную книгу, шумели, смеялись: ведь это был долгожданный каучуконос!

Винюппик торжества взял большой черный карандаш и, пробывши к своей находке, надписал крупными буквами: «Арча». Потом подумал и добавил: «гор-сагыз».

— Горный сагыз? — понтересовался Митя.

— Нет, сагыз Горского! — с достоинством ответил Виктор: он не лишен был честолюбия.

И в этот самый момент Вадим, внимательно осматривавший растение, взял карандаш и, зачеркнув надпись Виктора, сделал свою: «Можжевельник».

— Почему «можжевельник»? — возмутился герой дня.

— Очень интересное растение, — спокойно ответил Вадим, — только, увы, не каучуконосное... Можжевельник — хвойное растение, а жуешь ты обыкновенную смолу.

Так быстро закончилось торжество Виктора Горского. Митя не без ехидства утешал приятеля:

— Не горюй! Можжевельник тоже в хозяйстве пригодится. Из него ведь лучшие карандаши производят. Только вот название придется сменить: не «гор-сагыз», а «кар-сагыз» — карандашный сагыз.

Но никто не улыбнулся этой шутке. Задумались путешественники. Новая неудача!.. Грустную паузу прервал Вадим.

— Друзья! — сказал он. — Забыли мы, что ли, золотое правило: главное — не унывать. Неудача? Значит, надо дальше искать!

И Митя Донской, увлекавшийся в то время стихами, громко декламировал:

Но самое главное — не сдавать,
Самое главное — верить!

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В СЕЛЕНИИ КОК-ПАК...

Очень грустным было расставание с дедом Набоковым.

— Вы приезжайте ко мне на тот год, — говорил он прощаясь. — Мы тут всю окрестность облазим, на самую Хан-Тенгри взойдем. Уж больно мне охота отыскать ваш каучук!

Мало кто из ребят надеялся к тому времени на успех.

Долина Баянкола не оправдала их надежд. — Правда, в своих переметных сумках наши путешественники увозили несколько «подозрительных» растений. Но все знали, что если и есть в них каучук, то в очень незначительных количествах. А путешествие близилось к концу...

Еще пять дней пути — и экспедиция вышла на большую караванную тропу. Все чаще встречались путники, все больше попадалось селений. Места были людные, оживленные, не похожие на таинственные глубины Невесных гор.

Но попрежнему Вадим зорко смотрел по сторонам, выискивая новые растения. Попрежнему Борис заводил со всеми встречными разговор, в котором давно уже на первом месте вместо «атба» стояло: «Знаешь ли ты о сагзызах? Жуют ли у вас какие-либо травы?» А Сайдак и Галук продолжали таскать к начальнику экспедиции всевозможные кустики, цветы и травы.

— Бросьте вы это дело, — говорил Виктор (после своей неудачи с арчой-можжевельником он рукой махнул на поиски). — Жалко на вас смотреть. На Баянколе — в сердце Тянь-Шаня — и то не нашли. А тут места ежешые-пересезженные, открытые-переоткрытые...

Но Вадим бросал на него такой взгляд из-под нахмуренных бровей, что тот сразу замолкал. Нет, Вадим не терял надежды! Мысли о каучуке не покидали его. «Должны найти, не можем не найти!» думал он в особенно горькие минуты.

Каучуконос снился ему по ночам. Вот стоит перед ним огромная заросшая скала. За ней другая, третья... целый хребет. Шумят, качаются высокие деревья, зло урчит бурная река, преграждая путь. А где-то там, вдали, в самых глухих местах пританлся, спрятался от людей желанный куст. Его надо найти! Вадим пробирается все дальше и дальше. Он раздвигает руками ветви дремучих елей, он наклоняется к земле. Вот он, каучуконосный куст! На нем яркие, невиданной красоты цветы, похожие на маки озера Иссык-Куль. И Вадим знает: это то, что он ищет...

Он просыпался ночью от этих сновидений. И ребята, дежурившие по очереди у костра, видели, как Вадим вставал и большими шагами бродил вокруг лагеря. Лицо его осунулось, еще резче обозначались скулы.

Но настал день, когда даже Вадиму пришлось на время забыть о каучуке. Начались новые приключения, появились новые заботы...

Их приезд в Каркару — большое красивое село — соппал с открытием ярмарки. Сюда съехались люди из самых отдаленных мест. Кругом были разбиты палатки, рядами стояли арбы с дынями, айвой, персиками, абрикосами. Здесь же шла бойкая торговля пестрыми узбекскими шальями, ватными халатами, верблюжьей шерстью. В центре пролают коней; рядом — верблюдов, ишаков, мов и овец. Шумно, весело, оживленно...

Все места в карапан-сарай были заполнены, и наши путешественники привычно раскинули лагерь во дворе, под открытым небом. Но только они успели заснуть, раздались выстрелы: с севера, с юга, с востока — казалось, стреляют со всех сторон. «Басмачи! Басмачи!» слышались крики. Вадим первым выскочил из палатки.

— Ирина и Борис, — скомандовал он, — оставайтесь здесь! Вы отвечаете за все материалы экспедиции.

Остальные четверо направились в ярмарочный комитет, к секретарю местной партийной организации:

— Считаем себя мобилизованными. Явились в ваше распоряжение.

— Оружие? — спросил секретарь.

— Мелкокалиберка и винчестер... маловато... Но у нас есть еще ножи.

Секретарь быстро принял решение.

— Двумя секретами займете оборону с севера, — приказал он и добавил: — Оружия не дадим, нету.

И вот Вадим с Митей сидят спиной друг к другу в сырой канаве. Метрах в ста — Виктор и Юра. Но их не видно, ничего не видно — темень страшная. Только над головой горят буквой «W» пять звездочек созвездия Кассиопеи. Выстрелы слышатся с юга. Туда секретарь повел основные силы — там главный бой, — а туристам нашим, учитывая, очевидно, их более чем скромное вооружение, дал второстепенный сектор обороны.

Выстрелы постепенно удаляются и стихают совсем. Наступает пудная, томительная тишина. Вадим волнуется за судьбу «тыла» экспедиции. Как они там, Борис и Ирина? Зря оставил в лагере только двоих! Ведь у них — плоды всех трудов, всех изысканий...

Вдруг справа слышится тихий шорох. Они настораживаются. Снова шорох, и уже ближе. Вадим чувствует, что Митя вынул свою винтовку, сжимает нож покрепче... и неожиданно слышит знакомый голос:

— Как жизнь, архаровцы? Принес вам остатки пабовского коалика пожевать. Проголодались, небось, сердешные?

В канаву сползает Виктор, лохматый, грязный, но селый, как всегда.

— Кушайте, детки, — говорит он, зппетитно пожеывая вяленую груднику, — не волнуйтесь. Нас охраняет Юра, а у него знаете какой винчестер? Спуску басмачам ни за что не даст, — спуск у него не работает. Проверено!

— Когда это ты проверил? — подозрительно спрашивает Вадим.

— Ой, хлопцы, проговорился! — спохватывается неудачливый охотник. — Придется теперь во всем сознаться.

И он подробно описывает товарищам свою встречу с медведем, о которой до тех пор благоразумно умалчивал.

— В общем, — говорит он в заключение, — если коротко сказать, то было так: повстречались, поглядели друг на друга, оба страшно испугались и кинулись в разные стороны.

...Вскоре они узнают, что басмачи отбиты и рассеяны по степи. Часть бандитов отошла на юг, к ущелью, как раз в том направлении, куда надо было двигаться нашим путешественникам.

— О ночном нападении уже сообщено куда следует, — говорит секретарь партийной организации. — На встречу басмачам вышел воинский отряд, но пока совету подождать.

Вадим и сам не хочет больше рисковать материалами месячных дорожных исследований. Но ждать тоже нельзя — отпуск кончаются, они опаздывают на работу в Москву.

В эту беспокойную ночь никто не ложится спать, ребята совещаются, спорят, каждый доказывает свое. Осторожный Борис советует ждать, Виктор и Митя — двигаться дальше. Что делать?

Тут прибегают Сайдак и Галул — золотые ребята! — и рассказывают, что из Каркары выходит «красный

обоз» колхозников, возвращающихся с ярмарки домой. Обоз большой, охраняется вооруженным отрядом, а главное — движется к югу, в нужном направлении.

— Ура! — кричат путешественники.

Утром они вместе с обозом оставляют Каркару, а к вечеру благополучно добираются до маленького селения Кок-Пак. Отсюда до ущелья не больше десяти-двадцати километров. Колхозники хотят дотемна миновать это опасное место. Решено сделать короткий привал, и каждый использует минуты отдыха как может.

Ирина достала где-то ведро теплой воды и осторожно промывает многочисленные ссадины на крупе своего конька. Сказались пятьсот километров пути по каменистым тропам, перевалам и горам — Коля притих, давно уже не брыкается и не резвится.

Неподалеку разлеглись на траве мужчины. Митя и Юра разбирают и чистят свои винтовки — сегодня оружие может пригодиться. Работа не мешает им вести неторопливую беседу. Речь идет о будущих походах. Следующим летом они собираются в Сибирь, на озеро Байкал. Вот интересно!

Борис разложил на земле карту и высчитывает по ней, сколько дней пути осталось до Пржевальска, Фрунзе, Москвы. Он думает уже о своей учебе в Экономическом институте, о том, что он будет рассказывать о Тянь-Шане друзьям-студентам.

Виктор ничего не делает. Настроение у него превосходное. Он развалился, вытянул затекшие ноги и с нежностью смотрит на свою белолобую лошадку. Росинант оказался выносливым: он попрежнему вышагивает как ни в чем не бывало и так же лукаво косится на всех своим карим глазом. Виктор гордится им необычайно. Он наслаждается покоем и наблюдает за Ириной работой. Потом улыбается и кричит:

— Ирина! Записываюсь в очередь после Коли. У меня тоже руки-ноги исцарапаны.

— Виктор в лошади записался, — не отрываясь от дела, глубокомысленно замечает Борис.

Все смеются, но Виктор и тут не теряется.

— «Все мы немножко лошади», сказал Маяковский, — с напускной грустью произносит он.

...Сайдак и Галук — на другом конце селения. Они

разговаривают с колхозниками; перебивая друг друга, рассказывают им о путешествии, о лонках, восхождении на ледник, о начальнике экспедиции...

А где же сам Вадим? Как он проводит свой отдых?

Рядом с маленьким домиком, в котором Ирина кипятила воду, сидит он на скамеечке с колхозником и беседует о погоде, об урожаях, об охоте, о жизни... Все его интересует. А потом он переходит и к самому главному.

— Не слышал о таких кустах, — отвечает его собеседник, — нет их у нас...

Вадим грустно глядит вдаль. Заметно потемнело небо — удивительно быстро спускаются сумерки в краю Небесных гор! Слышится мелодичный перезвон верблюдьих колокольцев, поскрипывают арбы, в которые колхозники из обоза впрягают лошадей. Пора и ему собираться в путь. И вдруг Вадим видит странную картину: по улице с шумом бегут Сайдак и Галук — неутомимые проводники — и тянут за собой какого-то испуганного мальчонку.

— Вот, — кричит Сайдак еще издали, — жует парень! Действительно, за щекой у мальчика что-то есть.

— Как тебя зовут? — спрашивает Вадим.

— Карын.

— А сколько тебе лет, Карын?

— Восьмой пошел.

Мальчик успокоился. Он уже с любопытством уставился на незнакомого загорелого дядю-путешественника.

— Что у тебя во рту? — продолжает интересоваться Вадим.

— Земляная сера.

«Странно! — думает искатель сагызов. — Сера и смолу действительно жуют алтайские горцы и многие сибиряки. Но серы не должно быть в этих местах. Неужели опять смола?..»

— Скажи, Карын, где ты берешь эту серу?

— Балуются наши ребяташки, — с улыбкой вмешивается колхозник: — бегают на болото, жуют там какую-то травку.

В один момент Вадим забывает о басмачах, о «красном обозе», обо всем на свете. Он даже подскакивает на месте:

— Какая травка?

— Да такая, маленькая, — дивится колхозник волнению гостя, — обыкновенная травка, болотная...

— Да-ка мне попробовать, — обращается Вадим к мальчику.

Тот с готовностью лезет в карман и достает маленький темный комочек... Сайдак и Галук рассказывали после, что Вадим даже в лице изменился, когда взял его в руки. Вне всякого сомнения, это был каучук!

Вадим кинулся к друзьям. Они уже сидели верхом и беспокойно оглядывались, не понимая, куда мог запропасться их обычно такой аккуратный командир.

— Трогай в путь! — крикнул Вадим. — Я остаюсь. Здесь есть каучук.

— Ты с ума сошел! — возмутился Борнс. — Ночь, басмачи, а ты... Какой тут может быть каучук?

— Вот, — коротко ответил Вадим и передал брату маленький комочек. — Отвезешь в Москву, если что...

Митя соскочил с коня:

— Я останусь с тобой.

— Нет! — строго приказал Вадим. — Я остаюсь один. Временно назначаю тебя начальником экспедиции.

И друзья увидели его горящие глаза. Они поняли: спорить с ним бесполезно. Виктор молча спешился и подвел Вадиму свою белолобую лошадку:

— Возьми. Этот Росинант — талантливый конь и вынослив, как лошадь.

Никто не улыбнулся его шутке. Да он и не шутил — просто привычка такая. А Вадим мигом вскочил в седло. Перед собой он посадил маленького черноглазого мальчишку. И уже из темноты услышали друзья его последние слова:

— До свиданья!.. Обо мне не беспокойтесь... Догоню!..

Месяц спустя, когда Вадим поднялся на залитую светом эстраду Колонного зала Дома союзов, ему аплодировал весь зал. А он, неловко шурясь от слепящего света ярких люстр, не знал, где стоять, куда девать руки, как ответить на приветственный гул. Ему казалось: нечего рассказывать — все было так просто, так обыденно.

...Болото оказалось совсем близко от селения. Мигнут

через десять они уже добрались до цели. Сколько таких болот, тусклых, серых, покрытых редкой клочковатой растительностью, осмотрел он за время путешествия! Что найдет он здесь?

— Ну, Карын, показывай свою травку.

Мальчик, очень довольный своими обязанностями проводника, кубарем скатился вниз и пустился вперед. Через несколько минут он подозвал Вадима:

— Вот!

Не было на растении ярких цветов, подобных макам озера Иссык-Куль, не таялось оно в кустарниковой чащобе. На голой земле Вадим увидел... самый обыкновенный одуванчик. Ну самый обычный, каких тысячи в Подмосковье: дунешь — полетит. Хилое, пожелтевшее растение чуть колыхалось от ветра на тонком стебельке.

— М-да... — разочарованно протянул Вадим. — А ты не путаешь?

Мальчик обиделся. Он быстро вырвал из земли растение и протянул Вадиму:

— Вы пожуйте корешок, увидите!

Вадим улыбнулся и взял одуванчик в руки. Повертел, осмотрел. Потом попытался сломать стебелек, но лишь согнул его. Что такое? Снова ломает — не ломается. Лихорадочно взял «пробу на палец»: выдавил млечный сок на указательный палец, придавил большим и несколько раз сблизил и разжал пальцы. Тонкими белыми нитями тянулся сок одуванчика. Сомнений не было: у него в руках настоящий каучуконос!

— Ну, Карын, кажется мы сделали с тобой большое открытие! Как называется эта твоя травка?

— У нее нет имени...

Долго еще ползал Вадим по болоту, собирая образцы безыменного одуванчика. «Проводник» давно уже покинул его — убежал к своим сверстникам продолжать прерванную игру. Совсем стемнело, когда, придерживая туго набитую сумку, Вадим вскочил на лошадь и галопом помчался на юг.

Своих он догнал перед самым ущельем — мрачным местом, с двух сторон сжатым угрюмо нависшими скалами. Верные друзья отстали от «красного обоза» и ждали своего начальника.

— Победа! — крикнул Вадим, подъезжая к ним. —

Мы нашли богатый каучуконос. Это тянь-шаньский одуванчик!

И, забыв обо всех опасностях, ребята трижды прокричали «ура».

Без приключений догнали они колхозников, а утром узнали, что за несколько часов до их прихода в ущелье там был бой: красноармейцы нагрянули неожиданно, разгромили басмачей и большую часть бандитов взяли в плен.

Вскоре наши путешественники уже пересекли незабываемое озеро Иссык-Куль...

В Москве Вадим в первый же день отнес находку в Институт каучуконов. Потом все занялись приведением в порядок дневников, планов, таблиц, расчетов, съемок. А через несколько дней всех их вызвали в Институт каучуконов, крепко жали им руки, поздравляли, сказали, что открытый ими тянь-шаньский одуванчик содержит в корнях прекрасный, первосортный каучук...

— Вот и всё, — закончил Вадим Бахнов свой рассказ.

Буря оваций покрыла его слова. Комсомолы Москвы, собравшиеся в Колонном зале, приветствовали человека, который выполнил каиз вождя — открыл лучший советский каучуконос, дал Родине необходимый каучук.

Глава вторая

ОШИБКА ТОМАСА АЛЬВЫ ЭДИСОНА

ЕСЛИ БЫ...

А что, если бы экспедиция комсомольцев-туристов не остановилась в селении Кок-Пах?.. Путешественники спешили уже домой и вовсе не собирались заезжать туда. И, конечно, могли не заехать... Что было бы тогда?

Ведь с самого начала все могло сложиться иначе. Вадим мог не встретить старика-казаха у перевала Саңташ. И старик мог не вспомнить о древних сагызах. Саң-

дак и Галук могли, в свою очередь, не обратить внимания на жующего мальчика. А Карын, тот уж вовсе мог выбросить свою жвачку изо рта, пока в селения были путешественники: их приезд был для него куда интереснее!

Все это — цепь случайностей. А не будь этих случайностей, неужели советские каучуконосы так и не были бы открыты?

Велика и обширна наша Отчизна. Высочайшие горные хребты переходят в предгорьях в степные равнины, бесконечная степь постепенно сменяется зеленой полосой лесов, дремучая сибирская тайга уступает на Севере место холодным просторам тундры, а на Юге рядом с субтропиками Черноморья тянутся на тысячи километров знойные пустыни Средней Азии...

Вдали от Небесных гор, совсем в другом краю, затерялась среди песчаных барханов желтой пустыни маленькая железнодорожная станция Кара-Чокат. Медленно и размеренно текла там жизнь.

Два раз в день проходили поезда: один — в Ташкент, другой — в Актюбинск. На узкую дощатую платформу выходил помощник начальника станции Иван Федорович Кузнецов, неизменно подтянутый, чисто выбритый, в белом кителе, застегнутом на все пуговицы. Он поднимал флажок: путь свободен. Паровоз поспешно выпускал пар, деловито пытел и торопился дальше, вперед — туда, где кипит жизнь.

И столь же регулярно, будто по расписанию, приходил раз в месяц к Кузнецову станционный телеграфист. Он снова и снова просился в отпуск на «Большую землю». На станции Кара-Чокат, в песках Казахстана, телеграфист чувствовал себя, как полярник на какой-то далекой зимовке.

— Иван Федорович, — плакался он, — отпустите хоть недельки на две. Я уж все книги из нашей библиотеки перечитал по два раза. Скучно!

Помощнику начальника станции Кара-Чокат не было скучно. Такой уж он был человек. В проходящих составах — с лесом, кирпичом, машинами, станками — он умел видеть будущие заводы, шахты, колхозы, прекрасные города. Ему представлялись широкие голубые озера, возникшие среди иссохшей пустыни; на их берегах шу-

мели раскидистые деревья. А там, где он видел лишь одинокие кибитки кочевников, представлялись ему гра- нитные дворцы будущего—театры, школы, университеты...

Он был большим мечтателем, Иван Федорович Куз- нецов, а ведь известно, что без мечты, без настоящей фантазии не создашь нового, не откроешь ничего инте- ресного, ценного.

Скучающий телеграфист сто раз в день бросал рассе- янный взгляд за окно своей аппаратной и видел всегда одно и то же — безоблачное небо и надоевший желтый песок, кое-где поросший травянистыми кустами. И ни разу не понтересовался он, что это за кусты, как они растут, что могут дать. Если бы спросить у телеграфиста, почему он так равнодушен к тому, что его окружает, парень, пожалуй, даже обиделся бы.

«Какие такие кусты? — спросил бы он. — Это не моя обязанность — следить за кустами. Я вам не ботаник ка- кой-нибудь!»

Он полагал, что все его обязанности заключаются в том, чтобы держать аппараты в порядке, во-время ме- нять аккумуляторы, быстро принимать телеграммы и четко передавать их. Все остальное — не его, мол, дело.

А Ивану Федоровичу до всего было дело. Его зани- мала судьба далекой стройки, которую он никогда не ви- дел, о которой только читал в газете. Его живо интересо- вали первые шаги незнаемого, но родного, потому что он советский, колхоза. Он жил жизнью всей своей великой страны, его радовали ее успехи, его волновали ее забо- ты. И знал Кузнецов, к примеру, о том, что нет у нас каучука, совсем нет. Думал об этой досадной нехватке помощник начальника станции Кара-Чокат, думал и, конечно, обратил внимание на серые кусты, которые рос- ли близ железной дороги. Низкорослые, невидные, они обладали удивительной особенностью: когда Кузнецов подрыл растеньице, он сразу заметил на подземной ча- сти стебля коричневые наросты, наплывы. Они состояли из какой-то смолистой массы. Что это может быть?

Местные жители, к которым обратился Кузнецов, от- ветили ему примерно так же, как дед Набоков сказал об арче-можжевельнике:

— Дурной куст, толку с него чуть: скотина его не ест, ягод на нем нету.

— А как называется этот куст? — упорствовал Иван Федорович.

— Хондрилла.

...Телеграфист был весьма удивлен, когда однажды увидел в руках у Кузнецова небольшой ящик, плотно набитый трапезистыми кустиками. А помощник начальника станции приладил к посылке фанерную крышку и, слегка волнуясь, крупными буквами вывел адрес:

Москва

Высший Совет Народного Хозяйства

Тов. В. В. КУЗЬБИШЕВУ

И нарушен был покой желтой пустыни. Вскоре в Кара-Чокат прнекала большая группа ботаников, химиков, резинщиков. Телеграфисту некогда стало больше скучать: Москва ждала сообщений о поисках хондриллы, депеши шли с утра до ночи.

Когда ботаники собрали достаточное количество ку-стов, химики принялись за их переработку. Это было до-вольно сложное дело: песок сильно засорял коричневые наплывы. Но в конце концов специалисты добились свое-го — каучук был выделен, и полученный продукт был назван в честь первооткрывателя хондриллы «кузнецов-кой».

Этот каучук не отличался качествами лучших тропи-ческих сортов: он был смешан со смолами и другими примесями. Химикам с трудом удалось получить резино-вую изоляцию из «кузнецовки».

И все же самое главное было доказано: под солнцем нашей Родины могут произрастать каучуко-вые!

Вы скажете: и это случайность. Иван Федорович мог ведь работать и на другой станции, не в Кара-Чокате... Но, слушайте, почти одновременно с Кузнецовым открыл хондриллу совсем другой человек и совсем в другом мес-те. Это был азербайджанский фельдшер Карис. Он обна-

ружьи низкорослые кустики с коричневыми наплывами на песчаных отмелях Каспийского моря.

Так двумя простыми советскими людьми был открыт наш первый каучуконос. Первый, но далеко не единственный...

КУСТ, ПОХОЖИЙ НА КОПНУ СЕДЫХ ВОЛОС

Семен Зарецкий совсем не похож был на Ивана Федоровича Кузнецова. Непоседливость, порывистость, горячность — вот основные качества этого человека.

Любил Семен путешествовать, ездить, встречаться с разными людьми. Демобилизовавшись из Красной Армии после гражданской войны, он сразу нашел себе работу по сердцу — уполномоченным Резинотреста. Здесь от него только того и требовали, чтобы он все время ездил с одного места на другое.

В начале зимы Семен Зарецкий прибыл на станцию Кара-Чокат. Задача у него была самая скромная: собирать открытое — собирать наплывы хондриллы, чтобы заводы извлекали из них каучук. Вот и все.

Познакомился Семен с Иваном Федоровичем, поговорил с ним, посоветовался, денек побродил вокруг станции, а потом заявил вдруг, что едет дальше.

— Что так? — удивился Кузнецов. — Не повравались наши места?

— Хондриллы у вас мало, — ответил Зарецкий. — Вы уж не обижайтесь. Сколько тут заготовителей побывало! Нет, — решительно заключил он, — надо искать новые, более мощные заросли!

И Кузнецов не мог не согласиться, что гость его прав.

В начале декабря Семен нашел проводников и двинулся в глубь Казахстана. Пожалуй, легче было бы пересидеть морозы и метели, сидя на месте. Никто ведь не гнал его из Кара-Чоката. Но Семен был человек долга. Армия к его природной непоседливости и горячности прибавила исполнительность и четкость. Дано задание — надо выполнить, хорошо выполнить и в срок. А что до морозов, так это его. Семена Зарецкого, дело: с уютом вти — не замерзнешь.

После многих приключений маленькая экспедиция добралась до подножия древнего Кара-Тау. Зарецкий с удовольствием отогревался в чайхане небольшого поселка, где они остановились отдохнуть. Горячий ароматный чай после двухдневного перехода — это было великолепно! Живо и обильно по природе, Семен завел разговор сразу со всеми посетителями чайханы. Тема была, разумеется, все та же:

— Есть хондрилла в ваших местах?

Казлих степенно кивали головами: есть, мол, растет.

— А много? — оживился уполномоченный Резинотреста.

— Кто ж ее считал!..

— Ну, собирают ее местные люди, — настаивал Семен, — жуют хондриллу?

Один из чаевников — коренастый охотник-казах — медленно отставил свою пиалу, повернулся к беспокойному путешественнику и, хитро сощурившись, ответил вопросом:

— А зачем ее жевать? Вот выше, в горах, растет тау-сагыз. Тот вкусней жевать!

Давно уже разошлись все посетители и чайхана была закрыта, а Семен все еще разговаривал с охотником Оштая — так звали казаха. Тот рассказывал охотно все, что он знал. Тау-сагыз — куст, похожий на копну седых волос. Растет высоко в горах, в самых труднодоступных местах. Часто скрывается в расщелинах скал, над глубокими пропастями. И хотя это лучший из сагызом (жвачек), люди редко отваживаются идти за тау-сагызом. Даже летом, даже в хорошую погоду...

А в горах начался буран. Температура упала до тридцати пяти градусов ниже нуля. Снег засыпал лицо, ветер сбивал с ног. Страшен январский буран в Кара-Тау!

Но Зарецкий не мог ждать: где-то совсем близко скрывается, быть может, необходимый Родине новый источник каучука. Оставив своих спутников в лагере у подножия горы, он только двоих попросил сопровождать его. Вызвались самые крепкие. Медленно, шаг за шагом, метр за метром, преодолевали они опасные кручи. Уже стемнело, когда обессиленные путники добрались до вершины. Здесь они обнаружили жилье — зимовку местного

жителя. Его звали Тенслевай Кузанбаев. К великой радости Зарецкого, горец подтвердил, что заросли таусагыза (что значит «горная жвачка») действительно существуют и находятся неподалеку.

— Ведите меня туда, — сказал Зарецкий.

— Опасно, — возразил Кузанбаев, — буран.

— Это нужно не мне, — твердо сказал Семен Зарецкий, — это нужно тебе. ему, всем нам, всей нашей стране!

Поздно ночью вернулись они на зимовку, исцарапанные, замерзшие. Но зато в руках у Семена были длинные, переплетенные между собой корни, похожие на змей. Когда они оттаяли у костра и свернулись тонкими лентами, то действительно напоминали копну седых волос. Семен переломил один из «волосков», и в разломе явственно проступили нити каучука...

Дальше началось непонятное. Зарецкий отправил корни в Резинотрест. Никакого ответа. Демобилизованный солдат дисциплину знает, ждет дальнейших приказаний. А приказаний нет. Тогда он напомнил о себе телеграммой. Снова молчание.

«Не ошибся ли я? — встревожился Семен. — Есть ли в ней каучук, в этой «копне седых волос»? Может, и нет никакого каучука?»

Он кинулся к своему портфелю, где лежали остатки корней, взял спирт, бензин и по всем правилам произвел анализ. Есть каучук!

В тот же день Семен Зарецкий вызвал Резинотрест по телефону. Трубка донесла далекий, приглушенный голос начальника отдела заготовок:

— Алло. Что? В чем дело?..

— Это я вас спрашиваю, в чем дело! — разозлился Семен. — Почему нет ответа на мою посылку?

Трубка секунду помолчала, потом захрипела разгневанно:

— Не своим делом занялись, товарищ Зарецкий! Вам поручено было собирать хондрилу. Почему вы забросили это важнейшее дело? А?.. Что?..

— Я открыл новый каучуконос!

— Вы ответите за самовольство, товарищ Зарецкий, — брюзжал голос в трубке. — Безобразия!.. Безответственности!.. А?.. Что?.. Алло!..

Но Семен уже не слушал главного заготовителя: он

янал теперь, что надо делать. На губах его появилась влая усмешка.

Когда через несколько дней этот дисциплинированный работник, в нарушение всех приказов, явился в канцелярию Резинотреста, начальник отдела заготовок только руками развел:

— Что с вами случилось, Зарецкий? Без разрешения являетесь в трест. Я ведь вас уволю с работы!

Последнюю фразу он произнес нарочито медленно, раздельно, почти по складам: «у-во-лю... с ра-бо-ты». Семен молча выслушал это. Он был горяч, но когда надо, умел сдерживать себя. Высокий, ладный, со смуглым лицом, одетый всеми степными ветрами, в гимнастерке военного образца, он стоял против начальника и прямо глядел ему в глаза.

— Меня интересует судьба моей находки, — негромко произнес Семен.

Начальник брезгливо отмахнулся рукой от этого вопроса, будто говорил: «Опять вы с этими глупостями! Только работать мешаете», подвигал свои бумаги на столе, потом отвернулся от Зарецкого и сказал, не глядя на Семена:

— Вот здесь присутствует научный консультант отдела доцент Кабачников. Он объяснит вам все относительно этого вашего... тау-сагыза.

Тут только заметил Семен, что в комнате сидит еще один человек — маленький, невзрачный мужчина средних лет, в очках, с бесцветными реденькими волосами. После слов начальника он вышел из угла к столу, откашлялся и начал:

— Прежде всего, весьма проблематично присутствие каучука в этом растении. Трудно предположить наличие каучуконоса в горах Кара-Тау. Труды виднейших зарубежных ученых не дают таких указаний...

— А вы произвели хотя бы анализ тау-сагыза? — прервал Семен.

Кабачников продолжал все тем же ровным, «профессорским» тоном, будто и не слышал его слов:

— Вдобавок, молодой человек напрасно полагает, что он сделал открытие. Тау-сагыз из семейства сложноцветных (компози́та), из рода козельцов (скорцонера) известен уже более двадцати лет...

Это была неожиданность. Чего-чего, но такая новость Семен никак не ожидал! Он даже вздрогнул.

— Да, да, — нудно продолжал научный консультант. — Если вы мне не доверяете, можете отправиться в Ботанический сад и ознакомиться там с гербарными книгами. Вы легко найдете свой тау-сагыз... гм... если обладаете хотя бы начатками ботанических знаний. — Кабачников помолчал, чтобы дошел его ехидный намек, и наконец закончил: — И последнее: в настоящее время проблемой натурального каучука занялся виднейший американский изобретатель Томас Альва Эдисон. Чем возлагать весьма туманные надежды на замороженные кусты и кустики, лучше обратиться за консультацией к нему, к Эдисону...

— Ну и возитесь с вашим Эдисоном, — бросил Семен, — ждите помощи от американского дядюшки! Только это не наш, не советский путь!

Он повернулся к доценту спиной и быстро пошел прочь. Он так громко хлопнул дверью кабинета, что стекла задрожали по всему этажу, и это было единственное, в чем сказался горячий характер Семена Зарецкого. А главный заготовитель и научный консультант дружно покачали головой.

— Грубиян! — сказал первый.

— Чего можно ожидать от профана! — подхватил второй.

И они склонились над зеленым сукном стола и вновь принялись за дело, прерванное приходом беспокойного искателя сагыз. Начальник достал из бювара лист белоснежной, глянцевиной бумаги; доцент склонил голову надоб, прикусил язык и начал аккуратнейшим почерком выписывать каллиграфические буквы, одна к одной:

«Глубокоуважаемый мистер Т. А. Эдисон!

Просим вас не отказать нам в помощи в деле организации поисков каучуконосов. Ваши огромные достижения в этой области известны всему цивилизованному миру. Вы талантливо обобщили исторический опыт всех стран. Ваш анализ методов добычи «черного золота»...

...Тут нам с вами придется оставить на время главного заготовителя и научного консультанта за составлением этого витиеватого послания. Покинем мы и Семена Зарецкого, который бежит сейчас прямо в Ботанический

сад — проверить, правду ли сказал доцент Кабачников, что тау-сагыз открыт двадцать лет назад. Мы вернемся еще к ним. Но прежде надо разобраться, что это за исторический опыт всех стран», о котором писалось в письме Эдисону.

Вы знаете уже, как был открыт каучук. Знаете, какие растения содержат это вещество. Посмотрим теперь, где и как добывают каучук различные страны и какие это «методы добычи» пришлось «обобщать» Томасу Альве Эдисону.

Займемся снова историей каучука.

ПУТУМАЙО — «РАЯ ДЬЯВОЛА»

В конце XIX века в деловой части Лондона, в Солсбюри-Хоуз, на одном из зданий появилась вывеска: «Перувиан амазон компани». Эта компания поставляла в Европу каучук.

У массивных стеклянных дверей стояли седобородые швейцары. По лестницам вверх и вниз сновали деловитые клерки. Множество бухгалтеров, счетоводов, кассиров целыми днями шелкали на счетах, подсчитывая доходы фирмы. Об этих доходах раз в неделю докладывал директорам компании главный секретарь Брамалл — вежливый джентльмен с безукоризненным пробором.

Шесть директоров компании — сэр, барон, сеньор, эсквайр, банкир и просто мистер — ничего не делали. Они получали доходы и тратили их. И не было в Лондоне более богатых и уважаемых людей, чем директора «Перувиан амазон компани». Это они дарили миру драгоценное «черное золото».

Как видите, Европа успела узнать каучук. Европа оценила каучук. Джентльмены щеголяют в новеньких макинтошах, леди бесконечно довольны резиновыми калошами. Все мило улыбаются и благодарят директоров «Перувиан амазон компани» за их благодеяния. Все обстоит прекрасно!

Но вот начинается путешествие Харденбурга в страну Путумайо, путешествие, о котором вскоре узнает весь мир...

В один прекрасный день из маленького южноамери-

канского городка Буэнавентюра в глубь страны отправились два путешественника: инженер Харденбург и его друг и компаньон Перкинс. Они мечтали купить половину каучукового «дела» у какого-нибудь предпринимателя. Они тоже хотели заработать на торговле «черным золотом».

Первые дни компаньоны любовались пышной и разнообразной растительностью джунглей. Знаменитые бразильские орхидеи привлекали их своей ярчайшей расцветкой. Удивляли красивые бабочки величиною с ладонь. Но вскоре им стало не до красот природы: путешественники вступили в каучуковое царство «Перувиан амазон компани»...

Джунгли здесь были непроходимы. Лианы обвивали деревья так густо, что приходилось прорубать себе путь. Тело царапали колючие кустарники. Кругом кишели ядовитые змеи. Даже муравьи здесь были не такие, как всюду. От укуса муравья «аркара» нога горела огнем несколько часов. Муравьи «аухикави», «тачи» и «тукуши» заражали людей тропической лихорадкой. А от укуса маленького черного муравья «тукандейра» наступала смерть.

В реках плавали аллигаторы — страшные острозубые крокодилы. В глубине чаши прятались хищные ягуары и свирепые пумы.

Но путешественники шли дальше. Они хотели знать, как добывается в этих страшных местах «черное золото», ради которого пришли они в страну Путумайо.

Гевей здесь действительно было много. Но эти стройные деревья росли далеко одно от другого: три-четыре дерева на квадратном километре. Надо было дни и ночи бродить в дремучих лесах, чтобы добыть хотя бы килограмм каучука.

«Нет, это невозможно, — думал Харденбург, — это выше человеческих сил!»

И тут же путешественники увидели десятки безоружных индейцев, гуськом направлявшихся в темноту джунглей на поиски каучука.

Что заставляло этих несчастных идти навстречу змеям и ягуарам?

Харденбург очень скоро нашел ответ на этот вопрос: туземцы даже свирепая пума казалась котенком по

сравнению с «культурными», «цивилизованными» европейцами.

Путешественник вел в своем дневнике записи о том, как добывается каучук, о «методах» добычи.

Прочтем записки инженера Харденбурга.

«Миролюбивых индейцев Путумайо заставляли работать днем и ночью для сбора каучука без всякого вознаграждения, за исключением пищи, необходимой для поддержания их жизни.

Тех, кто отказывался работать, бесчеловечно поролли до тех пор, пока не обнажались их кости и громадные раны не покрывали их тело.

Индейцев продавали оптом и в розницу в Иквитос по ценам от двадцати до сорока фунтов стерлингов каждого.

Стариков убивали тогда, когда они больше не могли работать для компании.

Мужчин, женщин, детей в виде развлечения подстреливали, а в праздничные дни их обливали керосином и поджигали, чтобы сотрудники компании могли наслаждаться зрелищем...»

Вот как добывала свое «черное золото» деловая лондонская контора «Перувиан амазон компании»!

Харденбург оказался честным человеком. Он не стал покупать «каучуковое дело». Вернувшись домой, он написал книгу о всем виденном. «Радь дьявола» назвал путешественник страну Путумайо.

Честные люди всего мира возмущались, читая правдивую книгу Харденбурга. Газеты требовали расследований и наказаний. Дело дошло до того, что английскому правительству пришлось под нажимом общественного мнения послать в долину Путумайо специальную комиссию во главе с британским консулом Каземента.

Комиссия эта работала два года. Она тщательно проверила все факты и установила, что за десять лет деятельности «Перувиан амазон компании» индейское население в долине Путумайо уменьшилось с пятидесяти тысяч до десяти тысяч человек.

За этот же период здесь было добыто четыре тысячи тонн каучука. Значит, каждая тонна «черного золота» стояла в долине Путумайо десять человеческих жизней.

В той же самой провинции Эсмеральдо, где Шарль-Мари де-ля-Кондамин видел некогда первые резиновые сапоги, властвовал дон Бартоломео Гусвара. Изобретательный дон четвертовал туземцев и за шесть лет своей «деятельности» убил пять тысяч человек..

И вот комиссия консула Каземента проверила все эти факты. Они подтвердились. Мир узнал о великой трагедии долины Путумайо.

Вы думаете, изменилось что-либо после разоблачений? Нет, нисколько!

Комиссия, закончив свою работу, убралась восвояси. Газеты пошумели, пошумели, а потом вдруг замолчали. И никто не знал о солидных суммах, переданных агентами каучуковых компаний редакторам этих газет. А в джунглях Амазонки попрежнему остались вооруженные «доны» и безоружные туземцы.

Впрочем, одно изменение благодаря этому скандалу все же произошло: сэры, бароны, банкиры, эсквайры, узнав из разоблачений, что индейцы почти все вымерли, приказали своим подручным привезти в Путумайо негров из Африки.

На берегах Нигера и Конго появились свирепые, до зубов вооруженные работорговцы. Они хватали негров, сковывали их цепями и в душных трюмах везли в за-океанский «рай дьявола».

Теперь черных рабов жалили огненные муравьи, теперь на них нападали ягуары и пумы, теперь их убивали «для развлечения» двуногие белые хищники. И негры из Конго пели в своих заунывных, грустных песнях:

Белый требует от нас:
Каучука, каучука, каучука!
Мы отвечаем, мы отвечаем ему:
«Каучук — это смерть»

«Черным золотом» называли каучук капиталисты. Туземцы нашли ему более подходящее название — «черная смерть».

Вечнозеленая красавица совершала далекие путешествия. Англичане перевезли семена гевеи в свои колонии — на остров Цейлон, в Восточную Индию, на Малайю. Двадцать два года пришлось им ждать, пока из семян выросли деревья, а деревья дали первые тонны

квучука. Но к началу XX столетия под плантациями было уже семь тысяч акров¹ земли.

Вслед за англичанами к тропическим землям голландцы. Так появилась гевея в Индонезии — на Яве, Суматре, Целебесе. Французы продолжали этот список землями Вьетнама, Коконкины. На Суматре приобретали плантации японцы, на острове Цейлон купили десять тысяч акров земли итальянцы... Доходы, приносимые торговлей «черным золотом», росли с каждым днем.

А что принесла гевея истинным хозяевам этих земель — малайцам, индонезийцам, вьетнамцам? Все ту же «черную смерть».

Правда, здесь не было бразильских джунглей. На чистых плантациях ровными рядами выстроились стройные деревья. И не было между ними лиан и колючек, ягуаров и змей. Но были самые страшные хищники — плантаторы. А значит, все здесь оставалось попрежнему, как в Путумайо, даже хуже, чем в Путумайо.

Каждому из туземцев плантатор давал норму — триста деревьев. С утра нужно было обойти их и на каждом сделать надрез; под ним прикрепить маленькое ведерко, куда стекал бы млечный сок гевеи. А потом нужно обойти деревья с большим чаном и вылить в него каучук из всех ведерок. Вот и всё².

Кажется, легко. Но для того чтобы успеть все это сделать, приходится бегать между деревьями. Только сделаешь надрез на последней — трехсотой — гевее, пора бежать с чаном к первой. Чан этот, чем дальше, становится тяжелее: ведь в него вливаются все новые и новые килограммы каучука. И вот так, не приев ни на минутку, бегом несутся сборщики от зари до зари.

А если не успеешь собрать каучук со всех трехсот гевей, надсмотрщик зверски избьет тебя бамбуковой палкой.

---

¹ Акр — земельная мера в Англии и Америке, равная 4047 квадратным метрам.

² Кстати, по поводу «техники» добычи каучука. В 1615 году испанский ученый Хуан де-Торквемада описал в своей книге, как добывали американские индейцы «слезы гевеи». За три с лишним века, прошедших с того времени, ничто не изменилось: капиталисты почти полностью сохранили допотопную «технику» сбора каучука.

И несчастные туземцы работают, не зная отдыха, день, неделю, год, два года... Больше никто не выдерживает. Но больным не оказывают никакой помощи. Их даже не кормят. Зачем кормить того, кто не может работать? Зачем лечить старых рабов, когда можно нанять новых?..

— Туземцев много, — говорят плантаторы, — туземцев миллионы. На наш век хватит!

Каучуковый ад переместился за много тысяч километров от амазонских дебрей. Гевея переплыла через моря и океаны. И теперь малайцы, индонезийцы, вьетнамцы говорили на своих языках:

— Каучук — это смерть!

МИСТЕР ЭДИСОН ВКЛЮЧАЕТСЯ В БОРЬБУ

Возьмите глобус, поверните эту уменьшенную копию нашей Земли вокруг оси — и вы убедитесь, что всю ее опоясали по экватору каучуковые плантации.

Малайя, Цейлон, Борнео, как вы уже знаете, — английские владения. Яву, Суматру, Целебес захватили голландцы; Вьетнам, Кокхинину — французы. Все это — в Азии. Теперь посмотрим, что делается в Африке. Бельгийские капиталисты присмотрели себе тропические земли Конго. Из лиан «ландольфия» и из фикусов добывался каучук в Мозамбике, Камеруне, Габуне, из гигантского молочая — на Мадагаскаре... Экваториальные земли Америки, само собой разумеется, тоже вошли в «каучуковый пояс». Бразилия, как вы знаете, — родина вечнозеленой гевеи. Из другого каучуконоса — «кастилоа эластика» — получали «черное золото» в Венецуэле, Эквадоре, Гватемале.

Однако лучшим каучуконосом попрежнему оставалась красавица гевея, а главным районом добычи каучука стали земли Индонезии и Малайи. Эти земли давали до девяноста процентов мирового сбора каучука. Между тем с развитием автомобильной промышленности Соединенные Штаты Америки потребляли семьдесят пять процентов всей резины.

• Английским и голландским плантаторам выгодны высокие цены на этот продукт.

Американские фабриканты хотят купить его подешевле.

В борьбу включаются компании, синдикаты, концерны, а вслед за тем, как это всегда бывает при капитализме, целые государства. Между Англией и Америкой, которые так любят сегодня подчеркивать «извечное единство» и «вековую дружбу» англо-саксов, разыгралась знаменитая «каучуковая война».

Мы не будем разбирать все перипетии этой долготренией борьбы, в которой участвовали английский парламент и американский сенат, премьер-министры и президенты, контрабандисты и таможенники, доллары и фунты стерлингов. Мы займемся с вами разбором «научной» стороны «каучуковой войны».

...В 1922 году министр торговли Соединенных Штатов Герберт Гувер созвал в своем кабинете виднейших американских ботаников. Был среди них и седой крепкий старик, знаменитый изобретатель Томас Альва Эдисон. Он подсел ближе всех к столу, потому что очень плохо слышал.

— Этот толстый боров Черчилль¹, — энергично начал американский министр, — добился своего: он провел в парламенте закон, контролирующий вывоз каучука. Наши акции катастрофически падают...

Ученые мужи согласно кивали головой. Гувер прошелся по кабинету, остановился рядом с Эдисоном и закончил:

— Надо и у нас, в Соединенных Штатах, посадить гевею или какой-нибудь другой каучуконос. Мы не останемся перед затратами... Ваше мнение, джентльмены?

В скором времени на югестраны — в Джорджии, Флориде, Калифорнии — появились опытные каучуковые станции. Американские ботаники брали подряд все известные тропические каучуконосы и высаживали их на своей земле. Испытывались гевея, ландолия, фикусы, мадагаскарский молочай, снова гевея... И одно за другим эти растения гибли на американской почве. И каждая

---

¹ Уинстон Черчилль — тот самый, который всегда был влиятельным врагом Советского Союза. Черчилль и сейчас истерически призывает капиталистов итти войной против нас.

новая неудача вновь доказывала «пезыблемую» истину: только в тропиках — Малайе, Индонезии да Африке — могут расти каучуконосы.

Наконец доктор Кук, начальник Бюро растительной индустрии Департамента земледелия, явился к Гувверу.

— Увы, экватор не приблизился к Нью-Йорку, — заявил он, — а капризная гевсея нигде, кроме как в тропиках, расти не может.

Томас Альва Эдисон был упорнее: после неудачи с тропическими растениями он решил искать каучуконосы в Соединенных Штатах.

Денег у Эдисона хватало: финансировал его работу автомобильный «король» Генри Форд, больше всех заинтересованный в каучуке для шин. Эдисон нанимал специальных сборщиков. Они рыскали по всей стране, хватали всякое растение, казавшееся им «подозрительным», и везли к Эдисону. Десятки служащих сидели в лаборатории изобретателя и с утра до ночи разглядывали привезенные травы и кусты через микроскоп.

На доллары Форда была построена опытная станция близ города Форт Майерс. Там на площади в четыре с половиной акра высевались отобранные растения, но они отвергались одно за другим: не было в них каучука!

Эдисон увеличил жалованье сборщикам. В разные концы страны посылались всё новые и новые, хорошо оплачиваемые экспедиции. Дело это затянулось на десяток лет, стоило уже свыше трех миллионов долларов. Недовольно косился автомобильный король: он совсем не желал бросать деньги на ветер...

И вот настал день, когда в газетах появился сенсационный снимок. На фотографии было запечатлено длинное, в два метра, растение. Рядом, опершись на трость, стоял знаменитый изобретатель. Белая соломенная шляпа закрывала его лицо, но внизу стояла подпись: «Томас Альва Эдисон с улыбкой рассматривает селекционный золотарник».

В корреспонденции захлебывающийся от восторга репортер рассказывал о «величайшей в истории» победе американской науки: долгожданный каучуконос найден. Название его — золотарник. Эта «чудо-трава», растущая в Южной Флориде, содержит каучук. Вдобавок золотарник очень быстро растет — за несколько месяцев дает по-

беги в полтора метра. Можно даже снимать по два урожая в одно лето. Чудо-травы!

Ниже приводилось заявление Эдисона:

«Мне надо еще пять лет, и Соединенные Штаты будут иметь культуру каучуконоса».

Сообщение об успехе американского изобретателя облетело весь мир. Злился и чертыхался за океаном Уинстон Черчилль: он боялся, что «проклятые янки», которые нашли все же выход, перестанут теперь покупать малайский каучук и тогда лопнут баснословные английские барыши.

Зато Форд сразу подобрел. Снова посыпались доллары. В штате Джорджия, где «рабочие руки дешевле», автомобильный король срочно купил для Эдисона пять тысяч акров земли. Началась закладка первой плантации золотарника. Нанятые рабочие — негры — копались в грязи день и ночь. Эдисон лично наблюдал за ними.

В это самое время пришло в Америку письмо на белоснежной глянцевиной бумаге. Изобретатель надел на нос очки и начал читать:

«...Просим вас не отказать нам в помощи... Ваши огромные достижения... Вы талантливо обобщили... Ваш анализ методов добычи...»

Эдисон отложил послание.

— Откуда это? — повернулся он к вышколенному секретарю, разбравшему почту.

— Из России, от какого-то Кабачникова.

— Ну, вот что, — сказал Эдисон: — ответишь этому... как его... мистеру Табачкину, что, мол, загруженность текущей работой лишает меня возможности удовлетворить его просьбу... и так далее, сам знаешь как. В общем, напишешь вежливо, но чтобы он понял, что моя находка — это мой секрет, мой бизнес. Всё.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СТО

Нет, доцент Кабачников не обманул: оказывается, таусгаыз действительно был открыт два десятка лет назад. Вот он лежит в гербарии Ботанического сада — куст, похожий на копну седых волос, засушенный, на себя не похожий.

Семен Зарецкий наклонился к стеклу и прочитал табличку под растением. Все правильно: тау-сагыз, из семейства сложноцветных (композита), из рода козельцов (скорцонера)... И вдруг Семен широко улыбнулся, как может улыбаться только очень хороший человек. Он сообразил, в чем кроется просчет Кабачникова, его ошибка. Открыт-то тау-сагыз открыт, но нигде ведь не сказано, что это каучуконос. Нет указаний!

Выходит, ботаники еще в царские времена нашли это растение. Привезли его, занумеровали, определили семейство, вид... и успокоились. Оно и понятно: в царской России не интересовались каучуконосами, каучук за народные денежки преспокойно покупался у англичан и голландцев.

Этак тау-сагыз мог бы еще двадцать лет пролежать иссохшей мумией в гербарном царстве Ботанического сада!

Семен не шел — бежал по улице. Он спешил не в трест, не к главному заготовителю с его «научным консультантом», а на завод «Красный треугольник», в цеховую партийную организацию, к рабочим-коммунистам. Это был крупнейший наш завод резиновых изделий, перерабатывавший в то время до восьмидесяти процентов каучука. И весь каучук был привозным — малайским и индонезийским. Золотом приходилось платить за это сырье. Уж кто-кто, а рабочие «Красного треугольника» должны были знать цену советскому каучуконосу!

Вечером Семен Зарецкий выступал на цеховом партийном собрании. Он рассказал о своей удаче в горах Кара-Тау и о своих злоключениях в тресте.

Дальше события начали развиваться со сказочной быстротой. Цеховая партиячка поддержала Зарецкого. Заводские коммунисты сами позвонили к Серге Орджоникидзе. Верный соратник товарища Сталина заинтересовался историей тау-сагыза. Он принял Семена Зарецкого. Они беседовали больше часа. Семен тут же достал из кармана несколько корешков, привезенных с Кара-Тау. Серге Орджоникидзе сам отправил их на анализ.

Ответ лаборатории превзошел все ожидания: тау-сагыз содержит каучука во много раз больше, чем хондрилла. И качество продукта лучше.

Так был открыт второй наш каучуконос.

Вскоре состоялся знаменитый автопробег Москва — пустыня Кара-Кумы — Москва. Это было испытание советской и зарубежной техники: в походной колонне шли и наши и иностранные автомобили. Самые лучшие результаты показали резиновые камеры завода «Красный треугольник»: они привезли в Москву московский воздух — сохранили герметичность на протяжении всего тысяческилометрового пути.

Эти камеры были сделаны из каучука тау-сагыза!

Может быть, надо было ограничиться этим? Так, пожалуй, рассудили бы капиталисты. Вот, нашел Томас Альва Эдисон «чудо-траву» золотарник и успокоился. Зачем искать дальше, когда и за это можно получить деньги, когда автомобильный король Форд и так дает доллары, покупает пять тысяч акров земли в штате Джорджия?..

Советские люди рассудили иначе.

17 января 1931 года было обнародовано постановление СТО (Совета Труда и Оборона) № 25. В этом постановлении говорилось:

«Допуская возможность обнаружения в составе флоры СССР новых эффективных каучуконосов, признать необходимым проведение в 1931—1932 гг. пересмотра под этим углом зрения растительности Советского Союза».

Пересмотреть всю растительность шестой части земного шара! Внимательно проверить каждую травинку, каждый куст, каждое деревцо — на севере, на юге, на западе, на востоке. Вдумайтесь только, какая грандиозная задача поставлена!

По предложению Иосифа Виссарионовича Сталина, был организован трест «Каучуконос», возглавивший всю работу. Типографии миллионными тиражами печатали листовки с рисунками и подробными описаниями, как определять растения, содержащие каучук. Во все концы страны отправлялись специальные научные экспедиции. Почта приходила теперь в трест «Каучуконос» отовсюду. На конвертах и посылках значились самые разнообразные адреса отправителей:

Зеравшанская экспедиция...

Дагестанская...

Наманганская...

Ростовская...

Копет-Дагская...

Грузинская...

Чу-Илийская...

Кетменская...

Минусинская...

Посыетская...

А в феврале 1931 года страна услышала слова товарища Сталина: «...через год-два и каучук мы будем иметь в своем распоряжении».

Поиски каучуконосов стали после этого поистине всенародными. Миллионы советских людей — колхозники, агрономы, рабочие, железнодорожники, школьники — занялись настоящим пересмотром всей флоры нашей Родины. Тогда-то и был открыт каучуконосный одуванчик в стране Небесных гор. И так же, как тау-сагыз превосходил хондрилли, тьянь-шаньский одуванчик превосходил тау-сагыз. Это был лучший каучуконос умеренной зоны!

Вы знаете уже во всех подробностях, как открыли тьянь-шаньский одуванчик комсомолец Вадим Бахнов и его друзья. Но слушайте, что было дальше.

В Москве проходило первое Всесоюзное совещание по каучуконосам. Собрались люди, съехавшиеся со всех концов страны. За столом президиума сидели Иван Федорович Кузнецов, Семен Зарецкий, участники экспедиций треста «Каучуконос», рабочие завода «Красный тругольник».

Представитель Всесоюзного института каучуконосов докладывал собранию о тьянь-шаньском одуванчике, только что привезенном в институт нашими комсомольцами:

— ...По предварительным данным, корни этого растения содержат от десяти до шестнадцати процентов каучука. Превосходного, первосортного каучука!

Громче всех аплодировали Кузнецов и Зарецкий, хотя тьянь-шаньский одуванчик «забивал» их находки и выдвигался на первое место. Наша Родина получила новый, еще лучший источник каучука — это главное!

И вот — бывают же такие совпадения! — в этот самый момент прямо в зал совещания принесли посылку. Тут же, на столе президиума, ящик был распакован, и на красную скатерть посыпались маленькие светлые кореш-

ни. Опытным людям, собравшимся на совещание, достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться: перед ними богатый каучуконос.

Семен Заренский взял в руки фанерную крышку посылки и громко, всему собранию, прочитал обратный адрес:

— «Тянь-Шань. Кетменская экспедиция треста «Каучуконос». Ботаник Л. Е. Родкин и колхозник В. В. Спиваченко».

ЧЛЕН СЕЛЬСОВЕТА ВАСИЛИЯ СПИВАЧЕНКО

Надо сразу отметить, что Василий Васильевич Спиваченко меньше всего думал о каучуке и каучуконосах. Скажи ему месяц назад, что его посылка окажется в центре внимания большого всесоюзного совещания, — житель горного селения, пожалуй, только посмеялся бы. Совсем другие мысли занимали члена Сарджасского сельского совета, колхозника Спиваченко.

Утро беспокойного дня, о котором я хочу вам рассказать, застало его в одном из дальних поселков сельсовета — в селении Кок-Пак. Спиваченко проводил там общее собрание колхозников. Только что закончилось выступление заведующего районным финансовым отделом.

— Все ясно? — спрашивал Спиваченко. — Государство нам дает средства. Дело за нами. Вместо грязных кочевых юрт мы будем строить большие, светлые дома. Все горные селения нашего сельсовета должны «осесть» на землю. Нет возражений?

— Какие могут быть возражения! Все правильно! — зашумело собрание.

— Голосую, — заключил Василий Васильевич. — Кто за то, чтобы принять ссуду государства и приступить к стройке?.. Против?.. Принято единогласно!

Защелкнул телефон на столе. Это был старинный телефонный аппарат, каких теперь не встретишь, — огромный деревянный ящик. Спиваченко открыл крышку, покрутил ручку и только после этого поднял трубку к уху. Заговорил секретарь ярмарочного комитета из Каркары. Он рассказал, что ночью был налет басмачей. Отбили. Теперь

большой «красный обоз» колхозников направляется в Кок-Пак.

— Спокойно у вас? — спрашивал он.

Спиваченко ответил, что все спокойно, басмачей не видно и не слышно. Пусть выезжает «красный обоз».

— С колхозниками едет экспедиция, — сообщил секретарь ярмарочного комитета на прощанье, — шестеро из Москвы...

Очень хотелось Василию Васильевичу встретиться с москвичами: поговорить, порасспросить, что нового в столице, какая там идет стройка. Но времени не было — предстояло провести собрания во всех остальных поселках сельсовета: Кок-Пак был первым. И вместе с заведующим райфо Спиваченко двинулся в дальнейший путь.

Так случилось, что колхозник Василий Спиваченко не встретился с рабочим Вадимом Бахновым. Всего несколько часов пути и два десятка километров разделяли их. Но расстояние это не сокращалось, а увеличивалось.

Повозка тарактела по каменистой дороге, ведущей в Сарджас, а два седока вели неторопливый разговор.

— Выбьем басмачей, — говорил заведующий райфо. — Упорядочим финансовые дела колхозов, какую стройку развернем!

Спиваченко с улыбкой оглядывал степные просторы Кегенской долины. Мальчонкой приехал он в этот край еще в 1910 году. Родители его бежали сюда с Украины, из Черкасс, от безземелья и голода, от помещика и кулаков. С тех пор Кегенская долина стала родной для переселенцев, а теперь, при советской власти, стала во сто крат родней.

«Сколько земли пустует! — думал член сельсовета. — Получим вот тракторы, целину поднимем, и всюду нивы зазеленеют. Жизнь будет славу!»

Он вдруг гикнул по-озорному — лошадка побежала быстрее — и запел на тягучий восточный мотив:

По длинной дороге я яду-у-у...
О нивах золотых я пою.
Скоро тракторы придут,
Целину перевернут —
Будет веселой жизнь в горах!.

— Да ты, брат, поэт! — удивился его спутник.

— Это что! — улыбнулся Спиваченко. — Это я от настроя. И манер казахов: они так поют обо всем, что увидят. А дома у меня целая тетрадь стихами заполнена...

Они переезжали через галечное русло реки Текес. Причудливо извивалась она среди луговых берегов. Крупный галечник устилал ложе реки. Текес исчезал под камнями, а потом, глядишь, появлялся вновь. И вода замалчиво сверкала среди серо-зеленой растительности. Самые разнообразные растения были здесь.

Спиваченко соскочил с повозки и, наклонившись к земле, сорвал высокий, видный куст. Растение венчала крупная коробочка, наполненная каким-то желтоватым пухом.

— Глядите, — сказал он, вернувшись к повозке, — очень интересное растение. Может, пух этот согдится на что-нибудь... Полагаю, полезный куст.

— Постой! — подскочил заведующий райфо. — Ох, и попадет мне за мою забывчивость!

Он схватился за свой пухлый портфель. В портфеле лежали планы, сметы, расчеты, а в самой глубине — пачка листовок: «В поход за каучуконосами!» Секретарь Кегенского райкома партии Доможаков лично дал их ему перед самым выездом из города Подгорного.

«Надо раздать листовки народу, — сказал секретарь райкома, — и объявить на собраниях, что по всему Казахстану начинается месячник поисков каучука. Это задание партии».

И вот забыл... Постыдно забыл о задании в первом же селе! «С этими басмачами да лихорадочными сборами не то что листовки — голову потеряешь!» утешал себя районный финансист. Но в глубине души он и сам не верил этим оправданиям: побочным, неинтересным занятием считал он для себя поиски каучука — вот в чем тут дело.

Совсем иначе отнесся ко всему этому Спиваченко. Он взял листовку, быстро пробежал глазами, а потом еще долго изучал ее: все интересовало этого беспокойного человека.

— Может, есть у вас здесь и такие растения, в которых резина? — безнадежно спросил финансист.

— Есть, — спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся, сказал член сельсовета.

— Шутите? — разобиделся заведующий райфо.

— Какие шутки! — отозвался Спиваченко. — Давно бы надо мне эту листовочку показать. Я ту резину давным-давно отыскал.

И, весело поблескивая глазами, он поведал недоверчивому финансисту о своей полузабытой находке. Был Василий Васильевич прошлым летом на рыбалке, с двумя сыновьями. Замечательная форель лодилась в Тескесе! Но кончились червяки. Попросил старшого нарыть, а тот вместо червей приносит корешок: «Гляди, отец, как он тянется!» Взял корешок в руки — в самом деле, растягивается. Зажег спичку, поднес к корешку — горящей калошей лахнет. Как есть резина!

...По другую сторону Кетменского хребта путешествовала в то время одна из многочисленных экспедиций треста «Каучуконос». Руководил ею молодой ленинградский ботаник Леонид Родин.

Довелось ему попасть в Подгорное. Зашел в райком партии поговорить, посоветоваться об организации массовых поисков. И здесь, прямо на столе у секретаря райкома товарища Доможакова, увидел маленькие светлые корешки. Каучуконос!

Родин лихорадочно начал вынимать из плаща склянки с реактивами — он не расставался со своей походной лабораторией — и принялся за анализ. А минут через десять поднялся и громко, будто тысячи людей ждали здесь, в комнате, его ответа, провозгласил:

— Каучуконос!.. Богатый каучуконос!

Секретарь райкома вздохнул глубоко и свободно, как человек, который очень долго сдерживал дыхание; шагнул к ученому, крепко пожал ему руку. Потом сказал, сразу переходя на «ты»:

— Сейчас же отправимся к Василию Васильевичу Спиваченко. Это его открытие. Но прежде ты зайдешь к нашему «райфо» и повторишь ему то, что мне сказал. Обязательно! Он сам привез корешки, а не верит, видишь ли, что «простой» крестьянин-колхозник может каучук открыть.

...Какое же растение открыл Спиваченко? До сих пор и участники совещания в столице и ботаник Родин в ка-

бинете секретаря райкома видели лишь светлые корешки. Но по одному корню не всегда определишь растение. В Сярджисе, где они нарыли корней для посылки, ботаники тоже не смог увидеть надземную часть растения — она успела отмереть, замерзнуть. Для того чтобы точно определить вид растения, приходилось ждать следующего лета. Иного выхода не было. Впрочем...

Вернувшись в Ленинград, Леонид Родин попробовал высадить корни в лаборатории Ботанического института. И корешки незнакомца прижились, укоренились. Потом выбросили среди зимы зеленые розетки листьев. Вытянулись вверх цветочные стрелки, появились корзиночки... Однажды, придя в лабораторию, ботаник с удивлением обнаружил... одуванчик.

Тянь-шаньский одуванчик!

Лучший наш каучуконос открыли одновременно, в одной и той же долине, не зная друг о друге, два простых советских человека — колхозник Спиваченко и комсомолец-рабочий Бахнов. Помните, мы рассуждали с вами на тему о «если бы»? Что, если бы Вадим Бахнов не нашел тянь-шаньского одуванчика? Лучший наш каучуконос все равно был бы открыт!

Ботаник Леонид Ефимович Родин первым из ученых установил, что растение это относится к семейству сложноцветных, к роду одуванчиков — тараксакум... Он доказал, что это новый, совершенно неизвестный в науке вид...

В феврале 1932 года в просторном кабинете директора треста «Каучуконос» Макагона собралась целая комиссия. Как назвать тянь-шаньца? Он получил уже «фамилию» — родовое название «тараксакум». Надо дать ему еще и «имя» — название вида. Думали долго, давали разные советы, горячо спорили. А потом кто-то предложил решение, которое примирило всех:

— Надо увековечить место рождения тянь-шаньского одуванчика. Дадим ему какое-нибудь местное, казахское название.

Стали коллективно припоминать. «Жвачка» — по-казахски «сагыз». Растение зеленое, а «зеленый» — по-казахски «кок»... Назвать тянь-шаньца «сагыз-кок»? Нет, плохо звучит... А что, если «кок-сагыз»?

— Кок-сагыз, — задумчиво повторил директор тре-

ста. — Кок-сагыз... Кажется, неллюло окрестили, а товарищи? Быть по сему: тьянь-шаньский одувачник кок-сагыз!

— Кок-сагыз, — эхом откликнулся еще кто-то.

Новое слово с удовольствием выговаривали, как бы пробуя, примеряя его, эти взрослые, солидные люди — ученые, хозяйственники, специалисты. Им сразу понравилось звучное название, с которым входил в жизнь новый каучуконос.

— Товарищи, — прервал всеобщее оживление директор треста, — я собрал вас сегодня не только для того, чтобы названия сочинять. Есть второй немаловажный вопрос.

Макагон достал из ящика стола большой серый конверт, вынул из него плотный листок, положил перед собой.

— Это письмо, — вновь обратился он к собравшимся, — принесла ко мне сегодня очень вежливая дама. Из одного посольства. Написал его Эдисон. Давно, мол, интересуется работой «доктора Макагона», и в традициях «мировой науки» помогать, мол, друг другу. А дальше сказано прямо: «...не откажите в любезности поделиться вашим опытом...»

Многие из сидевших в кабинете помнили историю давно уже уволенного «научного консультанта» Кабачникова и знали об ответе Эдисона на его письмо. Что же заставило знаменитого американского изобретателя, невзирая на «загруженность текущей работой», обратиться теперь к Макагону?

Директор треста отложил письмо, поднялся — большой, плечистый, грузный — и очень зло сказал:

— Послание мистера Эдисона — это, так сказать, тонкая дипломатия. А на практике, товарищи, это означает вот что: посольская дама предложила мне тайно продать Америке семена наших каучуконов — семена, которые принадлежат народу. Эдисон согласен даже платить по доллару за каждое семя!

Ботаники переглянулись. Семена кок-сагыза очень мелки — три тысячи штук в одном грамме. Три тысячи долларов за один грамм! Плохи, видимо, дела у Томаса Альвы Эдисона...

НА АРЕНУ ВЫХОДЯТ МИСТЕР ФОРД, МИСТЕР ФАЙРСТОН И ПРОЧНЕ

Ошибся знаменитый Эдисон...

Узнав о его ошибке, окончательно разгневался автомобильный король Форд. Ликвидирована была плантация в Джорджии на пяти тысячах акров земли. Американские газеты, разумеется, не писали о неудаче Эдисона, но перестали появляться и сообщения о его работах. О «чудо-траве» начали постепенно забывать.

Что же случилось?

Каучук в золотарнике действительно есть — анализ лаборатории Форта Майерс был безошибочен. И каучук этот неплохого качества. Но его мало в полутораметровом растении, мизерно мало! Для того чтобы получить граммы каучука, пришлось бы перерабатывать тонны «чудо-травы».

Таких каучуконосов можно отыскать сколько угодно. Ученые называют их «малоэффективными». Попросту говоря, эти растения совершенно не годны для промышленности. Овчика выделки не стоит!

С тем же успехом можно было бы добывать железо... из земляники. Ведь в землянике, как во всяком другом растении, есть хлорофилл, а в составе хлорофилла содержится, как известно, железо. Однако никому не приходит в голову добывать металл из земляники, яблок или арбузов.

Так и каучук. У нас обнаружили его, к примеру, в обыкновенном подсолнечнике. В мясистых стеблях этого всем известного растения есть каучук. Но его мало, и никто не стал объявлять подсолнечник промышленным каучуконосом. А Эдисон объявил полезным свой хваленый флоридский золотарник. Объявил — и ошибся. Первые же посевы «чудо-травы» на обширных плантациях доказали эту ошибку всем.

И пришлось знаменитому Томасу Альве Эдисону вслед за доктором Куком и всеми американскими ботаниками повторить:

— Увы, экватор не приблизишь к Нью-Йорку!

Ехидно улыбался за океаном мистер Черчилль...

Но Гувер уже забыл о неудачах. Нет в США каучуконосов — и не надо. Он не особенно-то рассчитывал на

них. Есть другой, более свойственный капиталистическому миру путь.

И, распрощавшись с учеными, Герберт Гувер пригласил к себе двух американских «королей»: автомобильного короля Форда и шинного короля Файрстона. С ними он говорил откровенно:

— Без каучука нельзя воевать, его нужно иметь в стране. Если нельзя приблизить экватор к Нью-Йорку, нужно... захватить экватор. Ваше мнение, джентльмены?

Джентльмены склонились над глобусом. Они сосредоточенно морщили лбы. Ох, уж эти англичане, а впридачу к ним голландцы, французы, бельгийцы! Все успели порасхватать!

Гувер, Форд, Файрстон задумчиво крутили глобус...

Нет, слишком рано торжествовал победу Уинстон Черчилль! Шинный король Файрстон присмотрел все же для себя местечко под тропическим солнцем. Нашлась в Африке единственно свободная страна — маленькая негритянская республика Либерия. Само слово «либерия» в переводе значит «свободная».

Более ста лет назад группа американских негров, бежавших из «благословенного» Нового Света обратно в Африку, основала свою республику. И в конституции Либерии в качестве ее главной цели было записано: «Создать убежище для преследуемых и рассеянных сынов Африки».

Чудом держался этот крошечный островок независимости в колонизированной черной Африке. На западе Либерия граничила с английской колонией Сьерра-Леоне, на востоке — с французской колонией Слоновый берег. И, конечно, давно захватили бы капиталисты эту маленькую страну с полуторамиллионным населением, если бы не спорили между собой. И Англия и Франция зарились на эти земли, да и Германия весьма интересовалась Либерией.

И вот появился четвертый претендент — мистер Файрстон. А у Файрстона — недаром он шинный король — есть деньги. В ход идет доллар. Компания «Файрстон плантешенс корпорейшен» просто арендует у либерийского правительства миллион гектаров земли. Файрстон платит всего по шесть центов (по двенадцать копеек) за гектар.

Шинный король желает «добра» африканской республике. Он будет «заботиться» о ее жителях, он будет «развивать» либерийскую промышленность. Так пишут все американские газеты. В столице Либерии — Монровии — открывается американский банк. Вслед за тем в маленькой стране появляются семь американских «советников», которые мгновенно занимают важные посты в правительстве.

События продолжают развиваться. Файрстон торопится. Один за другим в либерийские порты приходят океанские пароходы. Неграм-грузчикам некогда отдыхать. Дни и ночи бегают они по шатким сходням: туда — обратно, туда — обратно... Трюм — палуба — сходни — берег; берег — сходни — палуба — трюм... «Скорее! Скорее!» торопят белые надсмотрщики. И в вечернем сумраке виднеются карабины, висящие у них за плечами.

На землю выгружаются легкие плетеные корзины. В корзинах — аккуратно переложенные слоями листьев семена гевеи. Многострадальная красавица вновь совершила путешествие через океан: из Индонезии в Африку.

И вот уже на «свободной» либерийской земле появляются первые каучуковые плантации. Подручные шинного короля высаживают «для начала» шесть миллионов деревьев...

Соединенные Штаты не перестают «заботиться» о маленькой Либерии. Американские банкиры дают ей заем — пять миллионов долларов. Разумеется, эти деньги не пропадут: когда-нибудь африканская республика вернет долги, да еще с процентами. Но пока что за эту американскую «помощь» все либерийцы должны работать.

Гисси, гола, кру и прочие племена Либерии должны строить дороги, чтобы Файрстону удобнее было вывозить богатства, получаемые в их стране; должны разводить плантации, собирать «слезы дерева» — каучук...

Что произойдет дальше, вы уже знаете: каучук — это смерть!

В XX веке среди белого дня за пять миллионов долларов покупается целая страна со всеми ее реками, лесами, полями и со всеми... людьми!

Думаете, это делается тайно? Нет! Ведь Англия,

Франция и Германия были недовольны тем, что Либернию грабят... не они, а США. И по их настоянию Лига Наций провела целое расследование в негритянской республике. Установлено было, что компания Файрстона зверски эксплуатирует туземцев, что в Либернии сохранилась даже работорговля.

Мир узнал о великой трагедии негров Либернии. А что было потом?.. Комиссия Лиги Наций, закончив свою работу, убралась восвояси. Газеты пошумели, пошумели, потом замолчали. А в Либернии попрежнему остались вооруженные плантаторы и безоружные негры-рабы. По сей день властвуют в «свободной» Либернии американские империалисты...

Автомобильный король Форд также не зря раздумывал над глобусом. И он присмотрел себе местечко под тропическим солнцем. Только Форд размахнулся шире Файрстона: мало ему миллиона, он хочет приобрести пять миллионов гектаров. А место самое подходящее: долина реки Тапажос, притока Амазонки, — родина гевен.

Черчилль взволнован. Из Лондона летит в Бразилию синий пакет к британскому консулу. Тот облачается в свой парадный мундир и идет с визитами к бразильским властям. И власти проявляют неожиданную решимость: они не желают давать такую огромную концессию в одни руки. Это противоречит бразильским законам.

— А сколько земли вы можете продать в одни руки по своим законам? — интересуется автомобильный король.

— Два миллиона гектаров, — следует ответ, — не больше!

Ну что ж, прекрасно! Мистер Форд согласен и на это, он уважает чужие порядки. Он приобретает два миллиона гектаров бразильской земли. Закон есть закон.

Разные законы есть в Бразилии. Это тоже «свободная» страна. И есть здесь одна удивительная «свобода» — свобода продавать свою родину.

Через несколько дней к министрам является сеньор Дюмон Вилларес. Это бразилец, патриот своей страны и бразильский демократ, любящий свободу. Сеньор Вилларес желает купить миллион гектаров земли в Долине реки Тапажос.

— Миллион гектаров? В один руки?.. Выдать! — решают бразильские правители.

Проходит еще некоторое время, и объявляются сразу два покупателя. Первый — капитан Грайт, англичанин. Ну, англичанин — этот вне подозрений (англичане ведь враждуют с американцами). Второй — Фарриас Пелье. Национальность его определить не удастся. Чем он занимается, также никто не знает. Но Фарриас Пелье платит за землю чистоганом, а деньги... они всегда деньги. Да потом, что там раздумывать, когда это не противоречит закону? Миллион гектаров в одни руки — выдать!

Нетрудно догадаться, что через недельку-другую и бразильский «патриот» Дюмон Вилларес, и англичанин капитан Грайт, и подозрительный субъект Фарриас Пелье «продали» свои земли Форду. Вот откуда взяли они деньги на крупную «покупочку»? Это попросту подставные лица, которым автомобильный король поручил закупить землю.

Английские, а вслед за ними бразильские газеты начинают шуметь: мошенничество, обман!

Но мистер Форд абсолютно спокоен. Позвольте, разве нарушены законы? Ведь в Бразилии существует демократия, существует свобода. Хочу — куплю, хочу — продам, кому какое дело! Бразилец Дюмон Вилларес имел право купить миллион гектаров земли в долине реки Тапажос? — Да! Имел он право продать свою собственность фордовской компании? — Безусловно! Чего же вы хотите? Все правильно и законно.

Паника охватывает английских плантаторов. Проклятые янки! Они все-таки нашли выход! Скоро они совсем перестанут покупать малайский каучук. Это гибель, это банкротство! И во всем виноват толстый боров Черчилль со своим парламентским законом, контролирующим вывоз каучука. Долой Черчилля, долой!

В 1928 году были отменены английские ограничения. Сотни тысяч тонн малайского каучука хлынули на рынок. Цены сразу упали, и начался кризис. И тогда американцам пришлось забросить либерийские и бразильские плантации...

Вам это кажется невероятным: как это, трудились, старались, боролись, сражались, чтобы иметь свой соб-

ственный каучук, — и вдруг все это забросить? Для чего же тогда было огород городить?

Но ведь это капиталисты. Что им интересы наши, интересы государства! Для них главное — доходы. «Слезы гевей» стали дешевы, они снова затопили международный рынок. Значит, заводить новые плантации каучука просто невыгодно. И американские «короли» временно забыли о своих концессиях в Либерии и Бразилии.

Но этим далеко еще не кончилась история каучука...

Случилось так, что гордый британский лев вдруг смирился и начал лизать сапоги наглому американскому дяде Сэму. Правители сегодняшней Англии сами поднесли американским «королям» драгоценные «слезы гевей», которых те столько лет тщетно добивались.

Произошло это событие совсем недавно. В конце 1950 года в английской газете «Обсервер» было черным по белому написано, что «Англия сняла свои возражения против установления международного контроля над всеми основными видами сырья, включая олово, каучук и шерсть».

В чем заключается «международный контроль»? Америка получает отныне вдвое больше малайского каучука, чем сама Англия.

Так закончился последний тур англо-американской «каучуковой дуэли». Великобритания осталась без каучука, США получили каучук.

Что же заставило правителей Англии предать интересы своего народа? Сейчас вы поймете, в чем здесь дело...

КОГДА ВОССТАЕТ НАРОД, ПОРАБОТИТЕЛИ БЕССИЛЬНЫ

Над тростниковыми хижинами селений Малайи с диким ревом проносятся английские истребители «спитфайеры». Хищным взглядом приникает пилот к черному кресту оптического прицела. Нажата гашетка — и затрещал, забился в судорогах сверхскорострельный пулемет. Падают мертвыми среди бананов и пальм малайские старики, женщины, дети...

В столице Малайи — солнечном городе Куала-Лумпур — на главной площади выстроились злобешние черные внселины. Это для непокорных, для тех, кто протестует

против варварских бомбардировок, кто требует независимости. Малайцы должны молчать, малайцы должны добывать «слезы гевен» для своих белых господ: так хотят англичане.

Сейчас, в наши дни, империалисты наводят «порядок» в этой далекой стране.

Но народ Малайи давно уже не тот, каким был в стародавние времена. Малайцы не хотят быть рабами. Юноши и девушки объединены в Лигу демократической молодежи. Самые сильные мужчины — в Народно-освободительной армии. Четыреста пятьдесят тысяч рабочих — в профсоюзной организации. И никакими висельниками, никакими «спитфайерами» не запугать восставший народ.

Малайцы продолжают борьбу!

...Безбрежная синева Малаккского пролива отделяет от Малайи остров Суматра. Но и там царит леденящий душу вой фугасных бомб. Суматра, Ява, Борнео, Целебес — вся Индонезия в огне!

Три столетия властвовали здесь голландские колонизаторы. Пять лет назад народ решительно сказал: «Хватит!» Народ Индонезии объявил в своей стране республику.

Но голландские империалисты снова прилагают усилия к тому, чтобы превратить в рабов семьдесят миллионов индонезийцев.

Голландские?..

Сквозь джунгли продираются тяжелые американские танки «шерман». Американские «летающие крепости» бомбят индонезийские города и селения. Даже офицеры голландских дивизий, пробирающиеся сегодня по дорогам тропической страны, обучались на американской территории, в штате Северная Каролина.

Их хорошо «обучили».

Три года назад весь мир облетела весть о кровавой трагедии на острове Целебес. Во время страшного побоища голландцы убили здесь тридцать тысяч граждан Индонезии. Не мужчины, не солдат — воины сумели бы постоять за себя. — нет, американско-голландские варвары уничтожали мирное население. Танки, пушки, минометы, бомбардировщики, истребители были брошены против женщин, стариков и детей.

Но разве можно запугать целый народ? Народная армия Индонезии разделилась на партизанские отряды по пятьдесят человек. Они вооружены автоматами и винтовками, гранатами и пулеметами. Они знают каждую тропинку в непроходимых джунглях. Мужественные коммунисты Индонезии ведут их в бой против захватчиков. Несгибаемая воля этих людей. Они умеют бороться и побеждать.

И летит с острова Ява в Голландию и Америку секретная депеша. Составил ее «верховный представитель Голландии» Ловинк. Он сообщает, что положение в стране «крайне тревожно», что партизаны активизируются, а против них «голландские войска бессильны».

Когда восстает народ, поработители бессильны!

...Горит почва под ногами колонизаторов и во Вьетнаме. Никакие эскадрильи «летающих крепостей», никакие американские танки, никакие залпы линкоров и крейсеров не могут сломить сопротивление борцов за свободу и независимость этой небольшой страны.

Пять лет существует уже демократическая республика Вьетнам. Под ее контролем — девяносто процентов территории Индо-Китая с населением в двадцать миллионов человек. И только два миллиона вьетнамцев находятся еще на земле, оккупированной американско-французскими империалистами. Но и на этом клочке земли партизаны непрерывно громят врага, освобождая все новые и новые города и селения своей родины.

По тернистым дорогам идут патриоты Вьетнама,
для спасенья отчизны встречая опасности грудью.
Вдалеке затихает размеренный гул их шагов.
Жаркой кровью окрашено алое знамя,
песня воинов вторит немолчному грому орудий,
к славе путь пролагают войска через трупы врагов.
В бой, друзья!..

Это национальный гимн Вьетнама. И мы запомним с вами, что смелые люди, повторяющие слова этого гимна, уже уничтожили на своей земле больше ста пятидесяти тысяч американско-французских захватчиков.

Когда восстает народ, поработители бессильны!

Почему же, однако, американские, английские, фран-

кузские, голландские и прочие империалисты так упорно цепляются за далекие земли Индонезии, Малайи, Вьетнама? Что является причиной?

Вы знаете уже, что именно в этих тропических странах сосредоточено почти все мировое производство каучука. Известно вам и то, что капиталисты — главным образом американские — давно уже протягивают руки к плантациям вечнозеленой гевен.

Значит, они боятся потерять «черное золото»?

Верно. Но только к этому свести причину не прекращающихся в тропиках войн никак нельзя. На Филиппинах нет гевен, но американцы захватили Филиппинские острова. Нет каучуконосов, скажем, и в южноамериканской Гвиане, однако это не помешало сразу трем хищникам — Великобритании, Франции и Голландии — враждовать за эту землю и разорвать ее на три части.

Не растет гевей? Но зато есть нефть или олово, уголь или вольфрам, медь или селитра. Или сахарный тростник, хлопок, чай, гвоздика, бананы. Или просто голая, безжизненная земля, вроде африканской пустыни Сахары... Империалисты всё стараются прибрать к рукам и независимо от богатств, таящихся или не таящихся в недрах любой из стран, с одинаковой бесчеловечностью хотят подавить освободительную борьбу угнетенных народов.

Навеки запомнит мир, так же как зверства гитлеровцев на нашей земле, злодеяния американских фашистов на земле геронческой Корен.

Мирной, трудовой жизнью жил корейский город Пхентэк. Дымились трубы его домов, люди спешили на работу, дети играли в садах. Корейские ребята любили играть и петь. Летом у них были каникулы, и они весело отдыхали, набираясь свежих сил перед новым учебным годом. Но не пришлось детям Пхентэка вернуться в свои школы...

Ночью налетели на мирный город американские стервятники. Пхентэк был превращен в груды дымящихся развалин, покрытых, как саваном, густым слоем пепла...

Откуда эта звериная жестокость?

Народы Азии пробудились от векового сна. Великая победа, которую одержал в своей стране китайский на-

род, вдохновляет их на борьбу. Миллионы пришли в движение.

Вот и дрожат, содрогаются от страха империалисты всех мастей. Чуют они, что приходит конец их владычеству. В бессильной злобе кидаются они во все концы земли, пытаясь сделать невозможное — подавить революционное движение угнетенных народов. Ради этого правители сегодняшней Англии согласны отдать Форду плантации вечнозеленой гевеи, отдать Америке все остальные богатства своих колоний, согласны самую Англию сделать американской колонией. Ради этого заокеанские фашисты творят повсюду невиданные злодеяния. Звериный оскал империализма виден сегодня во всех концах земли — не только там, где взрываются бомбы, но и там, где царит официальный «мир»...

За океаном, в Бразилии, нет сегодня войны. Индейцев — коренных жителей страны — не бомбят и не давят тяжелыми танками. Есть даже специальное «Общество защиты индейцев и приобщения их к цивилизации». Бразильские власти любят повторять, что в их стране установлены «порядок и прогресс». Но посмотрим на эту мирную жизнь глазами очевидца — советского ученого, посетившего Южную Америку.

9 мая 1947 года теплоход «Грибоедов» подошел к столице Бразилии — Рио-де-Жанейро — и бросил якорь на внешнем рейде. На борту теплохода находились участники большой экспедиции Академии наук СССР. Среди них был знакомый уже нам Леонид Ефимович Родин — старший научный сотрудник Ленинградского ботанического сада.

Один из первооткрывателей нашего кок-сагызга прибыл на родину вечнозеленой гевеи. Он увидел знаменитый тропический каучуконос на следующий же день в Ботаническом саду Рио (так называют бразильцы свою столицу). Гевея гордо вздымалась к небу пышной кроной. Она действительно была очень красива. И надо ли рассказывать, с каким интересом рассматривал ботаник вечнозеленую красавицу!

Здесь же, в саду, Родин увидел кокосовые пальмы, хлебное дерево, авокадо, диковинную пальму пауксибу, которая стояла на высоких подпорках — ходульных корнях. Причудливые деревья тропиков были обвиты цветущими

шими лианами. В небольшом пруду плавали на поверхности воды огромные круглые листья гигантской водяной кувшинки — виктории регии. Настоящий уголок джунглей!

Вечером Леонид Ефимович отправился бродить по городу. Он был восхищен богатством и разнообразием растительного мира Бразилии. Теперь он хотел познакомиться с культурной жизнью бразильской столицы.

Главная улица Авенида Рио-Бланко встретила ученого блеском световых реклам, распахнутыми дверями многочисленных ресторанов, баров, кино. Родин шел и поражался огромному количеству нарядно одетых мужчин и женщин, флаирующих по тротуарам, сидящих за столиками кафе.

Повсюду шныряли черномазые босоногие ребяташки. Леонид Ефимович присмотрелся к ним. Мальчуганы искали случая почистить гуляющим ботинки, чтобы заработать на хлеб. Пока какой-либо толстый американский турист пил пиво, малолетний чистильщик успевал вывести блеск на его обувь, справляясь с этой задачей даже под столом. Не глядя на мальчонку, джентльмен швырял на пол монетку. Чистильщик подбирал монетку, прятал за щеку и мгновенно кидался искать нового клиента. Десятки таких мальчуганов видел Родин.

«Им бы в школе учиться!» подумал ученый, но он знал уже, что семь восьмых населения Бразилии неграмотны.

Леонид Ефимович шел дальше. Вскоре он миновал сверкающий аристократический центр города. Последний серый обрубок-небоскреб остался позади, и ученый попал на нищую окраину Рио. На голых глинистых площадках в диком беспорядке были разбросаны «фавеллы» — жилища, сложенные из камней, сколоченные из старых ящиков, обрезков ржавой жести, кусков фанеры, остатков автомобильных кузовов и вагонов. Здесь царил мрак, запустение, непролазная грязь. А всего в нескольких сотнях метров сверкали огни реклам американского города.

В тот же вечер советский ботаник столкнулся еще с одним проявлением американской «цивилизации», которое окончательно заставило его забыть о красотах бразильской природы. На одной из улиц внимание его при-

влекла ярко освещенная витрина магазина безделушек. Чучела птиц и животных, глиняные статуэтки и фигурки из дерева красовались в ней. Родину захотелось купить, что-нибудь на память о путешествии. Он толкнул дверь и вошел в магазин.

Первое, что увидел на прилавке наш ботаник, был... голова индейца. Да-да, не парикмахерский манекен из папье-маше, не бюст из бронзы и не резьба по дереву, а самая настоящая музизированная голова индейца! Леонид Ефимович с ужасом глядел на нее, не в силах отвести взор. А низенький вертлявый продавец, заметно взгляд вошедшего, кинулся навстречу.

— Сеньор, только для вас! — бойко затараторил он — Это не подделка, а настоящая голова настоящего индейца. Я дешево уступлю ее вам — всего десять долларов.

Родин глядел на скорбно сомкнутые глаза десятидолларовой головы, на взлохмаченные длинные волосы, на мучительно оскаленные зубы. Как сквозь сон, доносились до него слова торговца «безделушкам»:

— О, это самый модный товар! Американцы берут эти головы нарасхват. У меня осталось только две штуки. Для вас я готов даже разрушить комплект — обычно мы продаем их парами: мужскую и женскую...

Нет, Родин слушал, но ничего не понимал. Трудно было понять такое советскому человеку. Ведь речь шла о человеческой голове! Ученый вздрогнул и, резко повернувшись, пошел прочь. Вдогонку ему неслись слова:

— Вы напрасно уходите, сеньор! Завтра вы вернетесь, но будет поздно. Первый же янки заберет обе головы не торгуясь. Американцы большие любители этого оригинального товара!

Заканчивая свой рассказ о бразильском магазине «безделушек», советский ботаник писал:

«Может быть, вы, читатели, мне не поверите? Я даже начинаю жалеть, что не купил эту голову. Я бы тогда смог показать ее вам, чтобы вы воочию убедились в чужеземии буржуазной культуры. Вы все еще не верите? Вот адрес магазина: Рио, улица Буэнос-Айрес, № 110/112. Может статься, что кто-либо из вас будет моряком и

пойдет в Южную Америку. Зайдите в Рио-де-Жанейро по этому адресу и убедитесь в правоте моих слов»¹.

Таковы «порядок и прогресс» на родине гевен. Это сегодня, в середине XX века, в наши дни! Даже кровававшие предки нынешних властителей Бразилии, мучившие туземцев в долине Путумайо, не додумались до такого: продавать в качестве сувенира голову настоящего индейца!

Еще злее, еще бесчеловечнее стали современные капиталисты. Но народы мира всё сплоченнее и дружнее встают против своих поработителей.

О столице Бразилии нам известно и другое. В один прекрасный день жители Рио-де-Жанейро, проснувшись, увидели на одной из самых высоких гор, окружающих город, — на пике Двух Братьев — огромную надпись:

СТАЛИН

Тысячи людей — индейцы и бразильцы, негры и мулаты, нищие рыбаки и усталые портовые грузчики, седовласые старики и маленькие босоногие чистильщики — радостно повторяли это родное для них имя. Надпись на пике Двух Братьев была сделана неизвестными смельчаками в дни празднования семидесятилетия товарища Сталина. За многие десятки километров видны были белые буквы на скалистой вершине.

Злились негласные правители Бразилии — американские бизнесмены, негодовали бразильские министры, свирепствовали полицейские, рыскали повсюду сыщики. Но они были бессильны. Никто не рискнул подняться на обрывистую гранитную скалу, нависшую над глубочайшей пропастью.

Символом братства народов, свободы и счастья человечества высилось над городом, над всей Бразилией имя вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина. Это имя с надеждой повторяют сегодня трудящиеся всего мира. Народы поднимаются на великую битву.

За честь и свободу!

¹ О своем путешествии Л. Е. Родин подробно рассказал в интересной книге «Пять недель в Южной Америке. Впечатления натуралиста» (Государственное издательство географической литературы, Москва, 1949).

За свободу и независимость!
Клич этот подхватывают миллионы. А когда восстает
народ, поработители бессильны!

Нет, не повезло вечнозеленой гевее!

В тенистых джунглях Амазонки родилась она, стройная, высокая, красивая. Беззаботные туземцы весело играли в мяч, сделанный из ее сока. И босоногие ребята любили красавицу гевею.

О чудесном веществе «као-чу» узнал весь мир. Люди научились делать из него сорок тысяч различных изделий. Каучук стал необходим.

Но тут же «слезы дерева» слились с человеческими слезами. Белоснежное молоко гевен смешалось с кровью, одинаково алой и у индейцев, и у негров, и у малайцев, и у вьетнамцев.

Вся история каучука — это история обманов, грабежей, кровопролитий и войн.

Всеобщая «каучуковая война», так же как и всеобщая война за нефть, за уголь, за железо, за хлопок, будет продолжаться до тех пор, пока будет существовать капиталистический строй.

Случайной ли была ошибка Томаса Альвы Эдисона? Ведь он шел верным путем. Знаменитый американский изобретатель искал каучуконосы на своей земле, а нашел никуда не годную «чудо-траву».

Почему?

Да потому, что надеялся только на доллары. Потому, что работал один, со своими помощниками. В одиночку он еще мог изобрести фонограф. Но не в силах одиночка пересмотреть всю растительность страны. А народу Америки были в высшей степени безразличны заботы автомобильного короля Форда и шинного короля Файрстона.

Американские короли пошли извечным путем всех капиталистов: крейсерами, танками, «летающими крепостями» добывают они в тропиках «черное золото».

Только одна страна нашлась на свете, которая решила проблему своего натурального каучука. Наша, советская страна! То, что не под силу было знаменитому изобретателю Эдисону, сделали колхозники Спиваченко, ра-

бочий Бахнов, железнодорожник Кузнецов, фельдшер Карис, заготовитель Зарецкий. А если бы им не удалось найти каучуконосы, это удалось бы другим советским людям.

— Конечно, каждый из нас как бы случайно сделал свое открытие, — говорил мне как-то Вадим Бахнов. — Но все вместе мы не случайно открыли советские каучуконосы. Потому что Родине нужен был каучук, потому что Сталин дал задание. И когда миллионы откликнулись на призыв вождя, богатейшая наша земля раскрыла свои богатства!

Глава третья

КАК КОК-САГЫЗ СТАЛ ВЕЛИКАНОМ

«СЕКРЕТЫ» ТЯНЬ-ШАНЬСКОГО ОДУВАНЧИКА

Знаете ли вы, сколько лет возделывают люди пшеницу? Сто, двести, пятьсот?.. Нет, гораздо больше!

Еще в каменном веке наши далекие предки занимались хлебопашеством. Некоторые ученые считают, что человечество знало пшеницу еще до возникновения членораздельной речи.

Ученые-археологи, изучая следы стоянок первобытного человека, находят отдельные зернышки, по которым

можно судить даже о сортах тогдашних пшениц. В древних славянских городищах при раскопках были обнаружены ямы-погреба с остатками хранившихся в них хлебных запасов.

И в Грузии и в Армении люди издревле сеяли хлеб — пшеницу, полбу. Во время раскопок древних курганов Колхиды были найдены зернотерни, которыми люди пользовались уже четыре тысячелетия назад.

В государстве Урарту, находившемся на территории нынешней Армении, в эпоху бронзового века возделывались пшеница, рожь, ячмень.

К тому же периоду относятся остатки хлебных растений, найденные на территории Болгарии.

Недавно большие экспедиции советских ученых отправились в Среднюю Азию — в Туркменистан, в пустыню Кара-Кумы. Они не думали об изучении глубокой древности, все их помыслы были устремлены в завтрашний день. Народ послал их в пустыню прокладывать трассу величайшего сооружения сталинской эпохи — Главного Туркменского канала.

Но вот во время своих изысканий ученые обнаружили в песках следы древнейших оросительных систем. Народы Средней Азии еще в глубокой древности строили плотины, возводили дамбы, рыли каналы, чтобы привести воду из Аму-Дарьи на свои поля. У них было орошаемое земледелие.

Следы древних оросительных систем обнаружены и во многих других районах нашей страны. Вот, к примеру, Хакассия. Здесь колхозники давно уже обращали внимание на едва заметные, засыпанные во многих местах земли, остатки старинных каналов. Но к какому времени, к какой эпохе они относятся, определить было трудно.

Позже в Хакассию приехали археологи раскапывать древний курган. И вдруг выяснилось, что курган, который так интересовал ученых-историков, стоит как раз на пути полузасыпанного канала. Значит, курган был возведен уже после того, как орошение прекратилось, — иначе он преградил бы путь воде. «Возраст» же кургана ученым было совсем нетрудно определить: ему было три тысячи лет.

Оказывается, и в Сибири и в Минусинской котловине

не, где жили предки нынешних хакасов, орошаемое земледелие известно уже по крайней мере тридцать веков!

Древнейшие земледельческие страны — Китай, Индия, Египет. В Китае пшеницу знали пять тысячелетий назад. Тогда же начали китайцы возделывать сою. А просо еще за двадцать семь веков до нашей эры собственноручно высевал на народных празднествах император Китая Хинг Нонг: такой у них существовал торжественный обряд.

К нам просо было принесено кочевниками с Востока. Его возделывали уже скифы, жившие в причерноморских степях. Киевский летописец записал в 1095 году: «Саранча шла полуношным странам, едущая траву и просо».

Из России просо было вывезено впоследствии в Америку. Во многих штатах оно до сих пор зовется по-русски: «просо».

В Европейской части СССР самые древние остатки гороха были найдены учеными при раскопках городища близ Минска. По времени они относятся к шестому веку...

Много сотен лет выращивают люди и хлопчатник, и рис, и чечевицу, и яблоки, и арбузы, и груши, и лен... Древние песни и сказания, старинные летописи и документы, остатки оросительных каналов и находки археологов доказывают это.

Видите, какие древние культуры растут на нашей земле!

Издавна люди присматривались к ним, учились растить их. На север шли одни сорта, на юг — другие. Уже древние славяне знали, как высевать пшеницу, на какой почве высевать, когда убирать. Жители среднеазиатского государства Хорезм отлично знали, сколько поливов надо провести за одно лето и в какие сроки надо давать влагу полям. И все земледельцы, где бы они ни жили, знали от дедов и прадедов своих, как ухаживать за пшеницей, рожью, просом, чтобы получить хороший урожай.

Этот опыт человечество копило веками, тысячелетиями.

А тьянь-шаньский одуванчик появился на наших глазах.

Ученые уже дали ему, как и полагается всякому культурному растению, видовое название: «тараксакум кок-сагыз» из семейства сложноцветных. Может быть, кок-сагыз, как и другие сложноцветные, был очень древним растением, но для нас он все равно оставался «ди-карем»: никто не знал, как его выращивать.

Люди должны были привыкнуть к этому растению и приспособить его к своим требованиям, воспитать. И сделать это надо было как можно скорей. Страна не могла ждать тысячи лет, каучук нужен был сегодня, сейчас!

...Летом 1932 года наш старый знакомый Вадим Бахнов, поступивший уже в Московский университет, отправлялся на свою первую студенческую практику. Он обратил внимание на веселую компанию молодых людей, грузивших в вагон приборы, сумки, палатки, тюки. Старый турист сразу заинтересовался: перед ним явно была какая-то экспедиция.

В пути знакомятся быстро, и когда поезд миновал дачные поселки Подмосковья, Вадим уже беседовал со своими попутчиками.

— Куда направляетесь? — был его первый вопрос.

— Сейчас во Фрунзе, — ответили путешественники, — оттуда машиной в Пржевальск, а затем лошаадьми в селение Кок-Пак...

Вадим насторожился.

— Хорошо знаю эти места, — сказал он. — Могу помочь советом.

— Мы не заблудимся, — улыбнулись путешественники. — Есть у нас и карты, и описания, и план местности.

И они даже показали Вадиму подробный план селения Кок-Пак. Красным крестиком было отмечено овальное болото километрах в шести от деревни. А внизу стояла подпись: «В. Бахнов».

— Так вы за кок-сагызом! — воскликнул Вадим. — Чего же сразу не сказали! Это ж мой план. Я его для Института каучуконосов чертил. Вот это встреча!

До поздней ночи беседовал Вадим со своими новыми друзьями, советовал, какой выбрать маршрут, где устраивать ночлеги. Просил обязательно передать привет Сайдаку и Галуку, и деду Набокову, и мальчику Карыну. А участники экспедиции рассказывали ему о своей будущей работе. Это были настоящие специалисты: биохими-

ки, почвоведы, ботаники, физиологи, географы. Там, на месте, экспедиция должна была изучить, как растет кок-сагыз, когда цветет, какую почву любит, помогает ли ему дождь или, наоборот, мешает, любит ли он солнце, и т. д. Нужно было изучить все!

И когда они расставались под утро — Вадим пересаживался на другой поезд, — он сказал им:

— Желаю успеха! Выведайте все секреты тьянь-шаньского дикаря!

А «секреты» начались с первого же дня работы экспедиции...

Корень дикого кок-сагыза, найденный Вадимом, весил, например, всего один грамм. Мышиный хвостик! Но ведь и нынешняя сахарная свекла в килограмм весом была когда-то величиной с петрушку. Это люди воспитали ее, сделали такой огромной. Значит, надо добиться, чтобы и у кок-сагыза корни стали крупными и тяжелыми. Как это сделать поскорей?

А тут еще химики дают трудное задание. Они говорят, что встречаются корни, в которых десять процентов каучука, а есть и такие, в которых двадцать — двадцать пять процентов. Корень корню рознь! Но ведь и сахарная свекла лет полтора-два назад содержала всего пять процентов сахара, а сейчас — двадцать процентов. Значит, мало воспитать породу кок-сагыза с крупными корнями — надо, чтобы в этих крупных корнях было побольше каучука. Как это сделать?

И уж совсем, казалось бы, простое дело — сбор семян. Взять да собрать, потом посеять их, потом снова собрать, да так много, чтобы их хватило на посев огромных каучуковых плантаций. Верно? Но это только кажется простым делом...

На том болоте, где год назад ползали Вадим с Карыном, удалось собрать 1837 килограммов семян. Семена эти тут же посеяли на полях Средней Азии. Все шло хорошо, но когда стали снимать урожай с этих первых плантаций, удалось собрать всего 195 килограммов семян. Чуть ли не в десять раз меньше, чем было посеяно!

В чем же дело?

Вся беда в том, что «дикарь» кок-сагыз созревает неравномерно. Даже на одном кусте могут быть одновре-

менно и созревшие корзинки и еще не раскрытые бутончики. Вы бросаетесь к созревшим корзинкам. Скорей, скорей! А через некоторое время на плантации снова белеют пушистые головки: они недавно созрели... И так день за днем. Ну, хоть сиди у этого одуванчика с утра до ночи!

Ведь и ветер не дремлет. Стоит ему дунуть — и полетели драгоценные пушинки. Ищи-свищи! Они уже далеко...

Значит, наука должна добиться, чтобы растения кок-сагыз цвели все сразу. Надо свести месячный срок созревания хотя бы к одной неделе. Как это сделать?..

Я рассказал вам лишь о нескольких «секретах» тянь-шаньского одуванчика. А сколько их, один сложнее и таинственней другого!

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Как познакомиться с «дикарем» кок-сагызом? С чего начать?

Многие из вас мечтают, конечно, об увлекательных открытиях. Вот вы находите новое богатейшее месторождение металла, необходимого стране, или изобретаете замечательную машинку, совершающую переворот в технике, или раскрываете необычайную тайну природы... И приходит слава, все узнают ваше имя, спрашивают: «Неужели это сделал он, такой юный?» или: «Но она ведь еще школьница, как же сделала она свое открытие?»

Очень приятно мечтать об этом. Только таких научных открытий почти не бывает. Всякое открытие — это прежде всего труд. Труд повседневный, упорный, незаметный — то, что называют «буднями науки».

В предгорьях Тянь-Шаня начались «будни науки»...

Сначала все члены экспедиции занялись скучным, но необходимым делом — учетом. Надо было обязательно найти, пересчитать, описать все дикие заросли кок-сагыз. Драгоценный тянь-шаньский одуванчик стал достоянием народа. Народ должен точно знать размеры своего достояния.

Конечно, пересчитать растения, разбросанные кучка-

ми в разных местах, — нелегкое дело. Но нужные сведения были в конце концов собраны.

В трех горных долинах — Текесской, Сарджасской и Кегенской — на площади около десяти тысяч квадратных километров было обнаружено до шестисот миллионov растений кок-сагыза.

Географы занялись после этого изучением климата, рельефа, водных путей всех трех долин, почвоведы принялись исследовать почвы, на которых рос тянь-шаньский одуванчик, а ботаники отправились познакомиться с самим кок-сагызом.

Они-то и установили, что растение это выбрасывает цветоносы не одновременно, а в течение десяти-двадцати дней.

Узнали, что кок-сагыз в естественных условиях растет весьма плотно — до девяноста растений на одном квадратном метре.

Разглядели, что поверхность семянки кок-сагыза снабжена мелкими шипиками. Когда ветер сдувает семянки кок-сагыза, а осадки прибывают их к земле, эти шипики помогают семенам удержаться на почве.

Была замечена еще одна интересная подробность: те же шипики помогают семенам, зацепившись за шерсть животных, переноситься с места на место. Значит, коровы, овцы, козы, пасущиеся на лугах, служили переносчиками нашего «дикаря».

Важно все это знать? Безусловно! Мы ведь хотим завести плантации кок-сагыза. Для этого все нужно выяснить: сколько растений может жить на одном квадратном метре, на какую глубину падают семена в почву, как распространяется кок-сагыз в диких зарослях, как он «сам себя сеет».

Особенно внимательно следили ботаники за окружением каучуконоса. Какие травы растут рядом с ним? В каких он с ними отношениях? Мешают они кок-сагызу или, наоборот, помогают?

Вот обнаружены экземпляры тянь-шаньского одуванчика внутри мощных кустов чия. Очень интересное соседство! Стали следить за растениями и выяснили любопытную вещь.

Кок-сагыз — растение «розеточное»: листья в нем образуют зеленую розетку непосредственно от корня, без

стеблей. Значит, по сравнению с другими растениями кок-сагыз отличается самым малым ростом, или, как говорят ботаники, он занимает «самый нижний ярус в составе растительного комплекса». Такого «малыша» как будто каждый может обидеть, затенить своими высокими стеблями, лишить солнца, погубить...

Но кок-сагыз приспособился к трудным условиям. Ранней весной, прежде всех других луговых трав, появляются на земле яркие зеленые розетки тянь-шаньца, вскоре в середине розеток появляются бутоны. Кок-сагыз готов к цветению и плодоношению. После этого соседи начинают обгонять его в росте и действительно затевают, но наш каучуконос уже закончил плодоношение, ему теперь никто не страшен.

Вот так и с мощными чиевыми кустами. Они имеют глубокую корневую систему и начинают развиваться, когда почва прогреется на значительную глубину. Пока вырастут высокие стебли чия, наш кок-сагыз успевает уже пройти все фазы своего развития. И огромный чий не может помешать маленькому тянь-шаньскому одуванчику. Напротив, кок-сагыз сам извлекает пользу из этого соседства: для него хорошим питанием служат отмершие корни, стебли и листья чия, оставшиеся от прошлого года. Ботаники точно установили, что каучуконос, растущий близ чиевых кустов, развивается гораздо лучше.

Чуть ли не каждый день приносил подобные открытия. И каждое из них помогало еще ближе изучить «нрав» кок-сагыза. Медленно, но верно узнавали ботаники, что нужно драгоценному каучуконосу, чтобы он мог развиваться.

Но как отзовется «дикарь» на условия культуры? Лучше ему будет на вспаханном поле, чем на болоте, или хуже? Удастся ли человеку заботливым уходом улучшить растение, увеличить его размер, повысить каучукопродуктивность?

Это были вопросы чрезвычайно важные. Достаточно сказать, что хондрилла и тау-сагыз были плохи именно тем, что не поддавались никакому уходу. Хондрилла росла на плантации, но теряла при этом каучуковые наплывы, а тау-сагыз неизменно погибал на полях и рос только в отрогах древнего Кара-Тау.

Каков будет кок-сагыз на плантации? Увы, для того

чтобы узнать это, надо было сперва завести плантацию. Иного выхода не было...

Однажды в лагерь приехал дорогой гость — Василий Васильевич Спиваченко. Он перезнакомился со всеми учеными, ему показывали образцы кок-сагыза, рассказывали о проведенной работе и о «секретах» тянь-шаньца, которые удалось раскрыть.

— Одного нам здесь не узнать, — вздохнул начальник экспедиции: — как будет кок-сагыз на пашне себя чувствовать? Год придется ждать, пока получим первые результаты...

Видно, совсем не случайно был Василий Васильевич одним из первооткрывателей кок-сагыза. Понимал природу, умел наблюдать ее этот человек! Вот и теперь задумался Спиваченко, улыбнулся и, к всеобщему удивлению, объявил:

— Не нужно год ждать. Кок-сагыз сорняком попал на нашу колхозную пашню и чувствует себя превосходно!

Действительно, рядом с сазовыми лугами, на краю колхозной нивы селения Сарджас, ботаники обнаружили несколько растений тянь-шаньского одуванчика. С первого взгляда можно было заметить, что здесь кок-сагыз крупнее, лучше. Вместе с хозяевами поля — колхозниками — ученые тщательно собрали с пашни все растения. Потом для сравнения собрали кок-сагыз, растущий рядом — на целине, на лугу. И в результате всей этой работы появилась таблица, которая разом рассеяла все сомнения ботаников:

Признаки	Пашня	Целина
Длина корня, средняя (в сантиметрах)	19,3	6,6
Листьев на одном растении . . .	63	12
Цветочесов на одном растении . .	26	2
Абсолютный вес сухого вещества корня (в граммах)	5,61	0,49
Абсолютный вес каучука в корне (в граммах)	0,61	0,07

Оказалось, что кок-сагыз прекрасно отзывается на условия культуры. Ботаники могли сделать первые выводы: разлитию тянь-шаньского одуванчика способствовали на папге рыхлость обработанной почвы, обильное увлажнение (этот участок поливался), усиленная аэрация (приток воздуха) почвы...

Сложнейшие вопросы помогала решить одна лишь случайная находка. Но каждый день приносил с собой всё новые и новые неразрешенные загадки. Не так-то уж легко давался в руки «дикарь» кок-сагыз...

НА ПОМОЩЬ ЗОВУТ ЭНТОМОЛОГА

Ботаники быстро разглядели строение корзинки кок-сагыза. В ней, как во многих других цветках, они увидели тычинки с пыльниками, завязь, пестик с рыльцем. Все вы учтёсь в школе и, конечно, знаете, что пыльца с тычинки обязательно должна попасть на рыльце пестика, чтобы произошло оплодотворение. Иначе не получится семян.

Это ясно. Но ученые хотят более точно знать, как оплодотворяется кок-сагыз. Для этого они обвязывают марлей несколько цветочных корзинок — изолируют их от внешнего мира. Тычинки и пестики там внутри очень близко друг от друга, и своя пыльца попадает на рыльце. Но когда ботаники открывают цветки, они убеждаются, что семян на них почти что нет. Совсем мало! А на тех, что не были изолированы, — много! Значит, собственная пыльца не может как следует опылить цветок. Нужна пыльца с другого растения кок-сагыза. Тянь-шаньский одуванчик требует, таким образом, перекрестного оплодотворения.

Кто же переносит пыльцу с тычинки одного цветка на рыльце другого? Ветер?

Изобретательные ботаники немедленно ставят новый опыт. Среди диких зарослей кок-сагыза они расставляют столбики. На столбиках развешивают небольшие стекла. Стекла намазывают клеем. Если ветер действительно переносит пыльцу, то хотя бы несколько пыльников должны прилипнуть к стеклам. Вечером ботаники снимают эти искитрые приборы и несут их в лабораторию. На стеклах ничего нет, ни одной пылинки! Значит, ветер ни при чем.

Вот загадка! А узнать секрет необходимо. Растения, посеянные учеными под открытым небом в Ленинградском ботаническом саду, хоть и поздно, но дали семена. А те, что выращивались в теплицах, не завязывали семян...

Как раз к этому времени относится разговор между учеными, который случайно услышали в селении Кок-Пак Карын и другие ребята. Время было летнее, занятия в школе кончились, и все они уже несколько дней помогали экспедиции: собирали семена, бегали по долине, не пропуская ни одной раскрывшейся корзинки кок-сагыза. А вечером приносили свою добычу к большой палатке, которая называлась «лабораторией», и, сдавая семена, ревниво следили — у кого больше.

В этот вечер больше всех собрал Карын, даром что маленький. И мужчина в очках, которого звали «ботаником», похвалил его:

— Молодец, Карын! Я вижу: не зря мы тебе привет передали от Вадима Бахнова.

Мальчик гордо посмотрел на остальных ребят.

Тут подошел другой путешественник и сказал:

— Энтомолог Панов уже приехал в Пржевальск. Завтра будет здесь.

Новость эта, видимо, очень заинтересовала ботаника.

— Замечательно! — закричал он. — Меня давно уже беспокоят жучки-комарики. Энтомолог нам необходим!

«Что за энтомолок такой? — подумал Карын. — Почему он необходим? И при чем здесь жучки-комарики?»

— Чего он будет делать, этот... энтомолок?

Ботаник улынулся вопросу мальчика.

— Энтомолог, — поправил он, — это человек, который изучает насекомых...

— На-се-ко-мых... — разочарованно протянул Карын.

— Да, насекомых — бабочек, муравьев, жуков, мух, — продолжал ботаник. — Энтомолог поможет нам разгадать одил секрет кок-сагыза.

И, собрав мешочки с семенами, ученый скрылся в палатке-лаборатории. А ребята остались в недоумении. Неужели это правда? Неужели взрослые люди могут всерьез заниматься какими-то насекомыми? Нет, наверное, ботаник просто пошутил над ними.

— Жучки-комарики! — засмеялся пятиклассник Шапариск. — А еще ученым называется!

И когда на следующий день в селение Кок-Пак действительно приехал энтомолог, ребята не обратили на него никакого внимания. Гораздо интереснее было смотреть, как высокая женщина — биолог-анатом — режет на мелкие кусочки корешки кок-сагыза, а потом рассматривает каждый кусочек в микроскоп. Если не шуметь, она даже позволит взглянуть в окуляр кому-нибудь из ребят.

Только Карын вертелся возле палатки энтомолога. Очень уж ему хотелось узнать, как этот молодой человек с добрыми голубыми глазами будет разгадывать секрет кок-сагыза!

Не прошло и получаса, как состоялось знакомство. Приезжий узнал, что перед ним тот мальчик, который помог комсомольской экспедиции открыть кок-сагыз. Выяснилось также, что мальчик этот ничем не занят сейчас и как свои пять пальцев знает все окрестные сазы. А Карын узнал, что энтомолога зовут Федор Николаевич, что у него будет еще трое помощников и что все они будут выслеживать таинственного переносчика пыльцы. Это было поинтересней микроскопа!

Еще через полчаса между новыми знакомыми был уже заключен договор: Карын станет проводником энтомолога, покажет ему все заросли кок-сагыза; зато Федор Николаевич разрешит ему присутствовать при всех опытах и даже самому ловить переносчика пыльцы. Но с одним условием: полная тайна! Карын должен держать язык за зубами. Если остальные ребята узнают об этом, они тоже прибегут на поле и спугнут насекомых, которых надо изучать. Тогда все пропало! Значит, тайна, полная тайна...

На следующий день прибыли помощники энтомолога: Лена — его жена, биолог — и двое студентов-практикантов Ташкентского университета: добродушный широколицый узбек Омар Есипов и стройный большеглазый туркмен Наби Мухаммедов. Едва разместив в палатке свои вещи, они отправились в поле.

Нетерпеливому Карыну казалось, что как только он подойдет к кок-сагызу, ему сразу удастся поймать «невидимку». Он бежал впереди всех. А позади всех впер-

валку двигался Омар, с любопытством разглядывая окружающую местность.

Они шли широкой поймой реки. И неожиданным казалось в горах это ровное-ровное серо-зеленое поле, со всех сторон окаймленное хребтами. Горы были покрыты стройной тянь-шаньской елью. Растительность в пойме была как подстриженная — гладким пушистым ковром лежала она у ног. Лишь время от времени вырывался большой куртиной метровый чий — дикий тянь-шаньский злак. Но все было забыто, когда вдруг расступились облака и в просвете голубого неба, как в оконце, выглянула белоснежная вершина Хан-Тенгри.

— Смотрите! Смотрите! — закричал Наби. — Карын говорил, что Хан-Тенгри видна отсюда очень редко. А нам показалась сразу!

Даже молчаливый Омар прищелкнул языком: у него это было высшим проявлением восторга. А Лена смотрела на далекую вершину как зачарованная.

— Чудесно! — тихо сказала она мужу. — Правда, Федя?

Но тот не слушал ее. Он сидел на корточках и внимательно разглядывал первое встретившееся им растение кок-сагыз.

— Ну вот, все энтомологи такие: ничем они не интересуются, кроме своих насекомых! — сказала Лена, но тут же поспешила наклониться к земле.

Перед ними было небольшое, хилое растеньице. Полураскрытая корзинка чуть заметно покачивалась на ветру.

— Друзья, — приступил к объяснению энтомолог, — прежде всего нам надо будет уловить, каково строение соцветия кок-сагыз...

В этот момент Карын вскрикнул и схватил в руку «учебное пособие» — цветок, на который были устремлены все взоры. Лена даже вздрогнула от неожиданности, но Карын тут же поднялся и с улыбкой, обнажившей все его ровные белые зубы, показал на ладони маленькую придавленную мушку.

— Федор Николаевич, — робко произнес он, — может быть, это опыляет кок-сагыз?

Энтомолог улыбнулся:

— Может быть, не спору. Это обыкновенный тянь-

шапский трипс. Но на кок-сагызе, кроме него, обитает около девятиста различных видов насекомых — это уже подсчитано...

— Девятисто! — поразился Карын.

— И мы должны, — продолжал Панов, — всем нам учинить строгий экзамен. Это долгий и кропотливый труд. Каждый свой вывод, прежде чем объявить о нем, надо десять, двадцать, сто раз проверить. Это будни науки...

И потекли «будни науки» — долгие дни, похожие один на другой. На заре энтомологи поднимались с теплых постелей и, наскоро позавтракав, спешили в поле, на знакомые, с первого дня намеченные участки.

Здесь надо было располагаться на земле и молча лежать до полудня, наблюдая за цветками. К каждой цветочной корзинке был прикреплен на нитке картонный номерок. Себе, как наиболее опытному в этом деле, энтомолог Панов взял двадцать пять цветков, Омару и Наби дал по двенадцати, Лене — самой нетерпеливой и невнимательной — всего восемь штук. Карыну тоже достались «объекты для наблюдения» — цветки № 58 и № 59. Но даже за этими двумя было нелегко следить.

Больше всего утомляло однообразие. С первыми лучами солнца обе корзинки начинают постепенно раскрываться. Больше, больше... Наконец обнажаются все пять пушистых кругов, из которых состоит это удивительное соцветие. Карын переводит глаза с одной корзинки на другую. Ему все время кажется, что таинственный переносчик пыльцы появится именно там, куда он не глядит в этот момент. Глаза быстро устают. Тогда Карын смотрит на небо, но там такое же серое однообразие — облака, облака, облака... Хан-Тенгри не хочет больше радовать их своим появлением. Мальчик снова глядит на свои цветки — никаких изменений. Ему становится очень скучно. Резкий ветер пронизывает до костей: ведь здесь, высоко в горах, даже в середине июля бывает холодно.

Карын смотрит на остальных охотников за насекомыми.

Слева, шагах в десяти, — Омар. Он лежит спокойно, опершись подбородком на сложенные кулаки, и смотрит на свои растения.

«Ему хорошо, — думает Карын: — он спокойный, сутками может молчать...»

Справа на таком же расстоянии расположилась Лена. Эта тоже, видно, мучается. Он ловит ее сочувственный взгляд и смотрит вперед. Там рядом лежат Наби и Федор Николаевич. Наби вертится. Его, видимо, больше всех угнетает строгий запрет двигаться и разговаривать. «Эх, побегать бы сейчас с ним на перегонки, — думает Карын, — или песню запеть какую-нибудь!»

Федор Николаевич пишет что-то в толстой тетради. И Карын тут же вспоминает, что и у него есть такой же «паспорт цветения». Он быстро вытаскивает из кармана свою тетрадку и делает очередную запись крупными, округлыми буквами: «Корзинки раскрылись во-время, погода пасмурная, соцветий столько-то...» В графе «насекомые» он, как и вчера, ставит черточку — нет насекомых...

Так проходит день, другой, третий... Кроме маленьких трипсов и черных жучков, никто не посещает цветки. А гости эти — Карын очень скоро узнает об этом — не приносят кок-сагызу никакой пользы: ни один из них даже близко не приближается к тычинкам и пестикам.

И Карын сбежал бы, наверное, от этих скучных людей с их скучным делом, но тут начались интересные события. На четвертый день вдруг выпал снег, и тогда взбунтовалась Лена.

— Глупо здесь лежать, — заявила она, — глупо и ни к чему! Тут нет и быть ничего не может!

— И я так думаю, — сказал Наби. — Мы месяц так будем лежать и ничего не увидим!

Даже тихий Омар пробурчал:

— Нет тут никаких насекомых...

Карын поднялся, отряхнул землю с колен, обрадованный, что можно будет без «позора» уйти отсюда. Но тут послышался ровный голос Панова:

— Чтобы сказать, что здесь ничего нет, надо иметь основания. Три дня не дают таких оснований. Верно сказал Наби: месяц, может быть, придется работать...

— Так ведь это тиранство! — воскликнула Лена.

— Кто устал, — сказал энтомолог, — может отдохнуть. Идите домой, я один поработаю...

Никто не ушел с поля.

На следующий день заметно потеплело. Снег растаял. В полдень, когда разошлись тучи и выглянуло солнце, термометр показывал девятнадцать градусов тепла.

Карын ни на одну минуту не отводил глаз от своих двух цветков. И когда совсем уже устали глаза, он услышал вдруг жужжание и тут же заметил небольшую черно-желтую пчелу.

Пчела, словно нацеливаясь, секунду висела в воздухе прямо над цветком, потом быстро и бесшумно опустилась на корзинку № 58. Затанув дыхание, смотрел Карын, как «работала» маленькая гостья.

«Собирает сладкий нектар», вспомнил он наставления энтомолога и тут же заметил, что пчела слетела с цветка и, покружившись в воздухе, села на другую корзинку.

Тут уж Карын не выдержал.

— Федор Николаевич! — закричал он. — Я нашел невидимку! Это пчела!

К нему подбежала Лена, за ней — Наби. Подошел Омар, а вслед за ним — энтомолог.

— Ты уверен, Карын? — спросил он.

— Конечно. Я видел, как она с пятьдесят восьмого цветка перенесла пыльцу на пятьдесят девятый.

— Очень хорошо, замечательно! Молодец, Карын!

Наби внимательно смотрел на цветки мальчика, но там не было никакой пчелы. Она давно уже улетела: испугалась, верно, шума. А может, и не было никакой пчелы?..

— Ты уверен, что видел? — спросил Наби.

Карын чуть не заплакал от обиды:

— Конечно! Я же видел.

— Н-да, — профессорским тоном протянул Омар, — это, конечно, ничего еще не доказывает...

— Нет, доказывает, — неожиданно произнес Панов и показал свою тетрадь.

Вся крайняя графа была заполнена в этом «паспорте цветения». Оказывается, за последние полчаса восемнадцать из его двадцати пяти цветков посетили пчелы. И о каждой из них было записано, где она брала нектар, какие круги соцветия задевала, собирая пыльцу.

— И ничего не сказал! — обиделась Лена. — Все вы, энтомологи, такие...

— Не сердитесь, — улыбнулся Пзнов. — Часть открытия мы поделим пополам с Карыном, будущим энтомологом Карыном, а еще верней — на пятерых. Работы тут непочатый край: ведь пчелы потому и не летали до сих пор, что было холодно. А теперь потеплело — самый лёт начался.

Только через месяц закончили они свои наблюдения. Но зато о каждом цветке они знали: сколько раз были здесь пчелы, какие круги соцветия опылили. Энтомолог Панов на одном цветке сделал такой опыт: он допускал пчелу лишь к внешнему кругу соцветия, а потом сгонял. И когда впоследствии, через месяц, был собран урожай, только на внешнем круге оказались семена, а на внутренних — пустые оболочки. Урожай собрали и со всех других пронумерованных корзин (в том числе с двух цветков «энтомолога» Карына), и выяснилось, что чем больше пчел посетит цветок, тем больше завязалось семян. В общем, это были, как говорил энтомолог, «салидные научные данные».

И Карын, которого освободили наконец от «обета молчания», снова стал героем дня. Все ребята завидовали ему. Карын очень важничал, говорил, что обязательно пойдет учиться на энтомолога, и профессорским тоном милостиво объяснял пятикласснику Шанарбеку:

— Самое главное в соцветии — цветки. Потом идут пчелы. Без них кок-сагыза и вовсе не было бы!

И никто не спорил с ним, как это ни казалось невероятным...

«Секрет» кок-сагыза был разгадан. Энтомологи указали ботаникам метод завязи семян в тепличных условиях. Теперь в оранжерею Ленинградского ботанического сада приносили пчелный улей. Трудолюбивые пчелы летали от цветка к цветку, собирая нектар. При этом они переносили пыльцу. И опыленные цветки давали много драгоценных семян.

Интереснейшая наука — энтомология, серьезная и очень важная! Без нее никак нельзя было обойтись. Работа энтомологов далеко еще не окончена. Им предстоит решить другую важную задачу. Они насчитали ведь девяносто различных видов насекомых, живущих на стеблях, корнях, листьях и цветках кок-сагыза. Дикая пчела оказалась другом растения: без ее помощи кок-сагыз не мо-

жет размножаться. Но, может быть, другое какое-нибудь пасскомое, тот же маленький трипс, мешает, вредит тянь-шаньскому одуванчику? Раз люди взялись воспитывать «дикаря», надо помочь ему и в этом, надо защитить его от врагов.

Слова долго и кропотливо работали ученые-энтомологи. И вот высоко в горах, в урочище Ойгаин, они нашли самого опасного врага кок-сагыза — жучка-долгоносика. Этот жучок по-хозяйски располагается в корзинках растения и откладывает там яйца. Из яиц выходят маленькие, незаметные человеческому глазу, личинки. А для личинок этих нет лучшей пищи, чем драгоценные семена кок-сагыза. Невидимки-личинки пробуравливают твердую оболочку семян и поедают их. Семена как будто есть, а посмотришь — одна шелуха.

Энтомологи во-время разгадали этого вредителя — безобидного на вид жучка с длинным хоботком. И ему объявили войну. Конечно, никто не бегал по полям и не ловил жучков. Все равно ничего не вышло бы — ведь их миллионы! Поступили проще: долгоносик попал в карантин. Ученые проверяли все отправляемые семена. И ни один жучок, ни одна личинка не уехали из Тянь-Шаня. А кок-сагыз, избавленный от злейших врагов, мог спокойно расти и развиваться на новых землях.

КОК-САГЫЗ ПОПАДАЕТ В ЛАБОРАТОРИЮ

В Средней Азии, вблизи от родины тянь-шаньского одуванчика, появились первые плантации. Кок-сагыз стали сеять в совхозе «Джун», под Ташкентом, и на опытных станциях — Атабаевской и Бурненской.

Сеяли каучуконос осенью.

Еще из описаний ботаников было известно, что именно так тянь-шаньский одуванчик «сам себя сеет». В конце лета ветер сдувает семечки одуванчика. Они падают на землю, цепляются шпиками за почву, лежат, но не прорастают. Наступает зима, выпадает снег, кажется — семена погрузились в сон. Зато с первыми лучами весеннего солнышка — раньше других луговых растений — появляются зеленые ростки кок-сагыза.

Значит, семена падали в почву осенью, а проросли

весной. Так приспособился кок-сагыз к суровым условиям, в которых развивался веками. Ведь если бы нежные всходы появлялись осенью, то они неминуемо погибли бы при первых же зимних холодах.

Учитывая все это, каучуконос сеяли на плантациях тоже осенью. Такой способ посева назывался «подзимним» и давал неплохие результаты. Но этого мало, советские ученые идут дальше. А нельзя ли посеять кок-сагыз и весной? Пшеницу ведь сеют и осенью и весной, рожь тоже имеет два срока посева. Это чрезвычайно важно: выпадет плохая осень, заморозки погубят сев, вода размочет почву — весна поможет. Два срока гарантируют земледельца от случайностей, капризов погоды.

Попробовали и кок-сагыз посеять весной. Сеяли отборными семенами, со всей старательностью ухаживали за плантацией, а кок-сагыз не рос. Грустно было смотреть на поле: торчат несколько хилых росточков, а кругом — черная земля.

Новый «секрет» тянь-шаньского одуванчика надо было разгадать во что бы то ни стало!

И кок-сагыз попал в лабораторию Всесоюзного института каучуконосов...

Высокий, просторный зал. Легкие занавеси на широких окнах. Солнечные зайчики играют на кафельном полу. На длинных столах, на белых полках блестят разные инструменты, стеклянные пробирки, мензурки, колбы. Вдоль стен выстроились таинственные металлические ящики. На них — таблички: «Термостат № 1», «Термостат № 2», «Термостат № 3»...

Бесшумно движутся лаборанты в белых халатах. Они осторожно укладывают крупинки-семена в стеклянные чашечки, на белоснежную вату. Кок-сагыз готов к осмотру.

И тогда в лабораторию входит высокий мужчина. На нем тоже белый халат. Сквозь очки глядят на кок-сагыз внимательные глаза. Ученый берет увеличительное стекло в бронзовой оправе. Семена сразу увеличиваются в несколько раз, но все равно остаются крупинками. Мелки они, очень мелки! Шутка ли — три тысячи штук весят всего один грамм!

Андрей Владимирович Певцов — опытный семеновед. Ему приходилось «лечить» семена индийского кенафа,

редкостного канатника, новых сортов конопли, подсолнечника и многих других растений. Но этот «дикарь» упрямей всех!.. Вновь лупа приближает к глазам ученого семечка, темнеющие на белоснежной вате. Как проникнуть в тайну этих мельчайших крупянок? Как узнать, что мешает им прорасти весной?

На помощь приходит замечательный раздел науки — семеноведение. Он говорит о строении всех семян, в том числе семян кок-сагыз.

Внутри семени скрыта важнейшая его часть — зародыш. Зародыш будущего растения. Что же мешает ему выброситься из семени росток?

Ну, разумеется, не хохолок, который несет семя по ветру и обламывается затем. И не семядоли, которые служат зародышу кладовой пищи. Вернее всего, мешает оболочка семени, точнее — две оболочки: внешняя — плодовая и внутренняя — семенная. В таком случае нужно точно узнать: какая же из них задерживает развитие зародыша?

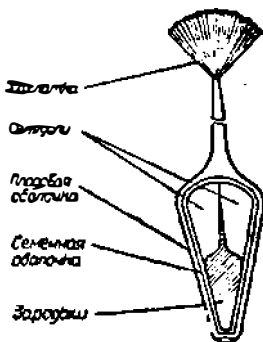
Задача, чем дальше, становится трудней.

Андрей Владимирович встает, ходит по залу, рассеянно протирает очки, думает, думает... Потом стремительно подходит к своим помощникам и объявляет о своем решении:

— Друзья, придется делать операцию...

Действительно, все, что происходило дальше, весьма напоминало настоящую операцию. Доктор в белом халате. Две ассистентки — Зоя и Катя — с «хирургическими» инструментами (препарировальными иглами и тончайшими пинцетами) наготове. Неподвижный «пациент», обложенный ватой. Напряженные глаза ученого, точные, рассчитанные движения его умелых пальцев...

Очень трудно было снять внешнюю, плодовую, оболочку — плотную и довольно гру-

Строение семени кок-сагыз (схема).

бую. С величайшими предосторожностями Андрей Владимирович проколол ее острой иглой. Зоя держала в вытянутой руке увеличительное стекло перед глазами ученого. Катя быстро сунула в его руку пинцет. Семя вертелось в своем ватном облачении, никак не поддавалось. Наконец ученому удалось зацепить иглой краешек внешней оболочки и извлечь пинцетом сразу посветлевшее семя.

Они склонились над столом. Все было в порядке! Внутренняя, семенная, оболочка была цела. Нежная, тонкая, полупрозрачная, она облегала семя со всех сторон.

— Андрей Владимирович, — спросила одна из девушек, — как же мы будем снимать ее? Ведь это совсем невозможно!

Ученый улыбнулся. Недоумение лаборантки было вполне естественным: срезать семенную оболочку, не задев зародыша, действительно казалось невозможным. Но... недаром он был опытным семеноведом.

— Зоя, дайте-ка мне вчерашние семена. Те, что мы замочили.

На операционном столе появилось набухшее от воды, влажное семя. Андрей Владимирович осторожно подцепил его пинцетом, внимательно присмотрелся через увеличительное стекло к положению «пациента» и вдруг сильно сжал семя.

Оно упало на стол, освобожденное сразу от двух оболочек.

Так закончилась эта необычайная операция.

«Голое» семя и «полуголое» семя тут же были отправлены в термостаты. Это замечательные приборы! С помощью электрического тока в них можно месяцами поддерживать нужную температуру.

На этот раз установили такую температуру, какая держится в горах весной. Семена уложили на влажную вату, заменяющую почву. И каждый день заглядывали в металлические ящики пытливые лаборантки Зоя и Катя. Как чувствуют себя семена после операции? Появились ли не появились всходы?

Ждать приходилось долго, это тоже были «будни науки»...

Но настал день, когда «экзаменируемые» семена ответили на вопрос, поставленный ученым. Семя, освобож-

денное сразу от двух оболочек, дало всходы. А «полуголое» семя, на котором внутренняя оболочка оставалась нетронутой, не проросло.

Люди были изумлены. Они думали, что «дикарю» мешает плодовая, плотная и грубая оболочка. А оказалось, что душит семя, не пропускает к зародышу воздух нежная, полупрозрачная внутренняя оболочка.

Так была установлена причина гибели весенних посевов. Но и на этом никак нельзя было успокоиться. Стало известно, что мешает семенам кок-сагыз прорасти. Но надо узнать еще, как сделать внутреннюю оболочку проницаемой. Каждому ведь ясно, что невозможно производить операции над миллионами семян, которые придется сеять на полях. Необходим простой способ их обработки.

«А как в природе? — задумался Андрей Владимирович Певцов. — Ведь семена падают осенью в почву с неповрежденной внутренней оболочкой. Она-то и мешает им прорасти раньше времени. А весной все же появляются всходы. Значит, что-то изменилось зимой. Значит, за это время произошло что-то с внутренней, семенной оболочкой?..»

Ученый решил сделать с семенами в лаборатории то же, что делает с ними природа в горах: он увлажнил их и поместил под снег. После этого семена были вновь отправлены в термостат...

А через несколько дней выяснился полный успех ученого: взошли девяносто — девяносто пять процентов подготовленных к севу семян.

Советская наука одержала еще одну большую победу. Новый способ предпосевной обработки семян получил название *стратификация*. С помощью стратификации можно было в любом колхозе прекрасно подготовить семена к весеннему посеву.

СТО ТЫСЯЧ ОПЫТОВ

Многое, как видите, успела наука узнать о маленьком тьянь-шаньском одуванчике. Можно, пожалуй, приступать к массовому севу. Но... где лучше и выгоднее выращивать кок-сагыз? Как в огромной нашей стране опреде-

лить те районы и места, где он будет расти? И как это узнать поскорее?

Великий русский ученый Климент Аркадьевич Тимирязев говорил: «Надо у самого растения спросить, как его выращивать». Да! Надо у самого кок-сагыз спросить, как его выращивать. Пусть он сам ответит на все вопросы.

И начался строгий допрос тянь-шаньского одуванчика.

Ежедневно из Института каучуконосов относил на почту одинаковые синие пакеты. Только адреса на них были разные. Это семена кок-сагыз отправлялись во все концы страны.

И каждый, кто получал пакет, распечатывал его, осторожно рассматривал мелкие семена и сеял их на своей земле. Это делали колхозники-опытники, агрономы, научные работники, учителя средних школ. Допросом кок-сагыз занялся весь народ.

Интересные результаты дал этот массовый опыт, интересные и... неожиданные.

Взгляните на карту. Если от Тянь-Шаня провести на запад линию вдоль параллели, то она пересечет Среднюю Азию, Узбекистан, Казахстан — как раз те места, где кок-сагыз сеяли в первый год, места той же географической широты. Многие думали, что именно здесь будет себя хорошо чувствовать тянь-шаньский одуванчик.

Но вот осенью 1933 года в Институт каучуконосов начали приходить письма. Сотни писем! Полтавские колхозники с Украины писали, что у них хорошо растет кок-сагыз. Из Башкирии и Белоруссии сообщали о том же. Оказалось, что «южный» одуванчик прекрасно чувствует себя на Волге, и на Среднерусской возвышенности, и под Москвой. Было даже письмо из Мурманска, сообщавшее, что и там, у Полярного круга, выросло это удивительное растение. И самое интересное: во всех этих местах кок-сагыз чувствовал себя лучше, чем в южном, ташкентском совхозе «Джун». Чем объяснить это?

Кок-сагыз действительно растет на одной широте с жарким по климату Ташкентом или Крымом. Но ведь он растет в горах, на высоте 1800—2100 метров над уровнем моря. А климат там гораздо холодней. Экспедиция

энтомолога Панова в середине июля застала снег в горах. Значит, кроме горизонтальной, широтной зональности, существует еще высотная, вертикальная зональность. По законам вертикальной зональности, «южный» кок-сагыз и оказался северным растением.

Так в один год решена была сложнейшая научная проблема. Известно стало, что кок-сагыз можно выращивать во всех основных районах страны. Это было замечательное открытие! Но сколько лет понадобилось бы даже нашей передовой науке, чтобы решить эту проблему, если бы народ не пришел на помощь, если бы миллионы советских людей не взялись разгадывать «секреты» тьянь-шаньского одуванчика!

...Однажды синий пакет со штампом «Институт каучукоосов» пришел и в Бесединскую среднюю школу Курской области.

Когда учитель биологии Иван Иванович вскрыл пакет, на стол посыпались мелкие крупинки, похожие на запятые. Ребята столпились вокруг — они давно уже с нетерпением ждали эту посылку.

— Давайте посмотрим в увеличительное стекло, — предложил кто-то.

Они увидели, что все семена исчерчены еле видимыми бороздками, расположенными елочкой...

Бесединские юные мичуринцы начали свою работу.

На пришкольном участке появилось восемь делянок кок-сагыза. Две из них ребята удобрili суперфосфатом, две — навозом, две — торфом. Юные мичуринцы продолжали допрос. Кок-сагыз уже сказал, что он может расти на курской земле. Пусть он скажет теперь, нужны ли ему удобрения и какие из них нравятся ему больше.

Осенью ребята взяли длинный шнур, к концам которого были прикреплены колышки, и побежали на участок. Коля Назаров отмерял палочкой длиной в сорок пять сантиметров равные расстояния. Это были между-рядья. Потом двое держали колышки на намеченных точках, а третий проводил вдоль шнура бороздку глубиной в один сантиметр. Когда и эта работа была прове-

дена на всех делянках, девочки аккуратно высыпали семена в бороздки и засыпали их почвой. Иван Иванович велел сеять совсем неглубоко, а то росток не пробьет землю.

3 ноября закончили сев. Вскоре наступила зима. Ребята не забывали о своих делянках и каждый день после уроков бежали к ним. Они наломали ветвистых сучьев и разбросали их по участку. Снегу намело в метр высотой! И это было хорошо для кок-сагыз.

А в самом начале весны ребята подготовили еще две делянки — для весенних посевов. Для одной из них семена стратифицировали. Просто взяли таз со снегом и прямо на снег положили мешочек с заранее намоченными семенами. Таз поставили в холодный подвал.

— Вот увидите, — говорила Надя Симаква: — они все замерзнут там!

Но когда засеяли две весенние делянки, «замерзнувшие» семена взошли на восьмой день, а нестратифицированные совсем не взошли. Только через месяц, когда вся почва высохла, показалось на этой делянке несколько желтоватых росточков. Ребята собрались было полить их, чтобы спасти, но Иван Иванович остановил:

— Разве вы забыли, что мы проводим опыт? Мы допрашиваем кок-сагыз, при каких условиях он лучше растет. А помогать его росту — значит, в данном случае, испортить опыт.

Вскоре желтоватые росточки совсем погибли, и у школьников осталось лишь девять делянок. Но зато на каждой из них были веселые зеленые всходы. Теперь уж ребята все свое свободное время проводили на участке. Они рыхлили почву, пропалывали кок-сагыз, чтобы ни один сорняк не мешал его росту.

В начале мая тянь-шаньскому одуванчику пришлось выдержать тяжкое испытание. Внезапно похолодало, и несколько дней стояли заморозки.

— Ребята, — испуганно сообщила Катя Беседина, — а в нашем колхозе вымерз клевер!

Потом прибежал Коля Назаров и рассказал, что в соседнем колхозе погибли озимые. Беда! Юннаты приуныли: раз уж пшеница и клевер вымерзают, нежным росточкам одуванчика и вовсе не сдобровать.

Украдкой, поодиночке бегали ребята на участок, но

всякий раз убеждались, что кок-сагыз держится. Так прошел один день, другой, третий...

А когда на восьмой день потеплело, юннаты даже в пляс пустились: ни одно растение не было повреждено, тень-шапский одуванчик выдержал холода!

В эти дни не только юннаты, но и многие старики-колхозники приходили смотреть на удивительное растение. Смотрели, не верили:

— Очень уж похож этот ваш кок-сагыз на обыкновенный одуванчик. Может, это и есть одуванчик?

И так обидно было ребятам это недоверие, что Коля вырвал однажды корешок и, разломив его посередине, показал на ладони несколько капель белой, похожей на молоко, жидкости. На воздухе эта жидкость превратилась в клейкую, упругую, растягивающуюся пленку.

И бородатые «экскурсанты» убедились:

— Резина!

Раньше всех зацвел тот кок-сагыз, что рос на делянках, удобренных торфом. На нем и листья были более широкие и цветоносы выше. Урожай с этих делянок был собран наибольший: в переводе на гектар — по 32 килограмма семян с гектара. На делянках, удобренных навозом, собрали по 25 килограммов с гектара, а там, где не было удобрений, — всего по 5 килограммов. Кок-сагыз очень точно ответил на вопрос: лучше всего — торфяное удобрение.

Хорошо удался и весенний посев: конечно, тот, что был произведен стратифицированными семенами. С этой, девятой, делянки ребята тоже собрали хороший урожай.

Опыты продолжались. Юннаты Бесединской школы работали несколько лет. И, забегаю вперед, я скажу вам, что в 1939 году им удалось на делянке, удобренной торфом, получить небывалый урожай — 40 центнеров корней с гектара. Это во много раз превышало обычные для того времени урожаи кок-сагыза!

Но главное было даже не в этом. Главное было в том, что пионеры Бесединской школы стали пионерами разведения кок-сагыза в своем районе. Именно они узнали, что требуется на курской земле, чтобы получить хорошие урожаи каучуконоса. Опыт юннатов был использован через один-два года в десятках колхозов.

Такую же работу вел на болотистых землях Белоруссии комсомолец Ефрем Шкоров. Он тоже перепробовал на своей земле сотни различных способов выращивания кок-сагыза. А когда нашел самый лучший способ, с помощью которого сумел вырастить по 50 центнеров корней с гектара, многие колхозы переняли его опыт.

Далеко от Белоруссии звеньевая одного из воронежских колхозов, Марфа Барсукова, ставила десятки опытов. И она допрашивала, приручала тянь-шаньский одуванчик. А потом вся страна узнала об ее успехе. Помните, как трудно было собирать семена? Семена, которые разлетались от ветра и никак не хотели появляться дружно. Так вот, звено Марфы Барсуковой собрало по 129 килограммов семян с каждого гектара. Это было во много раз больше обычного сбора семян!

Опыт воронежской колхозницы также немедленно начал распространяться во всех окрестных колхозах. И не только в окрестных: секретом успеха Марфы Барсуковой заинтересовались сотни советских людей.

Однажды она получила письмо из чувашского села Аликово. Писал колхозник-опытник Григорий Ульянов:

«Расскажите, в чем заключается ваш секрет. Если можно, вышлите хотя бы немного семян. Колхозники у нас очень и очень интересуются кок-сагызом. Мы тоже хотим его сеять...»

Марфа Барсукова немедленно выслала семена и написала, что секретов у нее никаких нет. Просто сеет она, как учит наука, стратифицированными семенами, по хорошо удобренной почве. А кок-сагыз отзывается на хороший уход, цветет дружнее, дает больше семян. Но, уж конечно, не надо спать, когда начнется созревание корзинок, а следить за ними постоянно. Вот и все.

Видно, чувашские колхозники хорошо поняли, в чем смысл «секрета» Марфы Барсуковой. Через год она получила из села Аликово второе письмо, в котором сообщалось, что первые опыты уже дали замечательные результаты. Тянь-шаньский одуванчик прижился и на чувашской земле.

Этот пример показывает прекрасное свойство советских людей — их постоянное стремление вперед, живой интерес ко всему новому, что идет на пользу Родине, уме-

ние проявлять инициативу, делиться опытом. Одновременно с народной инициативой действовал единый государственный план, по которому всё новые и новые колхозы получали семена тьянь-шаньского одуванчика и включались в борьбу за отечественный каучук.

Кок-сагыз совершал победное шествие по колхозным полям нашей Родины. В 1935 году сто шестьдесят пять колхозов сжали тьянь-шаньский одуванчик. К 1940 году таких колхозов стало уже несколько тысяч. И всюду кок-сагыз чувствовал себя как дома. Нет, лучше, чем дома — в стране Небесных гор. Потому что всюду находились такие же опытники, как беседнинские пионеры, потому что миллионы советских людей владеют секретом Марфы Барсуковой — они любят трудиться, они хотят принести пользу своей стране.

КОРЕНЬ-ВЕЛИКАН

Недавно случился со мной страшный конфуз. Даже вспомнить неловко. Но я все же честно расскажу вам об этом случае, потому что он имеет прямое отношение к нашей теме.

Вернулся я с Украины, из командировки, и в первый же день зашел в Министерство сельского хозяйства. Хотел узнать, нет ли чего нового, не произошло ли чего с нашим кок-сагызом.

В кабинете у заместителя министра на зеленом сукне стола лежали какие-то корни.

— Как по-вашему, что это такое? — спросил он меня.

Я внимательно осмотрел корень. Ошибиться было бы стыдно. Корень как корень — большой, толстый. Сантиметров шесть в диаметре. Взвесил на руке: граммов двести. Все ясно.

— Что же вы, Николай Григорьевич, — улыбулся я, — такую плохую свеклу у себя держите?

— А не ошибаетесь? — спросил заместитель министра, и его глаза насмешливо прищурились.

Я еще раз исследовал корень. Листьев не было — срезаны. А так — корень обычный... И цветом светлый — настоящая сахарная свекла.

«Шутит, наверное, Николай Григорьевич, разыгрывает», подумал я и твердо сказал:

— Нет никаких сомнений — маленькая свекла!

Это был кок-сагыз...

И, по совести говоря, ничего удивительного не было в том, что я ошибся. Ведь корешок дикого одуванчика, найденный в горах Тянь-Шаня, весил всего 1 грамм, а этот — 200 граммов! «Дикий» был в 6 миллиметров толщиной, а этот — 6 сантиметров! Это было совершенно новое растение.

Как же кок-сагыз стал великаном?

Есть такая замечательная наука — селекция. Есть такие ученые — селекционеры. Они-то и вырастили богатые корни...

Слово «селекция» означает «отбор». Вот как объяснял смысл этой науки Тимирязев:

«Сущность отбора весьма проста: подмечается какая-нибудь полезная особенность, и тотчас же все особи, одаренные этой особенностью, отбираются, тщательно ограждаются от смешения с остальными».

Какая особенность кок-сагыза была полезна человеку? Величина корней. Ибо чем больше корень, тем больше в нем каучука.

Среди тысяч «мышинных хвостиков» весом в 1 грамм попадались корешки покрупнее: в 3, 4, 5 граммов. Селекционеры отбирают эти особи.

Кок-сагыз — растение двухлетнее. Если посадить отобранные корни в землю, растения на второй год дадут семена. Потом эти семена опять высевает и на следующий год снова отбирают самые большие из крупных корней, сажают их, выращивают, вновь собирают с них семена и т. д. — до тех пор, пока не появится новая порода крупнокорневого кок-сагыза.

Двести лет такой работы и превратили мелкую сахарную свеклу в растение с килограммовыми корнями. И все бы хорошо в этом способе, кроме одного... Мы не могли ждать двести лет, пока в природе появятся корни-великаны.

Поход за крупнокорневой кок-сагыз объявил академик Лысенко. А Трофим Денисович Лысенко является верным последователем величайшего селекционера, замечательного русского ученого — Ивана Владимировича

Мичурина, который призывал не ждать случайных изменений, а управлять изменчивостью. Значит, не ждать, пока сами собой вырастут у кок-сагыза корни в 200 граммов, а создавать их: найти для одуванчика такие условия, при которых он будет лучше и быстрее расти. Вы уже знаете, что этим занимались и юные мичуристки Бесединской школы, и Ефрем Шкоров, и Марфа Барсукова, и тысячи других колхозников.

Трофим Денисович обратился за помощью к народу: ведь на колхозных полях могли расти десятки, сотни крупных корней! Ученый не ошибся. В ответ на призыв в Москву посыпались тысячи посылок. Селекцией занялся весь народ. В ящиках, пакетах, мешочках почта доставляла во Всесоюзную академию сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина корни в 10, 20, 30, 50 граммов. Из белорусского колхоза «Червона змена» прибыл даже корень, весивший 160 граммов. С этим «корнем-чемпионом» произошла целая история, о которой я расскажу позже.

А пока вернемся к селекционерам. Они получили для своей работы чудесный исходный материал — так они называли крупные корни.

В руках селекционера Сергея Васильевича Буранова, работавшего на опытном поле Всесоюзного института каучуконосов в Михневе, под Москвой, были сотни пакетов. В каждом — семена, собранные с одного растения. Это будущие «семьи» кок-сагыза. Каждую «семью» он высевал отдельными рядками на грядке, каждый рядок отмечал особой дощечкой с надписью, наблюдал за поведением каждого корешка, каждого семени — в общем, по всем правилам занимался отбором.

Но этого мало. Помня наставления академика Т. Д. Лысенко, он создавал всем «семьям» такие условия, при которых они росли лучше и быстрее.

Сергей Васильевич хорошо удобрял участки органическими и минеральными удобрениями. Он выпалывал сорняки, чтобы ничто не мешало развитию драгоценного одуванчика.

Наконец наступил долгожданный день уборки урожая. Буранов обнаружил три рядка, отличающихся особенно крупными корнями. Были там корни по 75 граммов весом и еще более тяжелые. Но самое главное — в этих рядках

не было корней весом менее 15 граммов. Такая «семья», где не отдельные экземпляры, а все растения отличаются большой величиной корня, могла уже положить начало новому сорту.

Сергей Васильевич Буранов настойчиво продолжал свою работу. Он отобрал с этих трех рядков самые лучшие корни. Лучшие из лучших! Он создал для них наилучшие условия. И на следующий год во время уборки урожая появились уже настоящие корни-великаны.

— Сергей Васильевич, — звал один из рабочих, — подойдите ко мне!

Буранов подходил и видел большой белый гладкий корень. Взвешивал — весы были тут же, в поле — 70 граммов. В это время ученого звали с другой стороны:

— Сергей Васильевич, идите сюда!

— Посмотрите, Сергей Васильевич!

Один корень был крупнее другого: 80, 90, 100, 120 граммов! Такого кок-сагызса раньше никогда не было.

Объединившись, три «семьи» дали начало «богатырскому» кок-сагызу. Сейчас семенами этого сорта засевают уже сотни гектаров. Один из представителей нового сорта и ввел меня в заблуждение во время посещения заместителя министра...

Теперь давайте заглянем внутрь крупного корня, чтобы разобраться, в чем отличие его строения. Долгое время этого никто не знал. Мелких корешков было сколько угодно. Биологи-анатомы резали их вдоль и поперек, изучали под микроскопом, знали о них все. А крупные... Чуть только ученые находили где-либо большой корень, они спешили посадить его в землю, чтобы получить потомство, семена. Селекционеры, как зеницу ока, берегли каждый отобранный корешок.

Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Тот самый корень-чемпион, весом в 160 граммов, что прислан был из белорусского колхоза, селекционерам не пришлось посадить. Посылка пришла в Москву слишком поздно, зимой. А к весне корень заболел. Страшная у него была болезнь — бактериоз. Корень постепенно гнил. Вылечить «чемпиона» не было никакой возможности. Селекционеры были сильно огорчены. Но помочь

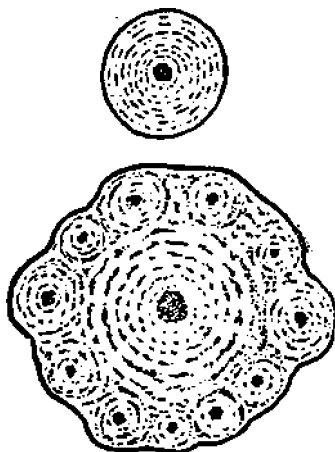
горю все равно нечем, и тогда решено было разрезать корень.

В лаборатории Института каучуконосов собралась целая комиссия: селекционеры, ботаники, агробиологи, биологи-анатомы. Операцию производил микробиолог. Он осторожно разрезал корень поперек в верхней части: сделал это раскаленной бритвой, чтобы не вытекал млечный сок — каучук. Затем микробиолог поместил корень в ванночку с каким-то химическим раствором, и от этого срез ярко окрасился.

Операция закончилась, все члены комиссии по очереди подходили к столу. И в комнате воцарилось напряженное молчание. Никто не ожидал того, что открылось их взорам...

Вот перед вами два рисунка. Сверху изображен поперечный разрез обычного, мелкого корешка — «мышинного хвостика». В центре его виден пучок сосудов (древесина), через которые поступают из земли питательные растворы и влага. Вокруг древесины — кольцо камбия. Это важнейшая часть корня — образовательная ткань. Камбий образует клетки, и весь рост корня происходит за счет этой деятельности камбия. Вокруг же камбиального кольца располагаются млечники каучуконоса. И некоторые ученые думали, что значительного увеличения размеров корня нельзя добиться: камбий просто не сможет образовать большее число клеток, чем он дает.

Впрочем, говорили они, если даже это и удалось бы — толку все равно мало: процентное содержание каучука не увеличится, и никакого выигрыша это не даст. Нам ведь

Поперечный разрез мелкого (вверху) и крупного (внизу) корней кок-сагыз.

нужно не «мясо» корня, а тонкие млечники, наполненные каучуковым молоком.

Но вот ученые впервые увидели срез крупного корня. Он изображен на нашем рисунке внизу. Видите? Здесь, оказывается, не один пучок сосудов, а несколько. И вокруг каждого — кольцо камбия. А раз так — и млечники окружают каждое из колец.

Корень может увеличиваться в объеме, не уменьшая каучуконосности!

Что это значит? Вы уже догадались. Это значит, что можно бесконечно увеличивать объем корня. Хоть до размера сахарной свеклы, хоть еще больше! Все дело в общей площади образовательной ткани, в количестве колец камбия, а они обеспечат рост корня любой величины, не только не уменьшая, но даже увеличивая содержание каучука в нем.

Теоретически нет предела урожайности кок-сагыз!

Мы узнали уже, как увеличили селекционеры маленький кок-сагыз. Узнали мы и то, как научились его выращивать сотни колхозов, тысячи колхозников.

Помните, двадцать два года понадобилось англичанам, чтобы получить первые тонны каучука из семян гевеи, увезенной на остров Цейлон из Бразилии, — гевеи, давным-давно известной, описанной еще в 1736 году и всесторонне изученной.

А сколько лет понадобилось нам, советским людям, чтобы получить первые тонны каучука из скромного, никому не известного тянь-шаньского одуванчика?

Три года.

В 1934 году на Ярославском шинном заводе впервые в мировой истории изготавливались пробные автомобильные шины из кок-сагыз — из каучука умеренной, а не тропической зоны.

Рабочие-ярославцы очень торопились. Эти простые черные шины они делали в подарок XVII партийному съезду, в подарок товарищу Сталину.

Эти простые покрышки говорили всему миру, что сбылось предначертание великого вождя. Советский Союз получил свой собственный натуральный каучук!

Но я вижу недоумение на ваших лицах: откуда взялся Ярославский шинный завод? Из чего делали на нем шины до появления кок-сагыз?

Отвечу сразу: из каучука.

Привозного, малайского, индонезийского?

Нет, это был тоже наш, советский каучук.

Я расскажу вам об одном удивительном конкурсе, и вы сразу поймете, в чем тут дело.

Еще в начале 1926 года в газетах и журналах всего мира были напечатаны сообщения о международном конкурсе, объявленном ВСНХ — Высшим Советом Народного Хозяйства нашей страны.

По условиям этого конкурса, нужно было найти лучший способ получения искусственного, или, как его называют, синтетического, каучука.

Ученые давно уже установили, что каучук — это обыкновенный углеводород, то-есть вещество, состоящее из углерода и водорода. А раз так, нельзя ли получить его искусственным путем?

Знаменитый русский химик Александр Михайлович Бутлеров раскрыл тайны строения многих углеводородов.

Русский академик Алексей Евграфович Фаворский прославился своими работами по искусственному созданию, или, как говорят, синтезу, органических веществ, в том числе каучука.

В 1900 году ученику Бутлерова, Ивану Лаврентьевичу Кондакову, удалось получить искусственный каучук из диметилбутадиена.

Эта работа русского химика имела огромное практическое значение и была использована вскоре промышленностью.

Во время мировой войны 1914—1918 годов Германия испытывала настоящий каучуковый голод. Своего каучука у немцев не было никогда, а во время войны, как понятно каждому, затруднился ввоз этого крайне необходимого сырья.

Дело дошло до того, что на немецких дорогах стали появляться автомобили на деревянных шинах. Смехотворные это были шины! Не приспособленные для быст-

рой езды, они разлетались вдребезги при малейшей неровности дороги.

Каучуковый голод заставил немцев заняться синтетическим каучуком. Привлечены были крупнейшие химики Германии, ставились сотни опытов, затрачены были миллионы марок, но ничего у немцев не выходило. Тогда они решили получать каучук из... диметилбутадиена. Немецкие ученые остановились на несколько видоизмененном способе русского химика Ивана Лаврентьевича Кондакова.

В городе Леверкузене был спешно выстроен специальный завод. Завод этот начал работать и действительно выпускал каучук. Но какой! Шины из него разваливались и трескались на морозе. Сам процесс производства продолжался пять месяцев: загрузишь котлы в январе, а разгружать их можно лишь в июне. Вдобавок, этот дрянной суррогат стоил в несколько раз дороже хорошего натурального каучука.

И все же немцы выпустили за время войны 2350 тонн каучука. И начали даже строить еще два завода. С помощью этого эрзац-каучука они кое-как предотвратили катастрофу. Но едва война закончилась и на рынках вновь появился дешевый натуральный каучук, завод в Леверкузене был тотчас закрыт. И во всех странах утвердилось мнение, что промышленный синтез каучука — безнадежное дело.

В это самое время весь мир узнал простые, ясные, четкие условия международного конкурса ВСНХ:

«Сырье для получения каучука должно быть доступным и дешевым.

Каучук из этого сырья обязан быть по качеству не ниже натурального каучука и не выше его по цене.

Образцы нового синтетического каучука должны быть представлены на конкурс в килограммах — во всяком случае, не меньше одного килограмма.

Срок разработки — два года.

Премия — 25 тысяч рублей золотом».

Итак, любой человек, желавший принять участие в конкурсе, должен был не позднее двенадцати часов ночи 1 января 1928 года представить в ВСНХ один килограмм синтетического каучука — «СК», как его сокращенно стали называть.

Многие ученые у нас и за границей приняли участие в этом конкурсе. Зарубежных химиков привлекла, может быть, высокая премия. Советские деятели науки стремились принести пользу своей Родине. Откликнулся на призыв советского правительства и ленинградский профессор Сергей Васильевич Лебедев.

Сергею Васильевичу, ученику академика Фаворского, было в то время уже пятьдесят два года. Он давно интересовался синтезом каучука. Еще в 1908 году Лебедев получил химическим путем вещество, сходное с каучуком. Работу эту он не забывал всю свою жизнь. И вот теперь, в советское время, он принялся за создание промышленного способа получения синтетического каучука.

Серьезного, молчаливого, всегда углубленного в работу профессора Лебедева окружала глуппа его шумных молодых учеников. Все свое свободное время, все свои выходные дни они проводили в бесконечных экспериментах. Новые опыты требовали совершенно новой аппаратуры — и «лебедевцам», как стали они себя называть, приходилось быть и стеклодувами, и механиками, и монтерами.

Советские химики в качестве сырья выбрали спирт — обычный, всем известный продукт, который в огромных количествах производится и потребляется во многих отраслях промышленности.

Каучук, как вы помните, состоит из углерода и водорода. В составе спирта — три элемента: углерод, водород и кислород. Значит, надо освободить спирт от кислорода. А полученный в результате этой операции углеводород — дивинил — уже легко будет превратить в каучук.

Задача кажется простой, но понадобилось более двухсот опытов, чтобы добиться ее решения.

Зато 1 января 1928 года за несколько часов до установленного срока один из помощников Сергея Васильевича Лебедева привез из Ленинграда в Москву и сдал в ВСНХ два килограмма синтетического каучука.

Каучук этот был хорош по качеству и был дешевле натурального. Лебедев предложил ведь добывать «СК»... из картофеля, который служит сырьем в спиртовом производстве.

Способ, разработанный русским ученым Лебедевым, был признан самым лучшим. Лебедеву была выдана первая премия. Второе место занял московский химик Борис Васильевич Бызов, который разработал способ получения каучука из нефти.

Так закончился международный конкурс ВСНХ. Это был триумф, крупнейшее завоевание советской науки.

За границей было много толков. Иностранные ученые, провалившись на конкурсе, не верили в успех Лебедева. Томас Альва Эдисон, который не забыл еще своей неудачи с золотарником, заявил:

— Я не верю, чтобы Советскому Союзу удалось получить синтетический каучук. Это сплошной вымысел. Мой собственный опыт и опыт других подсказывает, что вряд ли процесс синтеза каучука вообще когда-либо увенчается успехом.

Это заявление большими буквами было напечатано во всех американских газетах. А ровно через два года в Ленинграде был пущен первый завод «СК» — опытный завод «Литер Б» имени С. В. Лебедева.

Директор этого завода, старый балтийский моряк, несколько дней не уходил из цеха домой. Решающие дни! Одно дело — добыть два килограмма искусственного каучука, другое — вырабатывать центнеры и тонны. Дивинил, полученный из спирта, загрузили в огромный котел. Что происходит там, внутри?

Рабочие также оставались на ночь у аппарата. Никто не хотел уходить домой. Все время находился там и Сергей Васильевич Лебедев со своими помощниками.

Часто на завод звонил руководитель ленинградских большевиков Сергей Миронович Киров.

И вот настал наконец день, когда можно было открыть наглухо закупоренный котел. Это было вечером 18 декабря 1930 года. Вокруг машины собрались все работники завода. Медленно поползла вверх металлическая крышка. Люди бросились к котлу и увидели на дне его голубовато-белую, похожую на льдину, глыбу. Это были первые шестьдесят килограммов советского синтетического каучука. Это была победа!

— Участие в грандиознейшем развертывании промышленности синтетического каучука есть награда, — говорил Сергей Васильевич, — так как величайшее счастье —

видеть свою мысль превращенной в живое дело такой грандиозности!

Сергей Васильевич Лебедев был награжден орденом Ленина.

Спустя три года в нашей стране было построено уже три мощнейших завода синтетического каучука — в Ярославле, Ефремове и Воронеже.

А в 1934 году товарищ Сталин мог уже сказать в своем отчете XVII съезду партии, что в числе прочих у нас создана новая промышленность — синтетического каучука.

...Америка, когда ей пришлось вести с Англией «каучуковую войну», не нашла нужным создать промышленность «СК». Капиталистам это и в голову не пришло: зачем возиться, строить, тратить доллары, когда выгоднее грабить малайцев и индонезийцев, народы Бразилии и Либерии...

Советский Союз и здесь пошел своим путем. Ученые, инженеры, рабочие нашей страны научились добывать необходимый каучук из обыкновенного картофеля. Помешало ли это распространению нашего тянь-шаньского одуванчика? Нет, нисколько. Нам нужен и «СК» и «НК» — натуральный каучук.

И маленький пришелец из страны Небесных гор продолжал свое победное шествие по стране.

«ДЖЕНТЛЬМЕНЫ» ИНТЕРЕСУЮТСЯ...

...Плавко затормозил черный лакированный «бюнк», бесшумно открылась дверца, и из машины вышли трое мужчин в мягких фетровых шляпах. Темносерые костюмы, светлые макинтоши, переброшенные через руку, одинаковые желтые штиблеты на толстой подошве и длинные сигары, торчавшие изо рта у всех троих, делали их удивительно похожими друг на друга. Впрочем, при ближайшем рассмотрении можно было обнаружить и различия. Тот, что был повыше, водрузил на нос очки с дымчатыми стеклами. У второго болтался через плечо портативный фотоаппарат. А у третьего — маленького, подвижного, толстого — сверкал перстень на холерной руке

Не задерживаясь у машины, они деловито направились к величественной скульптурной группе, возвышавшейся над всей площадью. И молодой человек, сидевший рядом с шофером, догнал их только тогда, когда они остановились.

— Джентльмены, — сказал он, — вы видите перед собой знаменитую скульптуру Веры Мухиной «Рабочий и колхозница»...

Говорил он не по-русски, ибо был гидом-переводчиком и разговор вел с иностранными туристами, гостями Москвы. Те вежливо выслушивали его объяснения о том, что скульптура сделана из нержавеющей стали, что такие же фигуры украшали советский павильон на Всемирной парижской выставке. Один из иностранцев немедленно нацелил свой фотоаппарат на знаменитую скульптуру, а тот, что с перстнем, то отходил назад, то подходил поближе, склонял голову набок, чтобы лучше видеть, и не переставал умиляться.

Окончив осмотр и фотографирование, иностранцы двинулись к «бюику». И, мило улыбаясь, играя своим перстнем, толстяк заговорил с переводчиком:

— Мы всё посмотрим. Обязательно! Но прежде всего мы хотели бы посетить павильон... ну этот... технических...

— Нашу технику, — подхватил молодой человек, — наши новые машины? Очень хорошо! Это в павильоне Механизации, одном из интереснейших на Сельскохозяйственной выставке...

— Нет, — прервал иностранец, — нет, нет! Мы и с этим ознакомимся. Но прежде — павильон технических... растений. — И, указывая на двух туристов, добавил: — Джентльмены очень интересуются...

Через минуту черный «бюик» помчался к триумфальной арке — величественному главному входу Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Здесь иностранцы покинули машину и вскоре затерялись в многотысячной толпе посетителей. А к тому месту, где только что происходил описанный разговор, легко подкатил голубой «ЗИС». И вновь к знаменитой скульптуре подошли трое мужчин: Вадим, Виктор и Митя.

Прикрыв глаза ладонью от яркого солнца, друзья долго глядели на гигантские, отливающие серебром

фигуры. На фоне голубого неба они устремились вперед, и казалось — ветер развеивает свободные складки их одежды.

— Хорошо! — сказал Вадим. — Молодцы, что вытянули меня сюда!

Виктор и Митя лукаво переглянулись. Они уже не раз были здесь и хорошо знали выставку. А Вадим только вчера вернулся с Алтая и еще ничего не видел.

— Ну, хватит, — заявил вдруг Митя, — пошли дальше.

— Друзья, — взмолился Вадим, — дайте хоть вокруг обойти...

— Нечего ходить вокруг да около! — оборвал Виктор и тихо добавил: — Тебя ждет встреча со старым другом...

И, не давая ему останавливаться, друзья потащили его через всю выставку. Они прошли мимо красивых, украшенных колоннадами, скульптурами, орнаментами павильонов Узбекистана, Грузии, Украины, Армении, Казахстана, Сибири, Поволжья. Мяновав шумную площадь Механизации, где можно было встретить представителей любой национальности нашей страны, они свернули на тихую аллею, обсаженную кудрявыми деревьями. Еще несколько минут — и аллея эта привела их к небольшому уютному зданию с белыми колоннами.

— Приготовиться! — произнес Виктор.

— Начали! — сказал Митя.

И они — один впереди, другой сзади — торжественно ввели Вадима в помещение. Ему неловко было и смешно: что еще задумали его неугомонные товарищи?

Первым, кого они увидели в зале, был худощавый мужчина в мягкой фетровой шляпе, с маленьким фотоаппаратом в руках. Едва заметив вошедших, он кинулся к ним.

Он указывал в угол, где у стендов с различными сортами табака и махорки стояла группа посетителей. Один из них, пожилой колхозник с двумя медалями, тоже обратился к нашим друзьям:

— Иностранец снимает для своей газеты...

— Некогда, некогда! — сказал Виктор и, повернувшись к фотографу, улыбнулся самым вежливым образом: — Благодарим.

Через минуту они были уже во втором зале. Здесь все стены были заполнены образцами лекарственных растений, диаграммами, схемами, фотографиями, картами. А посредине зала они увидели толстого благодушного господина, тоже в мягкой фетровой шляпе. Он что-то с жаром выкрикивал по-своему, а молодой человек тут же переводил слова людям, которых собрал вокруг себя иностранец.

— Это изумительно! Это восхитительно! Я в восторге! Все, что мы видим на этой сказочной выставке, мы унесем в сердцах к себе на родину. Мы будем рассказывать всем-всем, каких успехов добился великий народ вашей уважаемой страны!.

Виктор молча потянул Вадима за рукав в следующий зал.

Здесь было тихо. Посетителей не было — очевидно, всех их собрали «фотограф» и «оратор». Из высоких окон косыми лучами лился на пол дневной свет. Притихли как-то наши друзья. И тут прямо перед собой, вверху, Вадим увидел большую надпись: «Кок-сагыз — лучший отечественный каучуконос».

— Да, — прошептал он, — это действительно старый друг...

Вадим подошел к стенду и увидел... свой портрет. Под ним было написано: «В. Бахнов — рабочий анилинового завода, открывший кок-сагыз». Рядом висел портрет Василия Васильевича Спиваченко. И всюду вдоль стен виделись образцы тянь-шаньского одуванчика. Здесь были корни, выращенные в колхозах Белоруссии, Украины, Поволжья, центральных областей. Здесь были корни-великаны в 50, 100, 150 граммов весом. Здесь были фотографии людей, вырастивших эти урожаи, — и Марфы Барсуковой, и Ефрема Шкорова, и бесединских пионеров, и знаменитой украинки Агриппины Пармузнной, установившей всесоюзный рекорд и по сбору семян и по урожаю корней кок-сагыз: 223 хилограмма семян с гектара и 73 центнера корней!

Друзья тихо двинулись дальше. Они в полном молчании обогнули колонну, вошли в четвертый зал и... замерли на пороге.

В противоположном углу над стеллажами наклонился человек в мягкой фетровой шляпе. Он был один в за-

ле. И друзья ясно заметили, как рука его воровато опустилась на кучку мелких семян кок-сагыз и, хищно сложившись в горсть, перенесла драгоценность в карман.

— Зачем вы взяли семена? — громко и раздельно произнес Вадим.

Вор вздрогнул от неожиданности. Плечи его опустились, сжались, и он как-то боком повернулся к двери. Дымчатые очки скрывали его глаза, но губы раздвинулись в механическую улыбку.

— Я не поймал по-русски, — коверкая язык, сказал иностранец.

— Зато мы вас поймали! — выкрикнул вдруг Виктор.

Вадим удержал его жестом и по-английски, отчеканивая каждое слово, повторил свой вопрос:

— Зачем вы взяли семена? Кто разрешил вам?

«Турист» заметался в углу у стенда:

— Даю вам честное слово джентльмена...

— Мы предлагаем вам, — решительно потребовал Вадим, — отдать украденные вами семена кок-сагыз!

Виктор и Митя решительно двинулись к иностранцу. Тот трусливо сгорбил и начал быстро-быстро, трясушными руками вытряхивать содержимое кармана. Тонкой струйкой сыпались на стенд крошки-семена. И слышно было в тишине, как дробно стучат зубы «туриста».

— Вы, пожалуйста, повнимательней вытряхивайте, — с ехидцей обратился к нему Виктор.

— Уж будьте любезны, проследите, чтоб ничего не осталось, — присоединился к другу Митя.

Губы иностранца снова изобразили стандартную улыбку.

— Но больше у меня ничего нет, — сказал он и в качестве доказательства потряс пустым карманом.

— Как это нехорошо — обманывать! — произнес чей-то голос за спиной Вадима.

Друзья оглянулись. Позади была толпа посетителей, привлеченная, очевидно, их разговором. Впереди всех стояла серьезная, строгая женщина — директор павильона. Она подошла к иностранцу:

— Разрешите напомнить: семена лежат у вас еще и в этом кармане... Мы давно наблюдаем за вами. —

И, повернувшись к недоумевающему Вадиму, она пояснила: — Это уже не первый случай с иностранными «джентльменами». Мы дали знать в комендатуру, их все равно задержали бы у выхода...

Не случайно закопились «джентльмены» из Нового Света. Не случайно пытались они прибегнуть к своим излюбленным нечистым приемам, попросту говоря — к мошенничеству, воровству.

В то время как советские люди демонстрировали на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке свои лучшие достижения, успехи в строительстве социализма, капиталистический мир готовился к войне.

Это было в 1940 году...

Глава четвертая

ПОДПОЛЬЩИКИ

МОЖНО ЛИ ВОЕВАТЬ БЕЗ КАУЧУКА?

«Было воскресенье, когда я вернулся из поездки на большое строительство, километров за двести от Чернигова... Вспоминались впечатления поездки: встречи со строителями, культурные общезнания, спелая урожайная пшеница, стенами стоявшая вдоль дороги, и рядом — поля, заросшие каучуконосом «кок-сагызом», который мы только что начали культивировать на Черниговщине и которым мы так гордились...»

Так вспоминает день начала Великой Отечественной войны Алексей Федорович Федоров, бывший в то время секретарем Черниговского обкома партии.

Воскресенье, 22 июня 1941 года. В этот памятный день вражеские бомбы посыпались на наши города, где жили мирные советские люди, не помышлявшие о войне. Гитлеровские полчища ринулись на наши земли.

Алексей Федоров ушел в подполье. Он организовал крупнейшее партизанское соединение. Под командованием секретаря обкома партизаны уничтожили в черниговских лесах 25 тысяч фашистов, пустили под откос 683 эшелона с танками, пушками, автомобилями, взорвали 47 железнодорожных мостов. Об этом рассказывает дважды Герой Советского Союза Алексей Федоров в своей замечательной книге «Подпольный обком действует».

Много прекрасных книг написано о Великой Отечественной войне. И все вы хорошо знаете историю нашей борьбы, нашей славы, нашей победы.

Но мало кто знает интересную историю, которая произошла во время величайшей из войн с маленьким тяньшаньским одуванчиком. Скромный кок-сагыз, которым так гордился партизанский командир Алексей Федоров, привлек к себе в эти годы особое, пристальное внимание наших врагов. Сейчас вы поймете почему...

Можно ли воевать без каучука?

Сражаться без каучука в воздухе, вести бои на земле, воевать на море?

Кое-кого удивил, наверное, этот вопрос. Подумаешь, каучук — обыкновенная резина! Нужна она, конечно, спору нет. Но при чем здесь война? Танки, пушки, автомобили, линкоры, подводные лодки, самолеты — вот что необходимо на войне!

Самолет... Вы, может быть, думали, что пневматические шины на самолете нужны для красоты или для удобства? А без них самолет просто не может существовать: удар шасси о землю при посадке будет так силен, что машина разлетится вдребезги. Но если даже конструкторы придумают сверхкрепкий самолет, который выдержит удары, то все равно разобьются его чувствительные детали и приборы.

Кстати, авиационный мотор — тоже «чувствительная

деталь». Чтобы он не рассыпался от толчков, его обязательно устанавливают на резиновых амортизаторах.

Но не только шасси и мотор нуждаются в каучуке. Пожалуй, самый прожорливый потребитель резины — бензиновый бак.

Что будет, если в бензобак самолета попадет вражеский снаряд, или осколок снаряда, или пуля? Бензин разольется, вспыхнет, и самолет загорится в воздухе. Чтобы не случилось этого, все баки для горючего на самолетах покрываются «броней» из каучука.

Бензин из бака в мотор идет по прочному шлангу, тоже сделанному из каучука. И здесь он применяется не только для удобства: ни одна металлическая трубка не выдержала бы тех толчков, какие переносит мягкая, эластичная резина.

Наш драгоценный каучук помогает самолету бороться с самым опасным врагом высотных полетов — обледенением. На большой высоте — пять-шесть тысяч метров — очень холодно. Влага из воздуха оседает на крыльях, замерзает, превращается в лед. Самолет тяжелеет, теряет управление и падает...

Что делать? Как освободить самолет от ледяной коры? Конструкторы придумали льдоудалители — тонкие резиновые трубки, которые укрепляются на краях крыльев и даже на лопастях пропеллера. Теперь летчик спокоен: если начнется обледенение, он включит прибор — по трубкам пойдет воздух, резина надуется и сколет лед.

Я перечислил лишь несколько деталей из каучука, применяемых в авиации. А сколько их! Если б вы попали на самолет, то насчитали бы, верно, десятки и десятки... Даже простые летные очки пилота и штурмана сделаны на резиновой прокладке, чтобы они плотнее прилегли к лицу.

Расход каучука в среднем на каждый самолет превышает шестьсот килограммов. Еще больше каучука требуется для танка.

Танки, самоходные пушки, зенитные батареи также движутся на резиновых шинах... Только шины эти на танке не надувные, пневматические, как у автомобиля, а сплошные, массивные. Они весят гораздо больше, чем автомобильные покрышки. И тяжелые танки имеют до пятидесяти таких шин.

Наш реактивный миномет, любовно прозванный «катушей», был грозой для врага. Грозой не только из-за своего ураганного огня, но и из-за маневренности. В одну ночь «катуши» могли обстреливать врага с двадцати позиций. Их появление на любом участке фронта всегда было неожиданным, а враги не знали, откуда ждать удара.

А что способствовало стремительности тяжелых минометов? Вы уже догадались: это простые резиновые шины, предохранявшие «катушу» от сотрясений на любых, даже самых разбитых фронтовых дорогах.

...Наши войска форсировали водный рубеж. Перед ними — широкая река. На том берегу — враг. За одну ночь надо было построить мост — такой мост, чтобы могли пройти тяжелые танки. На помощь саперам приходили легкие резиновые понтоны.

...Тысячи километров провода прокладывали связисты под ураганным огнем противника. По этим проводам летели боевые приказы. И на каждом проводе — каучук, резиновый изолятор...

Вы убедились, что без каучука в нынешние времена, при современной технике, воевать невозможно. А кок-сагыз — это источник получения каучука.

Вот почему одновременно с большой войной, решавшей судьбы стран и народов, разгоралась маленькая «каучуковая война», война за кок-сагыз.

Гитлеровцы очень заинтересовались каучуконосным одуванчиком.

ЧТО ОНИ ЗАДУМАЛИ?

...Вечером в хату ввалился комендант с тем фашистом, что поселился вчера у деда Кожемяки. Может быть, Галя и не обратила бы на него внимания — мало ли врагов приезжало в Вертуны за время оккупации! — но этот был в черном мундире. А Петька Кожемяка говорил: «Раз появился черный немец, значит новая беда. Потому что он «эсэс»!»

Действительно, на черном рукаве вновь прибывшего Галя разглядела два белых знака «SS», а над ними — череп и скрещенные кости. И судя по тому, как юлил

вокруг эсэсовца жирный комендант, то была важная персона.

Едва они вошли в комнату, комендант заорал на денщика. Тот метнулся в сени, стукнулся головой о притолоку и через минуту вернулся с курицей в руках. «Последняя, наверное!» подумала Галя: солдаты давно уже разворовали всех кур на селе.

«Шнеллер!» заорал комендант на Галину мать, которой денщик передал свою добычу. «Шнеллер!» снова ринкнул он денщику, и долговязый верзика вновь ринулся на улицу. «Шнеллер» было любимое слово вертуковского коменданта, и вся деревня знала, что это означает «скорей».

«Теперь заставят маму курицу варить. — тоскливо подумала Галя, — потом денщик шнапс притащит. И снова напьются и будут всю ночь шуметь да горланить...»

Она уже давно знала все вражьи повадки: комендант с самого начала поселился в их хате, и все приезжие фашисты обязательно приходили к нему в гости. Хоть бы успеть заснуть, пока они не напились!

Девочка забилась подальше в свой уголок на печи, хотела уже укрыться одеялом, но тут услышала такое, что даже приподнялась. Эсэсовец произнес слово «кок-сагыз». Или это ей показалось?

Сон сразу пропал. Она тихонько приблизилась к краю печи и выглянула из-за ситцевой закавески.

Фашисты спокойно сидели за столом и неторопливо беседовали между собой. Вернее, говорил один эсэсовец, а комендант лишь время от времени поддакивал. Больше Галя ничего не могла понять. Как ей хотелось в тот момент знать немецкий язык! Но вот среди потока непонятных слов она снова разобрала «кок-сагыз». Фашист в черном мундире говорил о каучуконосе, в этом не было никаких сомнений!

Затаив дыхание, девочка продолжала ловить слова: «Черкассенбург» (значит, они в Черкассы ездили), «гумми-каучук» (про резину говорят), снова «кок-сагыз»... Потом эсэсовец несколько раз сказал «фюрер», и комендант рывкнул: «Хайль Гитлер!»

Что они задумали?

Галя тихо соскользнула на пол и стала пробираться к выходу.

— Галья! — заметил ее комендант. — Ком цурюк! Сюда шнеллер! Ты не будешь теперь бездельник. Работать, арбайтен!

Но тут приезжий сделал знак расходившемуся толстяку (тот сразу умолк) и тихо спросил:

— Сколько тебе лет, девочка?

— Тринадцать.

— О, значит ты учишься в школе?

Он правильно говорил по-русски, этот черный немец, я улыбался ласково, будто он не фашист, а настоящий человек. Галя подняла на него глаза и увидела плотного, чисто выбритого мужчину с маленькими темными усиками и аккуратным пробором на голове. От него пахло духами, и вообще подтянутый эсэсовец не был похож на тех фашистов, грязных, немых, вечно пьяных, которых она видела до сих пор.

— Ты, наверное, делаешь успехи в учебе? — сказал эсэсовец.

— Нет у нас школы... — тихо ответила Галя.

Эсэсовец словно укоризненно посмотрел на коменданта, стряхнул пушинку со своего мундира холеной рукой, сочувственно сказал:

— Это очень прискорбно, жалы! Такая славная девочка — и не учится...

Он взял свой желтый кожаный чемоданчик, порывлся в нем и, достав маленькую шоколадку в пестрой обертке, протянул девочке:

— Возьми. Это подарок. Тебе.

Она взяла шоколадку. Фашист удовлетворенно откинулся на спинку стула и с той же улыбкой продолжал:

— Ты будешь учиться, будешь маленькой школьницей...

— Кляйне шюллерин, — буркнул комендант и почему-то захохотал, сощурив свиные глазки.

— Да, кляйне шюллерин, — сказал приезжий. — И другие дети будут учиться. Но для этого надо быть послушными детьми. Ты расскажи об этом всем своим подругам. Обязательно!

...На улице ярко светила луна. Серебряные звездочки проглядывали между тополями. Совсем как раньше! Если смотреть на небо, то как будто и нет никаких вра-

гов... Полюдет сейчас отец, большой, веселый, возьмет ее на колени, скажет: «Ну, Галюся, заспиваем!»

И она долго будет подтягивать своим тоненьким голоском его сочному басу, и они будут петь про бандуриста, и про сокола, и про Днепр широкий, пока мама не погонит спать... А утром она пойдет в школу. Потом, после уроков, Надежда Гавриловна оставит ее готовить к республиканской олимпиаде...

Через двор метнулась нескладная фигура денщика с двумя бутылками в руках. Вслед за ним потянулись еще какие-то люди. В хате зашумели. Громко захохотал комендант. У Гали задрожали губы... Нет школы — сгорела. И Надежды Гавриловны нет — убили враги. И отца нет — где он сейчас воюет?.. И олимпиады не было...

Она почувствовала в руке забытую шоколадку и с размаху запустила ее в грязь. Не нужно ей вражьих подарков! Прислонившись к плетню, девочка тихо заплакала. Моросил долгий, худый дождь, ручейки стекали заворот, но она не чувствовала ничего.

— Галя! — услышала она шопот. — Галь, поди сюда!

За забором стоял Петька, маленький, до черноты загорелый крепыш с непокорными белокурыми вихрами. Шумный, озорной, веселый, он был главным заводилой всех ребячьих дел, и когда до войны затевалась игра «в Чапаева», то Чапаевым был обязательно Петька. Сейчас он стоял перед Галей, выпачканный, мокрый и очень взволнованный.

— Чего они там?

— Про кок-сагыз говорят, — заторопилась Галя. — И новый этот, эсэс, — у нас. Он, верно, самый главный.

— Так я и знал! — Петька наморщил лоб соображая. — Только он поселился в нашем селе, я все за ним наблюдаю, как разведчик. Он ходит на нашу каучуковую плантацию, все осматривает ее, потом ногами длинными вымеряет и все чего-то в книжке пишет...

Галя с уважением смотрела на Петьку: какой он храбрый — ничего не боится, «как разведчик»!

А Петька продолжал:

— Вчера кончились мои наблюдения — уехал эсэсовец с самого утра. Узнать бы только — куда...

— В Черкассы они ездили, в город, — прервала Галю, — я сама слышала.

— Это ты точно? В Черкассы? — переспросил Петька в волнении. — То ж они за приказом ездили! — Он задумался на миг. — Сгубить они решили плантацию!

— Петька, — вспомнила Галя. — жирный шумел: «арбайтен», «шнеллер»! А эсэ этот шоколадку мне подарил — я выбросила. И школу обещал для тех, кто будет работать.

Теперь Петька Кожемяка с уважением взглянул на Галю: маленькая девчонка, с тонкими косичками, а умная — все услышала, все поняла, все запомнила.

— Бежим скорей к деду! — сказал Петька.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНА

Луна, как казалось, все еще светила ярко, и свет ее отражался в многочисленных лужах. Дождь уже перестал, но на улицах — ни души. Тихо-тихо. Сидят люди по хатам, горькую думу думают.

Но вот зачавкала под босыми ногами жирная грязь, послышался чей-то шопот:

— Кто идет?

— Я, Галюсь, я. Куда здесь?

— Идите прямо, тетя Елена. До сарая.

И снова тишина, гнетущая, страшная. Галя дрожит: может, от холода; может, от страха. Неожиданно от тополя отделяется чья-то фигура. Девочка едва удерживается, чтоб не вскрикнуть.

— Как дела? — шопотом осведомляется Петька.

— Почти все собрались. Только бабки Феонии нет, и Сани нет Казаченко.

— Придут, — уверенно говорит Петька.

Тут только Галя замечает, как тяжело дышит «разведчик».

— Я сейчас через все село бежал, — поясняет он: — проверял наши посты, у твоего дома был. Там у вас самое гульбище началось, до утра не очухаются. А на обратном пути на часового нарвался. «Хальт!» кричит. Ну, я и рванул. По огородам крюку дал... А ты чего дрожишь? Озябла? Ну-ка, бери мою телогрейку.

А кругом все то же: тихо-тихо. Но только кажется,

что уснуло село. Вот опять зачавкала грязь, и у старого тополя снова слышится шопот:

— Петьина, у бабки Феонин я уже был. Скоро подойдет.

— Твк, — деловито откликается командир. — А Шу-ра где?

— Сейчас будет. Домой забежала — мать успокоить.

— Вот, всегда они так, — бурчит Петька. — Свяжись с девочками!

— Зря ты говоришь, — вступается Галя. — Она больше всех бегала сегодня. "

— Так-то оно так, а схватят ее ээсы да начнут калеными шомполами вытягивать — выдержит ли?

...Единственное оконце сарая плотно занавешено. На дощатом столе — небольшой фонарь без стекла. В его коптящем, неверном свете бледными и желтыми кажутся лица собравшихся людей. Здесь всё больше женщины, двое-трое стариков. Парней нет — воюют, партзанят...

За столом — хозяин сарая, дед Кожемяка. Если бы враги увидели сейчас одного его, а не только это собрание — и то они заподозрили бы неладное. Не узнать «дида» — прямой, крепкий, басовитый. Фашисты не знали, что Сергей Иванович Кожемяка был главным бригадиром колхоза по кок-сагызу. Он нарочно вынимал свои вставные зубы, отрастил бороду, ходил, опираясь на суковатую палку, и все кашлял, крихтел. Его потому и не трогали — кому нужен больной старик!

Сейчас он окинул взглядом собравшихся. Вынул из-за пазухи вчетверо сложенный лист, аккуратно развернул и прикрепил над столом. И люди увидели такой знакомый и дорогой портрет товарища Сталина. Вождь держал трубку в руке и ласково улыбался.

— Собрание актива сельхозартели «Заветы Ильича» считаю открытым! — торжественно произнес Сергей Иванович Кожемяка. — Докладов не будет, на повестке дня один вопрос...

Скрипнула дверь, и в сарай вошли еще двое. Сани Казаченко — высокая девушка с темными глазами и бабка Феония Бойкина — шумливая старуха, бывшая до войны звеньевой по кок-сагызу. Следом за ними просунулась вихрастая Петькина голова.

— Деда, — сказал мальчик, — можете запереться, а мы посторожим.

Собрание продолжалось.

— Враги затевают что-то с нашим кок-сагызом. По всей вероятности, хотят восстанавливать плантацию, — сказал Сергей Иванович. — Своей резины в Неметчине нет, а воевать без нее никак невозможно. Вот они и решили нашими руками для своих танков да самолетов кок-сагыз добывать.

Слушатели загудели.

— Вот я и спрашиваю, — повысил голос Кожемяка: — можем мы допустить это? Мы — передовой колхоз, про который в Киеве знают, в Москве знают.

— Не будет того! — вскипела Саня Казаченко. — Неужто для фашистов работать!

И зашумели все разом. Громче всех выделялся голос бабки Феонин:

— Воны хлиб та животину грабуют, каты поганые! Воны остатних курей потягали, сыны свынячи! Щоб я наш кок-сагыз, золоту рослыну, своими руками им, гадам, собирала?!

Наконец председателю удалось утихомирить разбушевавшееся собрание. Страсти улеглись, и он веско сказал:

— Тут, мне кажется, серьезнее дело, чем вы думаете. Враги не просто работать нас заставят. Они нашими руками хотят семена собрать, чтобы у себя в Неметчине кок-сагыз развести... Я считаю: это наша государственная тайна. Мы, советские люди, не можем эту тайну открыть. Не допустим!

Несколько секунд продолжалось молчание. Сергей Иванович видел, как живо откликнулись люди на его слова. У всех горели глаза. Он и не сомневался в вертуновцах: и при оккупантах они оставались колхозниками, настоящими советскими людьми.

— Не изменим Радяньской влады и Червоной Армии, Сталину не изменим! — как бы отвечая его думе, твердо сказала Ганна Умова, энергичная, средних лет женщина с красивыми серыми глазами.

И все посмотрели на знакомый портрет. В этот самый момент раздались три удара в дверь. Дед Кожемяка дунул на фонарь. Сарай погрузился в темноту, все замолчали. Приоткрыв занавеску, Сергей Иванович принял к

окну. По тракту быстро проносились, подпрыгивая на ухабах, немецкие грузовики: один... другой... третий... Солдаты горланили какую-то воинственную песню.

Потом все стихло, и невидимый Петька просигналил тремя ударами: «Можно продолжать». Чиркнула спичка, закоптил фонарь, разбрасывая неверный свет, и тут в темном углу завыл, запричитал чей-то гнусавый голос. Все узнали Костючиху — Христину Костюк, в прошлом кладовщицу колхоза.

— Ой, лыхо нам, лышенько! У них машины, танки, пушки, а у нас? Как узнают — повесят всех. А у меня дитё малое...

— «Малое!» — сердито перебила ее бабка Феония. — Он вдвое больше Петьки, твой бугай.

— Что людей будоражить! — вскинулась Костючиха. — Учителыша тоже крикнула: «Смерть немецким захватчикам!» — так ее тут и расстреляли.

Голос ее перешел в визг. Но тут поднялась Саня Качаченко и так стукнула кулаком по столу, что фонарь подпрыгнул:

— Молчи! Ты же колхозницей была, как ты можешь так говорить? Как ты можешь в глаза нам смотреть?

Костючиха вдавила голову в плечи, сжимаясь под напругей взглядами.

— У каждого человека есть глаза, — сказала Ганна Умова, — только по-разному они смотрят, по-разному разумеют.

— Чего с ней говорять! — зашумела вдруг бабка Феония. — Я ее пятнадцать лет знаю — всегда вредная была. — Старуха подошла, оперев жилистые кулаки в бока, вплотную к Костючихе: — Беги отсюда, уходи куда хочешь — погнбель на твою голову! — а нам не мешай!

...Когда эсэсовец, сопровождаемый комендантом и отрядом солдат, подошел к хате деда Кожемяки, в сарае никого уже не было. На крылечке нестово кашлял старый «дид». Рядом с ним сидел маленький белобрысый мальчонка. При виде врагов они вскочили и молча поклонились, как предписывала инструкция. Высокомерный эсэсовец едва скользнул по ним взглядом. Он брезгливо перешагнул через лужу и скрылся в хате.

— Спать, шлаффен, шнеллер! — рявкнул комендант. — Завтра вы будете работать, арбайтен!

— Деда кашель замучил, — жалостливым голосом ответил мальчик, — болеет он.

И старый, скрюченный дед кашлянул несколько раз. Комендант наконец ушел.

— Так как же мы будем, а, деда?

— Не бойся, внучок, кок-сагыз мы им не отдадим...

Петьке представилось, как он с дедом и Галей лежит на плантации, закрывая своим телом кустики кок-сагыза. А на них надвигаются враги с пулеметами, пушками, танками... Он теснее прижался к деду.

— А если они с пушками? — с сомнением спросил он.

Сергей Иванович глянул лукаво из-под косматых бровей и тихо-тихо сказал:

— Эх ты, разведчик, про кульбабу-то забыл!

КУЛЬБАБА

На заре всю деревню выгнали на работу: и больных, и стариков, и детей. Были здесь и все участники вчерашнего собрания. В толпе стояли дед Кожемяка, Саня Казаченко, Ганна Умова, бабка Феоння, Галя, Петька, Галина мать. Грустно смотрели колхозники на то, что два года назад было плантацией кок-сагыза, славой колхоза, гордостью района.

С самого прихода врагов здесь никто не работал. Смешались ровные рядочки, буйно разросся бурьян. Кок-сагыза и не видно было — сорняк душил его. Зато со всех сторон, куда ни глянь, красовалась... кульбаба.

Я не буду больше испытывать ваше любопытство и сразу расскажу вам про эту самую «кульбабу».

Мы все время интересуемся кок-сагызом — чудесным тьянь-шаньским одуванчиком — и совсем забыли о простом, обыкновенном одуванчике, который можно встретить на любом поле, на любой лужайке. Украинские ребята хорошо знают этот интересный цветок.

Вот бегут они в школу. Из изумрудной травы выглядывает белый пушистый шарик. Какой-нибудь шустрый хлопец сорвет его, поднесет к губам, дунет — и полетели во все стороны веселые семянки. Теперь остается только расщепить полый стебелек на четыре части, взять его в рот и проговорить: «Куль-баба... куль-баба... куль-баба...»

Ясное дело, все понимают, что не от «волшебного» слова завиваются после этого колючком концы стебелька, а сами по себе. Но все равно ребята любят играть с одуванчиком, который так и называется на Украине — «кульбаба». Это близкий родственник нашего тянь-шаньца и главный враг его, ибо ветер далеко разносит семена кульбабы, засоряя плантацию. И большой, долголетний опыт надо иметь, чтобы различить потом, где кок-сагыз, в где кульбаба. Как две капли воды, похожи они друг на друга: такой же тонкий стебелек, такой же белый шарик из семян, такая же зеленая розетка листьев, только кульбаба чуть побольше...

— Здорово ты, деда, придумал! — зашептал Петя-ка. — Эти дураки ничего не разберут.

В это время на пригорок, метрах в ста от плантации, поднялась группа офицеров. Среди них был только один человек в штатском — здоровенный детина в барашковой папахе и рыжем старомодном жулане. Его видели в селе несколько раз и знали, что это «пан заступник районного бургомистра». Появился он в этих местах с фашистами. Про «пана» говорили, что он уголовник, бандит, взятый фашистами из каменец-подольской тюрьмы.

Вперед всех стоял черный эсэсовец. Он внимательно оглядел толпу хмурых крестьян, поморщился, глядя на сутулого «дида» Кожемяку, и буркнул:

— Какие тупые, покорные люди!

— Это вы точно изволили заметить, — оживился «пан заступник», но эсэсовец не удостоил его ответом.

Он снял с плеча лейку и, привычно нацелившись, сфотографировал толпу. Потом заснял хмурый пейзаж, хорошо видимый с пригорка: хатки, сникшие тополя, одинокий журавль над колодцем. И только после этого кивнул каменец-подольскому бандиту. Тот привычно шагнул вперед и заорал:

— Фюрер приказывает нам строить новый порядок! Малороссия вызволена из-под власти коммунистов! Непобедимая доблестная армия великой Германии добивает последние остатки Красной Армии в предгорьях Урала! Москва и Петербург сдались на милость победителя!..

Вокруг плантации медленно прохаживались автоматчики. Народ молча слушал выкрики предателя.

Потом вперед выкатился жирный комендант. Речь его была куда короче и «выразительней»:

— Вы будете здесь работать, арбайтен! Надо сорвать всякий сорняки, надо оставлять этот дикий трава — кок-сагыз. Шнеллер! Кто будет захотеть не работайт — расстрел! Так приказал фюрер!

И, рывкнув напоследок «Хайль Гитлер!», комендант отошел в сторонку, подобострастно глядя на эсэсовца. Больше всего он боялся сейчас чем-либо не потрафить гостю: это был большой начальник, хоть и капитан по чину. Комендант видел его документ, где под печатью с черным орлом стояла подпись самого Гитлера. Было от чего растеряться!

«Не дай бог, разозлится на меня эсэсовец, — думал толстяк, — скажет кому следует, что в Вертунах плохой комендант. И прощай тогда теплое местечко, куры, яйца, самогон — пошлут в окопы, на мороз, на гибель в Сталинград... Бр-р-р!» Любителю кур совсем не хотелось в Сталинград...

— Вы знакомы с сельским хозяйством?

Это спрашивает эсэсовец. Начинается! И толстяк, бывший до войны колбасником в Мюнхене и имевший самое отдаленное представление о разнице между кукурузой и подсолнухом, оглушительно рывкает:

— Так точно!

Эсэсовец брезгливо морщит нос: он уже в десятом селе, ему надоели дураки-коменданты и подлецы-бургомистры, надоела дорожная грязь, вся эта затянувшаяся инспекционная поездка. Хочется домой, в уютную виллу. А в Черкассах ему передали приказ ехать еще в какое-то село. Как оно называется?... Чер-няв-ка. Дурацкое название!

— Обер-лейтенант, — официально обращается он к застывшему коменданту, — я рад, что вы сможете выполнить всю агрономическую работу. Завтра я уезжаю в Чернявку... Чего ж вы стали? Приказывайте немедленно начинать!

И побежал, засуетился ликующий колбасник. Всем, без различия возраста и здоровья, выделили по четыре рядка. Коменданту и неведомек было, что народ разделился по звеньям, как прежде, в колхозе. С краю было звено Ганны Умовой, потом молодежное звено Сани Ка-

зачепо, несколько старух во главе с бабкой Феонией, дед Кожемяка со всеми ребятами, звенья Елены Старовой и Марии Линниченко.

Раздалась короткая команда: «Арбайтен!» — и «работа» началась. Жители села Вертуны — взрослые, старики, дети — неторопливо двинулись вперед, выдвигая вместе с бурьяном хилые ростки кок-сагыз и оставляя... кульбабу. Прополка «наоборот»! Люди работали молча, сосредоточенно, не оборачиваясь назад. Вроде все было, как в милые колхозные времена, но не было ни шуток, ни песен. Головы опустились к земле, сжимались плечи.

Гале казалось, что все враги смотрят на нее. Ее так и подмывало оглянуться: там, наверное, прямо ей в спину целится из автомата черный фашист. Слезинки капаят из ее глаз, но быстрые руки попрежнему рвут пырей, осот и кок-сагыз. И она не оглядывается, помня строгий наказ деда. Только очень хочется ей сейчас стать маленькой-маленькой, совсем незаметной...

Неужели враги не догадываются? Она поднимает глаза и видит Петьку. Вихрастый работает как ни в чем не бывало и весело подмигивает Гале. И она продолжает вместе со всеми двигаться вперед.

Вдруг Петька перескакивает через свои рядки и, низко пригибаясь над землей, подбегает к Костюку — длинному, наголо остриженному мальчишке, «малой детине» Костючихи.

— Ты что делаешь, дурень? Всех погубить хочешь? Было тебе говорено: кок-сагыз рвать, кульбабу оставлять.

— Узнают — бить будут, — плаксиво замямлил Костюк. — Боюсь...

Непорядок на поле заметил уже черный эсэсовец. Он сразу оживился и властным окриком подозвал к себе команданта:

— Накажите мальчишек! Этих дикарей надо держать в повиновении.

Сам он отвернулся — не любил грубых сцен.

Гаяля вздрогнула: толстяк уже подкатывался к Петьке.

— Пошему не работайт?! Пошему разговор?! — Он замахнулся нагайкой над вихрастой головой.

Петька не вскрикнул, только плечи втянул от острой боли. А комендант снова ожег его хлыстом, и еще, и еще... Мальчиш успел заметить испуганные глаза Гали, выпрямившегося деда. «Сейчас все погибнет, — пронеслось у него в голове: — плакса-Костюк выболтает секрет. Что делать?..»

Толстяк уже снова замахивался хлыстом:

— Я тебе покажу, бездельник!

И тогда Петька подхватил с земли кульбабу, вырванную Костюком, и протянул коменданту:

— Дяденька, смотрите, чего этот дурень рвет! Самый кок-сагыз губит, а бурьян оставляет!

«Знаток сельского хозяйства» двумя пальцами взял одуванчик из Петькиных рук, поднес к близоруким глазам, посмотрел и милостиво сказал:

— Карашо, мальчик, карашо! Ты правильно понял. — Потом, показав хлыстом на кульбабу, заорал Костюку: — Вот такой, большой и белый, надо оставлять!

Теперь нагайка взлетела над стриженной головой труса. Тот завизжал на все поле.

— Работайт шнеллер! — сказал напоследок толстяк, и прополка «наоборот» продолжалась...

А на пригорке, глядя на белеющую, «очищенную» от кок-сагыз кульбабу, бахвалился жирный комендант:

— О, я превращу эту плантацию в образцовую! Эти варвары умеют работать, надо только следить, чтобы они не напутали. Немецкий офицер знайт дело лючше всякий русский агроном!

— Это вы точно изволили заметить, — угодливо поддакнул «пан заступник».

Оба они значительно осмелели: эсэсовец, сделав еще несколько снимков, ушел отдыхать.

Вечером черный немец покинул село Вертуны. Сидя на печи, Галя услышала, куда он собирается ехать. По странному «совпадению», в Чернявку срочно понадобилось сходить к бабке Феонни, благо недалеко лежало это село, «всего» за двадцать километров. А неугомной бабке дозарезу понадобилось почему-то свидеться с кумой в Чернявке.

...В конце села, у развесистого тополя, собрались ребята — бесстрашные вертуновские пионеры. Вихрастый Петька давал инструкции:

— Завтра они заставят семена собирать. Смотрите, чтоб ни одной кок-сагызной корзиночки к ним не попало. Это как военная тайна. Чуете?

У Гали блостели глаза. Как хорошо все получилось! И Петька жив, и дед, и все ребята. А фашистов обдурили. И, двинув плечиком, она впервые за все время оккупации запела своим серебристым голоском:

Я фашиста научу
Собирать наш каучук...

Ребята весело засмеялись и подхватили хором последние слова ее новой песенки:

Каучук он взять решил,
А кульбабу получил.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Дед Кожемяка не ошибся, когда говорил, что враги решили украсть наш кок-сагыз. Таков действительно был их план.

Разные бывают планы... Когда летом 1941 года немецкие захватчики ворвались в Паневежис — небольшой литовский городок, — они тоже интересовались посевами кок-сагыза. Тянь-шанец появился там накануне войны. Но в Паневежисе враги не восстанавливали плантацию и не собирали семян. Они знали, что в СССР над кок-сагызом шефствует комсомол. «Раз каучуковод, значит — комсомолец», рассуждали фашисты. И они повесили всех каучуководов Паневежиса...

Это было деталью их захватнического плана. Тогда гитлеровцы бредили «блицкригом» — молниеносным наступлением. Они мечтали прокатиться по нашим дорогам на своих автомобилях, мотоциклах, танках так же, как по дорогам поверженной Франции. Они «планировали» парад в нашей Москве на сентябрь 1941 года.

Но прошли сентябрь, и октябрь, и ноябрь, а враги не могли продвинуться под Москвой ни на шаг. Как будто все было учтено в гитлеровском плане — и внезапность нападения, и скорость движения машин, и количество

самолетов, собранных по всей Западной Европе. Лишь одного не учли фашисты — силы и единства нашего народа.

И вот кончился «блицкриг». В бой вступали все новые и новые резервы Советской страны — люди, оружие, заводские цехи, колхозные нивы. Начал действовать изш план — сталинский план ведения войны. Начался разгром немцев под Москвой. На Можайском шоссе остались тысячи вражеских автомобилей, самолетов, мотоциклов, пушек, превратившихся в груды исковерканного металла. Одних танков Гитлер потерял в битве под Москвой полторы тысячи. К концу первого года войны, по данным Совинформбюро, гитлеровцы потеряли 30 500 артиллерийских орудий.

Чтобы делать новые, нужна резина. Своего каучука, как вы знаете, Германия никогда не имела. Тот запас, что создали фашисты, закупая перед войной малайский каучук у жадных английских и голландских капиталистов, мог обеспечить «блицкриг». Но «блиц» кончился.

Может быть, тогда и пожалел Гитлер о загубленных плантациях Паневежиса. И когда фашисты пришли в 1942 году на Украину, они отнеслись к плантациям каучуконоса совсем по-иному. Для нового фашистского плана нужны были кок-сагызные семена, много семян...

Передо мной лежит пачка старых документов: приказы, инструкции, отчеты. Они не предназначались для широкой огласки. На некоторых надписи: «Для служебного пользования» или «Совершенно секретно». Совершенно секретно! Гитлеровские заправки и не подозревали, когда писали и подписывали эти бумаги, что мы с вами будем сегодня читать их.

Вот статья «Каучук из кок-сагыза», опубликованная в 1942 году в журнале «Гумми-цейтунг унд каучук»:

«...В настоящее время все европейские страны приступают к разведению каучуконосных растений. Опытами доказано, что разведение кок-сагыза — доходное дело. Мы напоминаем о недавно последовавшем основании рабочего комитета по растительному каучуку в Кракове, об опытах по разведению каучуконосных растений Государственным комиссариатом на востоке страны (Украина), в Генерал-губернаторстве (Польша), в Италии, Франции, Финляндии, Румынии...»

Широко размахнулись фашистские «джентльмены»! всю покоренную Европу они хотят засеять украденным у нас кок-сагызом. Это сложное дело. Появляется новый документ, особо секретный и особо важный, — протокол совещания зондерфюреров в Берлин-Далеме. Мы прочитаем и его:

«28 августа 1942 года рейхсмаршал Герман Геринг дал распоряжение об основании «Ведомства Гиммлера SS», ведающего вопросами натурального каучука.

Верховным руководителем этого ведомства поставлен генерал-лейтенант фон-Кюни.

Немецкое правительство назначило для ведения работ по кок-сагызу выдачу в деньгах — 16,9 миллиона рейхсмарок...»

Дело, как говорится, поставлено на широкую ногу. Почти 17 миллионов марок, «заслуженный» генерал — во главе, контроль «самого» Гиммлера с его отборными эсэсовцами, особое совещание во главе с «самим» Герингом. Фашисты не на шутку взялись за кок-сагыз. В скором времени план обретает полную конкретность. Вот служебный отчет («для служебного пользования») вновь созданного эсэсовского ведомства:

«В 1942 году запланировано на 1943 год под кок-сагыз 50 000 гектаров посевной площади. А именно: 10 000 гектаров — в Вартегау (район реки Варты); 15 000 гектаров — в Генерал-губернаторстве Польском; 25 000 — в России (Украина и Белоруссия).

Рассчитываем получить в 1943 году урожай от 5 до 10 центнеров корней с гектара, то-есть около 35 000 тонн корней, что потребует до 6000 грузовых вагонов для транспортировки (по 6 тонн на вагон)».

Все подсчитали фашисты: какой урожай вырастет, и сколько нужно вагонов, и сколько корней уместится в каждом вагоне, сколько семян отправить в Италию, сколько — во Францию, сколько — в Финляндию... Но, как и прежде, не все учли гитлеровские плановики. Чтобы убедиться в этом, мы прочтем еще один документ — «Отчет ведомства о выполнении каучукового плана»:

«...В Вартегау удалось засеять кок-сагызом 3000 гектаров, из которых 400 гектаров совсем не возшли, а остальные оказались очень засоренными.

В Генерал-губернаторстве Польском было в том же

1942 году засеяно 5000 гектаров. Из этого количества большинство не всходило или дало плохие, засоренные всходы. Только 80 гектаров дали хороший урожай...»

Еще бы! Мы ведь видели уже, как собирали семена для этих посевов вертуновские колхозники. Видно, и в Чернявку не зря сходила «к куме» бабка Феония Бойкина. Видно, и в других русских, украинских и белорусских селах нашлись такие пионеры, как Галя и Петька, такие колхозники, как вертуновские дед Кожемяка, Саня Казаченко, Ганна Умова. Вот вам и «засоренные поля» и «плохие всходы»! Но самое интересное сообщение было в конце отчета:

«...25 000 гектаров, посеянных в Средней России (Украина и Белоруссия), выпали, так как эти районы были заняты Красной Армией».

Делкатно сказано: «выпали».

В исторической битве за Сталинград окончательно лопнули все гитлеровские «планы». Гитлеровцы продолжали сопротивляться, но каждый день приносил нам вести о новых освобожденных городах.

«От Советского Информбюро, — слышали мы торжественный голос диктора. — Оперативная сводка за 14 декабря 1943 года.

Войска 2-го Украинского фронта, продолжая развивать наступление, 14 декабря, в результате напряженных боев, овладели городом Черкассы, важным узлом обороны немцев на правом берегу Днепра».

Наши войска продолжали свое стремительное наступление. Они были обеспечены всем, что необходимо для войны. В течение последних трех лет войны наша промышленность выпустила около 360 000 орудий, до 360 000 минометов. И это было больше, чем производилось в Германии со всеми захваченными ею европейскими странами.

Для этого наши рабочие плавилы чугун, варили особые, высококачественные стали. Для этого шахтеры добывали сотни тысяч тонн угля и руды. Для этого героически трудился весь советский народ. И для этого необходим был скромный тянь-шаньский одуванчик, из которого добывается драгоценный каучук.

Советский Союз благодаря гениальной прозорливости товарища Сталина имел свой собственный натуральный

и синтетический каучук. Это тоже помогло нам выиграть великую войну.

...И настал день, который вы все помните, — день нашей Победы. Особенно торжественно звучал по радио голос диктора, когда он читал: «...полностью овладели столицей Германии — городом Берлином — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии».

Глава пятая

ШТАСФУРТСКАЯ НАХОДКА

ЛЕЯТЕНАНТ-ЭНТОМОЛОГ

Эшелон был весь украшен плакатами. На одном из них был изображен портрет: молодой русоволосый паренек. Два ордена Славы и множество медалей на гимнастерке. Задорная улыбка, особенно идущая к его вздернутому веснущатому носу. Внизу — краткая, но выразительная надпись: «Вы обо мне еще услышите!»

Паренек стоял сейчас на ступеньке вагона и держал речь:

— Как я воевал, вы, товарищи, знаете. Обещаю вам, торжественно клянусь перед нашим полковым знаменем: трудиться буду так же. А наш труд — труд сталеваров — пригодится стране!

Первый эшелон демобилизованных воинов уходил из Берлина на родину. Сталевар Петр Серёгин давал клятву трудиться так же, как громил врага пулеметчик Петр Серёгин.

Митинг продолжался. На импровизированную трибуну один за другим поднимались сапёры, пехотинцы, танкисты, летчики, артиллеристы, которые снова должны были стать каменщиками, токарями, трактористами, флюсерами, учителями. И все эти вчерашние воины говорили о мире, о строительстве, о созидании. И вид был самый мирный у этих людей с усталыми, запавшими, но радостными глазами.

Вот выступает майор. Среднего роста, худощавый, чуть сутуловатый, с седеющими висками, он меньше всего похож на военного. Но люди, видно, знают его, майора Спирина, отважного командира разведчиков, — его приветствуют горячо.

— Друзья! — просто начинает Спирин. — Много работы предстоит нам. Пять лет не говорил я никому о своем любимом деле. Теперь скажу: большой бой предстоит еще нам, советским ученым, — бой за окончательную победу нашего каучука. Тороплюсь я в свою лабораторию, чтобы двигать дальше кок-сагыз, золотой наш тьянь-шаньский одуванчик. Очень хочется поработать!

...Митинг еще продолжался, когда к Спирину подошел молодой лейтенант-казах.

— Разрешите обратиться, товарищ майор! — по форме начал он.

— Пожалуйста, — сказал Спирин и, улыбнувшись, добавил: — Только я больше не майор. Я теперь научный сотрудник Академии сельскохозяйственных наук. Домой еду!

Лейтенант тоже улыбнулся. Потом сказал, что он и обращается к майору как к специалисту по каучуконосам. Дело в том, что давно, очень давно знаком он с кок-сагызом и любит это растение, открытое в его родных горах. До войны, будучи студентом, он, Карын Ома-

ров, тоже работал с каучуконосами. Специальность его — энтомолог.

Спирин крепко пожал ему руку. Потом, внезапно погрузнев, сказал:

— Небесные горы, говорите... А я вот совсем недавно узнал, что Спиваченко Василий Васильевич погиб. Героически погиб, защищая Родину... Какой человечнее был!

Они пс молчали. Карын вспоминал, должно быть, приезды Василия Васильевича в Кок-Пак, его веселые шутки, стихи и песни, которые любил петь первооткрыватель кок-сагыза. А Спирин думал о Вадиме Бахнове. Был он в начале войны на Северном фронте. Дожил ли до победы?.. Многих специалистов по каучуку довелось майору встретить на фронте — агрономов, колхозников, инженеров, ученых. Вот и энтомолога встретил... Он внимательно взглянул на лейтенанта: волнуется юноша; неспроста, видно, подошел.

— Ну, дорогой энтомолог, выкладывайте: что произошло?

Карын быстро достал из нагрудного кармана небольшой пакетик и протянул Спирина.

— Это должно вас заинтересовать, — тихо сказал он.

В клочке газеты лежала горстка мелких, как песчинки, семян. Внимательно приглядевшись, Спирин заметил на них легкие бороздки в виде елочки.

— Память о стране Небесных гор? — добродушно спросил он у энтомолога. — По всем фронтам с собой возили?

— Нет, — возразил Карын, — сегодня нашел, на улице.

...Через несколько минут они сидели вдвоем в купе офицерского вагона. Спирин слушал юношу не перебивая. Лишь время от времени он делал пометки в своей записной книжке. Рассказ лейтенанта-энтомолога чрезвычайно заинтересовал бывшего командира разведчиков.

Сегодня утром Карын проходил по улицам Далема — самого тихого и наименее разрушенного района немецкой столицы. Мутное небо, проглядывавшее сквозь зеленую листву деревьев, не казалось здесь зловещим и чужим.

Карын прошел мимо серого трехэтажного дома, угрюмое однообразие которого не могли скрасить даже

вычурные лепные украшения в готическом стиле. Ему как-то сразу не по душе пришлось это казенное здание с тяжелой, массивной дверью над разрушенным крыльцом.

Лейтенант с удовольствием вступил под сень деревьев и обрадовался небольшой скамейке, скрытой среди аккуратно подстриженных кустов. Хотелось посидеть в одиночестве, помечтать о доме, об аудитории университета, о далеком поселке Кок-Пак...

Мечтания его прервал тягучий скрип двери. Карын подумал, что это, вероятно, тяжелая дверь того самого мрачного дома, который так не понравился ему. Он наклонился к кустам и увидел вдали мужчину, быстро приближавшегося к аллее. Сквозь листву был плохо виден этот человек: Карын не мог разглядеть ни лица, ни костюма. Но какая-то едва уловимая настороженность его походки заставила лейтенанта не выдавать своего присутствия.

Шаги приближались. Они послышались совсем близко и затихли за кустами, близ скамейки Карына. Теперь уж он ничего не видел, но зато вскоре услышал разговор. Оказывается, человека из мрачного серого дома ждал здесь, среди деревьев, второй мужчина, с неприятным, хриплым голосом.

Немецкий язык Карын знал достаточно хорошо, изучил еще в университете. На фронте в случае надобности всегда умел допросить пленного. Это очень пригодилось ему теперь: слово в слово запомнил он разговор, случайно услышанный в Далеме.

— В каком состоянии это? — спросил человек из серого дома.

— Он передает, — ответил хриплый, — что покупатели могут быть спокойны.

— Образец ты привез?

— Со мной, — снова прохрипел неприятный голос и спросил, в свою очередь: — Но он интересуется: что они платят?

— Все зависит от образца. Если это устроит их, вы немедленно получите деньги...

— Валюту, — прервал хриплый, — только валюту! Он не согласится на оккупационные марки.

— Да-да, — недовольно откликнулся обитатель серо-

го дома. — Кажется, он мог бы мне вернуть. Вместе работали в Кайзер-Вильгельм-Объединении, рядом сидели на совещании в Берлин-Далеме...

Они снизили голос до шопота, и Карын не мог больше ничего разобрать. Он стал мысленно перебирать все услышанное. Какие-то продавцы, покупатели, образцы товара, оккупационные марки, валюта... Обыкновенные мелкие спекулянты, которые даже сейчас, в дни тягчайших испытаний своего народа, продолжают обделявать грязные делишки. Карыну стало противно. Он поднялся со скамьи и прямо через кусты стремительно двинулся к говорившим.

Те сразу замолкли, замерли. Потом Карын услышал, как зашуршал песок под их ногами: точно сговорившись, они одновременно кинулись в разные стороны. Выбравшись на аллею, молодой лейтенант заметил лишь край серого плаща, мелькнувшего за поворотом. Он не стал преследовать спекулянтов. Его внимание привлек белевший среди примятой травы пакетик.

«Верно, это и есть образец, о котором они говорили. — подумал энтомолог. — Разлетелись, как спугнутые куры, а «это» и оставили».

Он наклонился, поднял пакет, развернул и увидел семена... кок-сагыз...

— Вы сами завернули их потом в газету? — спросил у Карына Спирин.

— Нет, весь пакет целиком, как он был, я показал вам.

Бывший командир разведчиков удовлетворенно кивнул и вновь приготовился слушать. Но лейтенант-энтомолог уже закончил свой рассказ. Больше он ничего не успел сделать. Только на обратном пути, вновь проходя мимо мрачного серого дома, он поднялся на разбитые ступеньки крыльца и прочитал бронзовую табличку на двери: «Д-р Вульман». Вечером собирался доложить командованию о своей находке, да вот пришел проводить демобилизованных однополчан, услышал выступление майора и решил посоветоваться с ним.

Спирин закурил папиросу, задумался. Ученый-каучуковод в мирной жизни и командир разведчиков на войне, он знал неизмеримо больше, чем юный лейтенант-энтомолог. Нет-нет, да и приходилось ему то из бесед с колхоз-

никами освобожденных районов, то из допросов пленных эсэсовцев узнавать об особом интересе Гитлера к нашему кок-сагызу. И вот довелось встретиться с тьянь-шаньским одуванчиком здесь, в самом Берлине!

Кайзер-Вильгельм-Объединение, о котором упомянул лейтенант... Это ведь крупнейшее объединение германских научных учреждений, и находилось оно, если ему не изменяет память, именно в Далеме...

Доктор Вульман... Знакомое имя! Неужели это тот самый Вульман, высокий, представительный брюнет, который приезжал в 1940 году к нам, на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку? Тот действительно интересовался каучуконосами. Надо будет проверить...

И потом, насчет этого совещания в Берлин-Далеме. Когда оно было, кто участвовал, какие вопросы решались?.. Это выяснить нетрудно: документы рейхсканцлерии в наших руках. Нужно будет сегодня же...

Демобилизованный майор, который всего полчаса назад мечтал о доме, о встрече с сыном и дочуркой, о научной лаборатории, улыбнулся своим мыслям. Глянул в окно. Закопченный, разбитый вокзал встал перед его взором. Митинг уже закончился, и радостно возбужденные солдаты кучками стояли близ самых вагонов, точно боялись, что поезд без них уйдет на родину. Скоро они будут мчаться по родным перелескам...

Спирин решительно поднялся с места, снял с полки небольшой кожаный чемодан и сказал Карыну:

— Втирали вы меня, товарищ лейтенант, в эту историю, так помогайте теперь имуществу выносить.

Юноша смотрел на него непонимающими глазами: неужели этот человек решил остаться здесь?

— О лаборатории придется временно забыть, — как бы отвечая на его мысленный вопрос, сказал Спирин: — буду просить разрешения поработать еще в Германии.

— Возьмите меня в помощники! — загорелся Карын, боясь отказа, начал быстро перечислять: — С кок-сагызом я знаком, немецкий язык знаю, буду при вас переводчиком...

Спирин внимательно посмотрел на лейтенанта.

— А что ж, эта идея: мне действительно нужен будет переводчик, — сказал он. — Только не забывайте: я ведь демобилизован. Если разрешат остаться, так буду

на штатском положении. Впрочем, если командование согласится, беру вас в помощники.

Карын просил. Он заявил, что завтра же подаст рапорт своему генералу, будет проситься хотя бы на двухнедельный отпуск. И, конечно же, его отпустят. Дело-то какое! Государственное дело: наш, украденный у нас кок-сагыз отобрать у гитлеровцев...

— Боюсь, что дело обстоит гораздо сложнее, — заметил Спирин: — отобрать, но не только у гитлеровцев. Посмотрите внимательно.

И он протянул юноше пакет, найденный в теннистой аллее Далема. Карын взял пакет в руки, осмотрел и не обнаружил ничего особенного: в клочке газеты завернуты семена — и всё.

— Приучайтесь, товарищ лейтенант, обращать внимание на мелочи, — тихо сказал Спирин. — Иной раз мелочи бывают весьма поучительны. В ваших руках клочок... американской газеты.

НА ТИХИХ АЛЛЕЯХ ДАЛЕМА

Маленький трофейный «оппель-капитан» осторожно обогнул гигантскую воронку, наполненную мутной, белесой водой, и выбрался на тихую аллею Далема. Трое сидели в этой юркой, похожей на черного жука, машине: средних лет мужчина в шляпе и светлом плаще, молодой широкоскулый лейтенант и белобрысый сержант-шофер.

«Оппель» резко затормозил у серого трехэтажного дома с вычурными лепными украшениями в готическом стиле. Посмотрев на аккуратную бронзовую табличку, лейтенант сказал:

— Здесь.

Шофер остался в машине. Двое направились к массивной двери с медными львами. Задержавшись перед кею, штатский напомнил лейтенанту:

— Значит, если узнаешь голос того «человека из серого дома», дашь мне знать... Кашлянешь, что ли...

Дверь тяжело закрипела, пропуская их в дом.

Кабинет, в который они вошли через несколько минут, выглядел великолепно: цветы на окнах, хрустальный графин и такие же бокалы на маленьком столике, мас-

сивные кресла с высокими спинками, бархатные портьеры на двоях и шкаф в полстены, заставленный книгами. Здесь ничто не напоминало о войне.

Да и хозяин кабинета — высокий, представительный мужчина в щегольском синем костюме — встретил их, как самый радушный хозяин.

— Чем могу быть полезен? — спросил он по-русски. Лейтенант закашлялся.

— Вы владеете русским? — приятно удивился штатский. — В таком случае, я могу отпустить переводчика.

Они остались одни. Хозяин кабинета любезно предложил сесть. Гости, поблагодарив, опустились в глубокое кресло. Спросил:

— Доктор Вульман?

— Совершенно верно, — обворожительно улыбнулся немец. — Макс Вульман, доктор биологических наук. С кем имею честь?

— Степан Спирин, из Академии сельскохозяйственных наук.

И взгляды их на мгновение встретились. Спирин с удовольствием вытянул затекшие от бесконечных поездок ноги. Увидели бы вы его в тот момент, обратили бы внимание на серый костюм, на редкие светлые волосы, спадающие на лоб, на чуть улыбающиеся губы. Но Вульман видел только упрямую морщинку на переносье и холодные серые глаза человека незаурядной воли. И он потерял на мгновение свой благодушный вид только что пообедавшего человека и очень тихо сказал:

— Я к вашим услугам.

— Как называлось учреждение, которое вы возглавляли?

— Институт по исследованию сырья.

— Какое сырье вы исследовали?

— Вот, пожалуйста, — оживился Вульман, — у меня сохранился тематический план научных работ. — И, достав из ящика красивую папку, он протянул ее Спирину: — Тут работы по заменителям соли, эрзацам пива... Тут нет ничего военного. Мы, ученые, были далеки от Гитлера и его политики...

Спирин поморщился: сколько раз он уже слышал такие речи! Папку он не стал смотреть, оставил на столе и легко поднялся с кресла.

— У вас богатая библиотека, доктор, — сказал он, подходя к шкафу. — Приятно видеть книги среди пожаров войны.

— Мы делали, что могли, — скромно заметил Вульман, но глаза его с беспокойством следили за гостем.

Тот присел на корточки у самой стены:

— Позвольте?

Вульману ничего не оставалось делать, как кивнуть. И руки Спиринна заскользили по корешкам книг, встречаясь с ними, как со старыми знакомыми. То были руки ученого — немец не сомневался в этом. Но вот русский задержался у одной из полок.

— Знакомые книги! — сказал он.

— Я давно интересуюсь проблемой каучуконосов умеренной зоны, — откланялся Вульман. — Еще до войны...

— ...вы были в Москве, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. — закончил фразу Спирин.

— Да. — подтвердил доктор.

— Очевидно, там вы и приобрели эти русские, советские книги о кок-сагызе?..

Они вернулись к столу и вновь сели в кресла: хозяин и гость. Только теперь представительный доктор не улыбался. Пауза была недолгой.

— Господин Спирин, — с достоинством сказал Вульман, — я не нацист, я ученый. Девятый год я занимаюсь натуральным каучуком. Я написал большую работу.

— Знакомился с вашим трудом, — заметил Спирин, — и убедился, что в этом «оригинальном» труде главным образом были использованы работы русских ученых.

— Да, — вежливо подтвердил Вульман, — я был в восторге от успехов Советского Союза. Вы сделали так много, что нам пришлось учиться у вас...

— Учиться не значит списывать, — все тем же ровным тоном возразил Спирин. — Конечно, для Германии все это было новым, но у нас за эту работу не дали бы и студенческого диплома...

Несколько минут Спирин молча глядел в окно на серый чужой город.

— Я надеюсь, вы, как умный человек, понимаете, что война для Германии окончена?

Вульман кивнул.

Спирин подошел к нему все еще лежавшую на

столе красивую папку с материалами о «заменителях сои» и «эрзацах пива»:

— Возьмите это, и забудем, что вы хотели обмануть советское командование.

Вульман поспешно спрятал папку.

— Вы прекрасно знаете, что мы не грабители, не эсэсовцы. Мы пришли за своим, за тем, что принадлежит нам, что украдено у нас... Затем условимся, что я верю вам: вы не гитлеровцы, а ученый... И я повторяю свой вопрос: какое сырье исследовал ваш институт?

— Среди прочих работ мы изучали каучуконосы, — тихо ответил Вульман.

— Среди прочих или главным образом?

— Главным образом...

Спирин откинулся на спинку кресла. Он плохо видел немца: доктор сидел спиной к окну, на затененном лице его лишь изредка поблескивали стеклышки пенсне. Зато лицо гостя ярко освещалось лучами заходящего солнца.

И, прищурив глаза от ослепительного света, Спирин сказал:

— Итак, ваш институт занимался только кок-сагызом, точнее — способами получения каучука из корней кок-сагыза?

— Да.

— Институтом «по исследованию сырья» он назывался с целью засекретить работу?

— Да.

— Основан был ваш институт в 1943 году на базе Кайзер-Вильгельм-Объединения, точнее — на базе Хемисер-Института, входившего в это объединение?

— Да.

— Так вот, доктор Макс Вульман, нас интересует, кто из немецких ученых принимал участие в совещании зондерфюреров в Берлин-Далеме, которым руководил Геринг и в котором вы, если мне не изменяет память, также участвовали?..

...Когда Спирин уезжал из «гостеприимного» серого дома, он впервые за три дня, прошедшие со времени начала поисков, насвистывал что-то себе под нос. Лейтенант-энтомолог, успевший уже привыкнуть к молчаливой сосредоточенности своего начальника, удивленно обернулся:

— Степан Петрович, случилось что?

— Не зря мы, Карын, катались с тобой по этим разбитым шоссе, — улыбнулся Спирин, — не зря протокол совещания в Берлин-Далеме разыскивали. Сдается мне, не зря!

СПИСОК ДОКТОРА ВУЛЬМАНА

Спирин вынул из кармана желтый листок, исписанный каллиграфическим почерком доктора Вульмана, и поднес к глазам. В машине было темновато, время от времени потряхивало, так что читать было трудно. Но Спирин знал уже этот текст:

«Из немецких специалистов по кок-сагызму надо первым делом назвать и принять в соображение:

1. Инженер Вальтер Гутке. Кайзер-Вильгельм-Объединение. Домашний адрес: Берлин-Штеглиц, Фридрихсругерштрассе, 4.

2. Профессор Курт Рем. Возглавлял Научно-исследовательский институт в городе Левенберге (Северная Силезия). Адреса не знаю.

3. Доктор Штрумпф. Руководил Институтом по исследованию каучука в Берлин-Далеме. Сейчас, должно быть, в Тюрингии.

4. Доктор Грессер. Адреса не знаю.

5. Доктор Лемке. Сменил меня на посту руководителя Института по исследованию сырья. Сейчас, должно быть, в Кельгейме.

6. Доктор Иоганн Беме. Руководил Институтом по исследованию развития растений в Мюнхенберге. Институт эвакуирован на запад Германии.

7. Доктор Рудольф Клотц. Адреса не знаю. Живет где-то в Тюрингии.

8. Инженер Отто Клюгер. С начала 1944 года ничего не знаю о месте его пребывания.

9. Доктор Гельмер Плотке. Должно быть, в Кельгейме.

Д-р Вульман».

Спирин задумался. Вульман оказался достаточно аккуратным: перечислил всех, кого знал и помнил. А может,

не всех? Как бы там ни было, хоть один из этих девятнадцати специалистов да знает секрет...

Маленький «копелъ» летел по темным улицам вечернего Берлина. У стены прижалась молчаливая очередь за хлебом. На улицах тихо и пусто.

Где искать всех этих докторов, профессоров, инженеров? Один эвакуировался на запад — разумеется, к американцам, другой «должно быть, в Кельгейме», третий «где-то в Тюрингии». Легко сказать, где-то в Тюрингии! Где-то в Германии! Вся страна вздыбилась, все перепуталось.

Из девяти специалистов, перечисленных Вульманом, только один имеет адрес. Это пока единственная путеводная нить. Надо будет завтра же с утра... Впрочем, почему завтра?

Спирин снова достал список. Вот: «Инженер Вальтер Гутке. Кайзер-Вильгельм-Объединение. Домашний адрес: Берлин-Штеглиц, Фридрихсругерштрассе, 4».

— Ваня, — обратился он к шоферу, — разыскивай теперь Фридрихсругерштрассе.

Машина круто свернула, а глаза Спирина ве отрывались от списка. Еще одно имя привлекло его внимание: «Инженер Отто Клюгер. С начала 1944 года ничего не знаю о месте его пребывания»...

Он передал желтый листок Карыну:

— Обрати внимание на исчезнувшего инженера. Под номером восьмым значится.

Лейтенант прочитал сперва глазами, потом вслух:

— «С начала 1944 года ничего не знаю о месте его пребывания». Но тогда ведь в Германии было еще относительно спокойно! — воскликнул он.

— Вот именно! — обрадовался Спирин. — Молодец, Карын! Обязательно займемся этим человеком. Где он мог пропадать? Чем занимался?

Лейтенант достал из кармана красный карандаш, и на желтой бумаге рядом с фамилией исчезнувшего инженера появился крестик.

...Инженер Гутке оказался словоохотливым маленьким человечком. Можно было подумать, что этот верткий субъект в огромных роговых очках на худеньком личике только и ждал вечернего визита, чтобы дружески побеседовать с советскими людьми.

Да, он имел отношение к каучуку, работал в Кайзер-Вильгельм-Объединении. Небольшой пост, совсем небольшой — посредник между резиновыми заводами и помещиками, которые предполагали сеять на своих полях кок-сагыз.

Нет, он не нацист. Он всегда ненавидел этого выскочку Гитлера и его бредни. Он всегда уважал великую Россию. Он в восторге от Советской Армии. Он не ожидал такого отношения «к нам, немецким ученым». Да, одно время он даже верил геббельсовской болтовне о русских зверствах. Справедливое — да-да, ничего не подделаешь! — справедливое возмездие. А русские не только не убивают мирное население, но обеспечивают продуктами. Причем установлены различные нормы питания. Да, выделены рабочие тяжелых профессий, ученые, профессора. Получив по карточкам даже кофе, он, Вальтер Гутке, убедился, что советские люди ценят работников умственного труда. Его, Вальтера Гутке, благодарность безгранична. Без-гра-нич-на!..

Тут энтузиасту Гутке пришлось сделать перерыв, чтобы Карын смог наконец перевести его речь. Перевел он, правда, удивительно коротко и тут же снова повернулся к нему:

— Господин Спирин благодарит вас. Он верит в вашу искренность, он надеется на вашу помощь. Он задаст несколько вопросов.

Вальтер Гутке выразил полную готовность сотрудничать с русскими, он выкладывал все, что знал. Жаль только, что не все знал... В общем, если очистить его сообщение от словесной шелухи и бесконечных восклицаний о «преданности» и «готовности», то картина выяснилась примерно такая.

В «Ведомстве Гиммлера SS» было объединено несколько научных институтов, занимавшихся кок-сагызом. Основаны они были на базе большого объединения институтов имени кайзера Вильгельма. В них работало шестнадцать докторов наук, около сорока научных сотрудников, сотни ассистентов и лаборантов. Всех их, разумеется, Вальтер Гутке не знал.

Но вот Курта Рема помнит хорошо. В его подчинении были три института. Все — в Левенберге (сейчас это территория Польши). Гутке неоднократно бывал там с

различными поручениями. Богатейшие институты, великолепное лабораторное оборудование. Курт Рем изучал способы получения каучука из корней кок-сагыз.

Были ли там посевы? Да, сколько он помнит, в Левенберге были опытные посевы, много семян... Сейчас профессор Рем в городе Кельгейме на Дунае — в американском плену. Ему, Вальтеру Гутке, тоже предлагали бежать от русских, но он остался, ибо верил в великую Россию, и т. д., и т. п.

— А инженер Отто Клюгер?

О, товарища Клюгера (так и сказал: «товарища») Гутке отлично знает! В гимназии еще вместе учились. Способный инженер. Занимал «очень ответственный» пост — одного из приближенных помощников генерал-лейтенанта фон-Кюна. Вторым помощником был капитан фон-Ваккербарт. Этот добился своего — он сейчас в Баварии, в Кульмбахе, в американском лагере для военнопленных. А вот Клюгера не видал Гутке с самого начала 1944 года, с тех пор как Отто отправился в Халле...

— Зачем он туда поехал?

Насколько помнит Вальтер Гутке, вблизи Халле, в Бишдорфе — в имении помещика Барденвертера, — проводились опыты по выращиванию кок-сагыз. Руководили ими сын помещика и какой-то русский специалист...

Нет, Гутке не ошибся. Он сам видел несколько раз этого русского. Невзрачный такой, плешивый, глаза чуть хосят. Говорили, что это агроном из Киева. У него было два железных креста — награда от фюрера. Отто Клюгер после той поездки исчез, как в воду канул...

Спирни переглянулся с Карыном. Чем дальше, тем сложнее! Какой-то еще предатель замешан, какой-то помещик из города Халле...

— Халле у американцев, — тихо сказал лейтенант.

— До завтрашнего дня, — ответил Спирни. — Ты со всеми этими делами и газеты читать перестал, а сегодня союзными державами подписана декларация о поражении Германии. Американцы должны отвести свои войска из Саксонии и Тюрингии. Лейпциг, Эрфурт, Плауэн и вместе с ними город Халле переходят в Советскую зону оккупации.

— И вы надеетесь найти там этого Клюгера?

Спирин улыбнулся:

— Дорогой мой, горячий Карын! Неизвестно. Одно я знаю точно: тебе надо будет сегодня же захватить к Вульману. Не упускай из виду своего старого знакомого, который любит на аллеях «прогуливаться». Он обещал отыскать для нас адреса. Пусть в первую очередь займется Клюгером...

В продолжение этого разговора Вальтер Гутке с беспокойством следил за русскими. О чем они говорят? Неужели заметили упакованные чемоданы в передней и поняли, что он тоже хотел бежать?.. Он покрылся холодным потом. Все Гильда, вздорная баба, — тряпки свои пожалела! А на жизнь мужа ей наплевать!.. Станный какой-то этот русский. Как сел за стол, так ни разу не поднялся. И за все время три или четыре вопроса. Что бы еще такое им рассказать?..

— Вы свободны сейчас? — неожиданно обратился к нему Спирин.

Гутке едва дождался перевода.

— О да, конечно! — воскликнул он. — Сейчас в Германии никто и нигде не работает.

— Ну, вот и прекрасно, — заключил Спирин. — Завтра утром вы вылетите вместе со мной в Халле, в Бишдорф, к помещику Барденвертеру...

В И М Е Н И И Б И Ш Д О Р Ф

— Я не знаю никакого русского специалиста! У меня нет и не было никакого кок-сагыза! Оставьте меня в покое!

Старик бежит по залу, брызжет слюной. Длинные седые усы свесились книзу, глаза налились кровью, тяжелые полы бархатного халата смешно хлопают по коленям.

Гутке ерзает в своем кресле. Этак, чего доброго, русские подумают, что он нарочно ввел их в заблуждение!

— Господин Барденвертер, — вкрадчиво обращается он к расхрипевшему старику, — но ведь Отто Клюгер сам говорил мне, что едет в Бишдорф, к вашему сыну...

— Мой сын пропал! Я не знаю, где он! Я в глаза не видел вашего Ключера! Я не боюсь ни чорта, ни дьявола, ни американцев, ни русских! Я член наци партай — можете меня расстрелять!

Спирин спокойно ждет перевода. Потом говорит Карлу:

— Скажи этому фашисту, что мы не станем его расстреливать. По всей вероятности, это сделает немецкий народ, который будет его судить. Судить за те несчастья и позор, что навлекли на Германию истеричные негодяи, подобные фашисту-помещику Барденвертеру.

Старик слушает молча. Он опустил голову, и видно только, как зло дергаются его усы.

— Добавь еще, — продолжает Спирин, — что мы остаемся в имении Бишдорф и будем сами искать то, что нас интересует. Но если он затеет какую-либо пакость, тогда... тогда ему не придется ждать немецкого суда.

...Окончив обыск в старинном помещичьем доме и обойдя весь двор, где, кроме стриженных газончиков и тощих деревьев, ничего не было, они тотчас отправились в поле. Миновали опустевший поселок, где не видно было ни одной живой души, пришли на поле и сразу обнаружили обычную для фашистской Германии картину: большой участок земли — около гектара, — обнесенный колючей проволокой.

Спирин и лейтенант-энтомолог перебрались за эту изгородь и обошли весь участок, но тщетно. Вся земля была перекопана и взрыхлена. Нигде не видно было растений. Чувствовались следы недавней работы.

— Выкопали и увезли, — мрачно сказал Спирин. — И спросить не у кого, точно вымерли все... Придется идти в дом. Утро вечера мудренее.

...Они молча идут по длинному темному коридору. Косые лучики света, падающие из узких оконцев, едва освещают путь. Воздух здесь затхлый, сырой, как в наглухо закупоренном подвале. На всем этом огромном помещичьем доме лежит печать запустения.

Древний лакей, сопровождающий приезжих в комнаты для гостей, поясняет, что после капитуляции герр Барденвертер выгнал всю прислугу — горничных, садовников, лакеев. Они живут теперь вдвоем — два старика.

В конце коридора высится узкая створчатая дверь — выход во двор, а справа — три двери подряд. Они ведут в комнаты для гостей. Объяснив все это, лакей удаляется, и они расходятся по своим комнатам. Но долго Спирин не может уснуть. Он лежит с открытыми глазами, курит одну папиросу за другой, ворочается в огромной кровати с тяжелым пологом и думает, думает... Потом приходит сон, усталость смыкает наконец его глаза, но вдруг...

Совсем уже засыпая, Спирин услышал тихий стук в дверь. Тихий-тихий, будто кто-то цапался к нему. Степан Петрович мгновенно поднялся — он лежал не раздеваясь — и бесшумно двинулся к двери. На ходу вынул из кармана браунинг, приготовил фонарик и, направив лучок света прямо на дверь, внезапно распахнул ее.

Яркие лучи выхватили из мрака перекошенное от злобы лицо старого помещика. Повернув голову в направлении его взгляда, Спирин успел заметить какую-то тень, метнувшуюся к выходу. Скрипнула створчатая дверь, и если бы не этот звук, можно было бы подумать, что все это померещилось.

Захлопали другие двери. Одним прыжком в коридор выскочил Карын. Спирин кивком головы указал ему на створчатую дверь, и лейтенант, не переспрашивая, кинулся на улицу. Показалась испуганная физиономия полуголого Гутке. Кто-то зажег свет.

— Что все это значит? — спросил Спирин.

Помещик очень быстро начал говорить, закатывая глаза и прижимая руки к сердцу. Во всем его облике — маленькой птичьей головке на тонкой шее, сутулой спине, выпученных глазах — было что-то жалкое, противное. И все тем же недобрым огнем загорался время от времени его взгляд.

На ломаном русском языке он объяснял, что опасался покушения на русских. В районе имения бродит какая-то банда бежавших военнопленных. А он помнит, мол, предупреждение и не хочет нести ответственность за жизнь гостей. Пришел ночью проверить — и вот как раз спугнул грабителей...

Старик замолк вдруг на полуслове и только разевал по-рыбы свой беззубый рот, не в силах вымолвить ни слова. Распахнулась створчатая дверь. На пороге пока-

зался Карын. Вслед за ним входил человек невероятной, чудовищной худобы. Грязный, оборванный, он с трудом передвигал ноги, но подобие улыбки освещало его измученное лицо.

— Генрих Гейнце, — представил его лейтенант, — немецкий рабочий, антифашист.

Спирин распахнул перед ним дверь своей комнаты. Здесь же разрешились все тайны имени Бишдорф, и лучше всего рассказать об этом словами Генриха Гейнце. Его показания были подробно записаны Карыном:

«Я попал сюда из концлагеря в феврале 1944 года. Многих заключенных посылали тогда рыть окопы и строить укрепления в Восточной Пруссии. Меня выбрал для сельскохозяйственных работ капитан фон-Ваккер-барт. Меня и других сильных людей. Я был еще тогда сильным...

Жили мы в бараках, под охраной эсэсовцев. Здесь не расстреливали, но за полгода непосильной работы в Бишдорфе из пятидесяти осталось восемнадцать человек. Руководил всем этим делом обер-лейтенант фон-Барден-вертер — сын помещика. Научной частью ведал человек, выдававший себя за агронома. Его звали Яков Кишкин — я запомнил это имя.

Они ставили какие-то опыты по хок-сагызу. Говорили, что это научная селекция, выведение лучших сортов для Германии. Нам от этой науки легче не было.

В конце марта из Берлина приехал большой начальник — эсэсовский капитан Ключер. Ему показывали поля, грядки, машины, рабочий скот и в том числе нас. Вскоре он уехал, а вслед за тем из России прибыла новая большая партия семян. Нас заставляли обкладывать их снегом и льдом в холодном погребе. Кишкин называл это стратификацией.

Но, очевидно, стратификация все равно не помогла им. С этим полем что-то не ладилось, и свою злобу фашисты срывали на нас. За весну погибло еще больше народу, чем зимой.

Потом кончилась война. Мы думали, что все будет иначе, но мало что переменялось. В Бишдорф стали приезжать американские офицеры. А обер-лейтенант Барден-вертер и Яков Кишкин оставались с нами. Нас «освобо-

длин», но если бы мы ушли отсюда — погибли бы от голодной смерти. Здесь хоть как-то кормили...

Когда в поместье узнали, что принята декларация и Халле переходит в Советскую зону, в господском доме началась паника. Вчера ночью прибыло пять американских «студебеккеров», на машины погрузили русскую библиотеку, мешки с семенами, растения, вырытые с поля, самого Якова Кишкина и сына помещика. Все это увезли. Нас американцы заставили помогать в погрузке, я я запомнил имена тех, кто руководил всем этим: это майор Джефферсон и лейтенант Уиллер.

Потом старик Барденвертер заставил нас прятать то, чего не успели вывезти, в угловой подвал и велел убираться на все четыре стороны. Но мы решили здесь ждать прихода русских. Ночью я хотел пойти к вам, чтобы рассказать все, но старик услышал, видно, как я отворил наружную дверь, спустился вниз и напугал меня. Собственно, бояться мне было нечего, но... вы поймите меня: целый год нас травил в этом поместье эсэсовцы, старик и его сын...

— Вы хорошо сделали, что пришли, товарищ! — торжественно сказал Спирин. — От имени Советского командования благодарю вас!..

Пользуясь указаниями Генриха Гейнце, они быстро нашли тайник — заполненный хламом угловой подвал. В большой комнате валялись мундиры вперемешку с халатами и сапоги со шпорами вперемешку с ночными туфлями. На полу лежали разорванные фотографии, и среди них — портрет Гитлера с отпечатком грязного каблукa на лбу.

В углу виднелись ящики, затянутые паутиной. Из одного торчала гнутая ножка сломанного венского стула, из другого — куски золоченой рамы, половина мраморной статуэтки, грязное бархатное тряпье. Окинув все это взглядом, Карын проворчал: «Барахольщики!» — и перешел к столу, где лежали книги и бумаги. Но Спирин остановился, осмотрел ящики и даже стер с одного из них толстый слой пыли. Очевидно, что-то привлекло его внимание.

Потом они полдня потратили на разбор бумаг, но вы где же было ни одного упоминания о Ключере.

— Здесь хорошо «поработал», — мрачно сказал Спирин, — надо срочно возвращаться в Берлин.

...На знакомом перекрестке стоял американский солдат. Он фискал зубами жевательную резинку и лениво поглядывал по сторонам. Одинокие прохожие-немцы испуганно шарахались в сторону, когда американец обращал на них свой мутноватый, ничего не выражающий взгляд.

Солдат поднял руку, и кативший по улице темный «оппель-капитан» резко затормозил. Не выпуская изо рта своей жвачки, американец проверил пропуск, предъявленный ему советским лейтенантом, и небрежно приложил руку к пилотке.

У знакомого серого здания с лепными готическими украшениями стояла военная машина. Как раз в тот момент, когда «оппель» затормозил, распахнулась массивная дверь с бронзовыми львами и показались два американских офицера. Вместе с ними был доктор Вульман. Они оживленно переговаривались между собой.

Увидев Спирина, Макс Вульман смутился, но тут же напустил на себя любезно-благожелательный вид.

— Господин Спирин. Майор Джефферсон, лейтенант Уиллер, — представил он.

Последовали довольно сдержанные приветствия. Спирин увидел низкорослого майора с квадратным подбородком и высокого узколобого лейтенанта.

— Я приехал за адресом, который вы обещали узнать, — сказал он немцу.

— К сожалению, господин Спирин, — вежливо улыбнулся Вульман, — я еще ничего не успел сделать... Но прошу в любое время ко мне, всегда буду рад видеть вас... Все, чем могу быть полезен...

Один из американцев сделал нетерпеливое движение. Вульман переглянулся с ним и добавил:

— А сейчас прошу извинить: меня пригласили в американскую комендатуру...

И машины разъехались: в одну сторону — американский «джип», в другую — «оппель». Последнее, что успел заметить Спирин, была ехидная усмешечка, раздвинувшая толстые губы майора Джефферсона.

— Ваня, гони прямо домой!

Такой ярости шофер еще никогда не слышал в голосе Спирна. Карын чувствовал себя виноватым.

— Степан Петрович. — тихо произнес он, — я два раза заезжал к Вульману, еще перед Халле...

— Я во всем виноват, я! — прервал Спирн. — Должен был предусмотреть, обязан был. О том, что Халле в вашу зону переходит, знал, а что Далем — в американскую, позабыл, увлекшись бишдорфской поездкой... А ведь не выпускал из мыслей того клочка американской газеты, знал, что они охотятся!

Машина вновь подъехала к американскому постоуму. Все еще не расставаясь со своей жвачкой, он проверил пропуск, и «оппель» вырвался из Далема. Спирн закурил и неожиданно спросил шофера:

— Ты где до войны работал, Ваня?

— В Талдыкской МТС, механиком тракторной бригады.

— А лейтенант наш энтомологом был. А я — агрономом, потом биологом, — сказал Спирн и улыбнулся. — Не годимся мы, видно, в шерлок-холмсы, специальность не та... Непонятна для нас психология жулика. А эти джентльмены — жулики, потомственные воры!

Спирн говорил горячо, словно вознаграждая себя за долгое молчание.

— Знаете ли вы, Карын и Ваня, историю одного заморского джентльмена, по имени Генри Вилгем, имеющую прямое отношение к истории каучука?..

И пока ехал «оппель», шурша шинами по асфальту, Степан Петрович рассказывал притихшим молодым людям о поучительных событиях давно минувших дней. Я полностью приведу рассказ Спирна. Вам тоже будет интересно послушать его.

Гевея росла в Бразилии, в долине реки Амазонки. Потом появилась в Восточной Индии, на Цейлоне, в Малайе. Как перебралась туда вечнозеленая красавица? Кто перевез ее?

Много книг написано об этой истории. Газеты и журналы рассказывали о ней. О переселении гевен говорится и в энциклопедических словарях. Мы можем во всех подробностях проследить за путешествием гевен.

В 1872 году британский консул в городе Парá получил запечатанный сургучными печатями секретный пакет из министерства иностранных дел Англии. Что там было написано, нам неизвестно. Но известно, что на следующий день консул чисто выбрил свой крупный подбородок и направился к местным властям.

Он просил немногого, совсем немногого — ящик семян леснозеленой гевеи...

Бразильцам не придется беспокоиться: англичане сами скотят ящик, сами отберут семена, сами погрузят на корабль, сами отвезут. Они согласны даже уплатить бразильцам некоторое вознаграждение.

Возвращался консул с вытянутым лицом. Бразильские власти наотрез отказались дать семена. Больше того, был издан строгий приказ: следить за всеми, кто уезжает из Бразилии, проверять все грузы, вскрывать все ящики, тщательно обыскивать каюты и трюмы. Полнция, таможенные чиновники преградили путь гевее в заморские страны...

Прошло четыре года.

Сэр Солсбери, государственный секретарь по делам Индии, настойчиво требовал семена гевеи. Он хотел во что бы то ни стало завести плантации каучуконоса в подвластных ему колониях. Мистер Джозеф Гукер — директор Королевского ботанического сада в Кью, близ Лондона — также крайне заинтересовался каучуковым деревом. Но ничего нельзя было сделать: бразильцы никак не соглашались терять свое выгодное положение каучуковых монополистов.

И вот в один далеко не прекрасный для жителей Бразилии день на берегах Амазонки появляется нивесть откуда энергичный англичанин. Он не перестает восхищаться природой Бразилии:

— О! У вас сказочные места! Мечта моей жизни — изучить флору и фауну вашей страны!

Очарованный красотами бразильской природы, путешественник не делает секрета из своих планов. Он охотно рассказывает всем встречным, что мечтает поймать в джунглях знаменитую бабочку «мертвая голова» с рисунком на крыльях, напоминающим череп.

Английский путешественник столь же охотно знакомится с бразильцами и скромно называет свое имя;

— Генри Викгем, натуралист.

Видно, очень торопится мистер Викгем. Он и дня не сидит в городе: не торгуясь, покупает быстроходную туземную лодку, а заодно и самих туземцев-гребцов, нанимает проводников — и исчезает...

Вскоре белый пробковый шлем натуралиста вынырнул в глубине джунглей, на Тапажосе — притоке Амазонки. Вот куда привлекла его любовь к науке и природе! Но, удивительное дело, повсюду он приказывает туземцам собирать одно и то же — крупные семена в твердых пятнистых оболочках. Самые разнообразные бабочки летают вокруг него, но Генри Викгем не обращает на них никакого внимания.

Индийские девушки плетут для него тростниковые корзины. Мистер Викгем самодично укладывает в них семена, отделяя каждый слой их банановыми листьями. Он то и дело торопит туземцев:

— Скорей! Скорей! Дальше! Дальше!

И все труднее становится носильщикам тащить тяжелый груз...

Много дней проходит, прежде чем возвращается из джунглей любитель природы Генри Викгем. Но однажды утром жители портового города просыпаются и узнают, что Генри Викгем прибыл и даже успел зафрахтовать для своего груза большой английский корабль «Амазонас».

— Хороша эта бабочка, — шутят бразильцы, — если для нее понадобился целый корабль!

На палубу поднимаются строгие таможенные чиновники. Согласно инструкции, они хотят проверить груз. Чиновников приглашают в салон. Они поражены блестящими зеркалами, мягкими коврами, серебряными подсвечниками. Они садятся в удобные кресла из красного дерева.

Генри Викгем предлагает поднять бокалы за процветание благословенной страны Бразилии, за ее прекрасную природу, за ее замечательных бабочек и за радушных представителей власти. Следует вежливый поклон. Чиновники польщены, они улыбаются, подкручивают свои усы. Искрится французское вино, произносятся встречные тосты.

Но в конце концов таможенные власти переходят к

делу. Они желают знать, для какого груза понадобился мистеру Вилгему такой большой корабль. Улыбка не сходит с лица неугомонного путешественника. Как же, разве господа не слышали: он везет подарок самой королеве Великобритании! Королева обожает цветы, а что может быть прекраснее известных всему миру бразильских орхидей! Орхидеи станут лучшим украшением королевского сада в Кью...

Чиновники спускаются в трюм. Здесь сыро, темно, неуютно. С балок свесилась паутина. По углам шныряют огромные корабельные крысы. И весь пол заставлен корзинами. Любезный натуралист приказывает матросам вскрыть две корзины, которые стоят ближе к выходу. Там орхидеи.

— А в остальных корзинах ничего запретного нет? — спрашивают бразильцы.

— Что вы! — с обидой восклицает путешественник. — Даю вам честное слово англичанина и джентльмена!

Чиновникам неохота копаться в пыли. Они так хорошо, так приятно провели только что время там, наверху, в кают-компании. Таможенники нерешительно смотрят друг на друга.

— М-да... — тянет один из чиновников, — великолепные цветы...

— Но мы не уверены, можно ли вывозить их. В инструкции нет точных указаний, — говорит другой.

И они выжидающе смотрят на натуралиста. Тот раздумывает не больше мгновения. Генри Вилгем знает, как надо разговаривать с продажными чиновниками. Он просто молчит. Но солидная пачка денег легко и быстро перекочевывает из кармана натуралиста в карман таможенного надзирателя. И этот несложный «разговор» разрешает сомнения.

Только наверху, у трапа, чиновники вспоминают о своей ответственности и спрашивают в последний раз:

— Значит, вы везете только орхидеи? Чем вы можете поручиться?

— Даю вам честное слово англичанина и джентльмена! — с достоинством повторяет Генри Вилгем.

...Едва скрылась за горизонтом Бразилия, по палубе забегали матросы: они выносили из трюма корзины и подвешивали над палубой, чтобы спасти драгоценный

груз от прожорливых крыс. Только первые две корзины с прекрасными орхидеями — «украшением королевского сада в Кью» — были забыты в трюме.

В Ливерпуль навстречу Генри Викгему выехал специальный поезд. Здесь этот «джентльмен» уже никого не обманывал, и вскоре весь мир узнал, что англичане украли в долине Амазонки семьдесят тысяч семян вечнозеленой гевеи.

Когда это стало известно в Бразилии, имя Генри Викгема было публично проклято. Газеты называли «натуралиста» вором, мошенником, контрабандистом. Он, собственно, и заслужил все эти названия, но в Англии к щекотливому делу отнеслись иначе. Вор и контрабандист был награжден высоким титулом. Теперь он был уже не просто мистер Викгем, но... баронет Генри Александр Викгем.

А гевея, украденная «баронетом», поступила на попечение директора королевского сада Джозефа Гукера. Из семидесяти тысяч только две тысячи восьмьсот семян дали всходы. Две тысячи саженцев удалось после многих приключений доставить на остров Цейлон. Там за них взялся сэр Солсбери. Саженцы гибли неизменно, но двадцать две гевеи все же выросли. Эти двадцать два дерева и положили начало плантациям Малайи, Индонезии, Вьетнама...

Как видите, история огромных плантаций, дающих ныне около девяноста процентов мировой добычи каучука (не считая нашего, советского), началась с обыкновенного воровства.

Степан Петрович Спирин закончил свой рассказ. Глядя на молодых спутников, он добавил:

— Вот с чьими потомками мы имеем сейчас дело. И об этом, повидимому, никогда не следует забывать.

Он откинулся на спинку сиденья и сосредоточенно молчал до конца пути. И только перед самым входом в советскую комендатуру сказал Карыну:

— Будем искать новые пути. Завтра же с утра вылетим самолетами: ты — в Мюнхенберг, в институт доктора Беме, а я — в Польшу, в Левенберг, где должен находиться институт Курта Рема.

ПИСЬМО С УКРАИНЫ

С утра шел дождь, и настроение от этого было особенно плохим. В решетчатое окно сквозь бесконечную подную пелену виднелась надоевшая статуя какого-то бронзового рыцаря. На каждом шагу торчали в Берлине эти до противности одинаковые памятники.

Спирин, сумрачно сдвинув брови, сидел за столом. Еще десять дней прошло, а к цели он был не ближе, чем в первый день. Курт Рем — на юге, у американцев; доктор Иоганн Беме — на севере, у англичан. Поездка в Польшу, в Левенберг, где находился институт Курта Рема, ничего не дала; посещение Мюнхенбергского института доктора Беме также осталось безрезультатным. И там и там — груда разрушенных зданий...

Обер-лейтенанта Барденвертера и изменника Якова Кишкина увезли те же американцы. А неуловимый инженер Отто Ключер затерялся «где-то в Германии».

Спирин поднес к глазам листок с милым сердцу советским гербом на печати. Снова — который уж раз! — прочитал текст и снова ничего не понял.

Харьковский институт социалистического земледелия сообщал, что семена (влажность такая-то, абсолютный вес такой-то, всхожесть такая-то) относятся к виду... обыкновенного одуванчика. А ведь речь шла о таинственной далемской находке Карына — о семенах, завернутых в клочок американской газеты.

Чего угодно ждал Спирин, посылая семена на анализ, но только не этого! Почему одуванчик? Зачем понадобилось немцам, а вслед за ними и американцам возиться с этим никому не нужным сорняком? Непонятно.

Взгляд Степана Петровича упал на свежий номер «Комсомольской правды». С первой полосы задорно улыбался молодой русоволосый паренек. Знакомое лицо... Спирин прочитал текст под портретом:

«Сталевар Петр Серёгин закончил выполнение годовой нормы и занял в социалистическом соревновании первое место по области...»

Спирин снова посмотрел на улыбающееся лицо Петра Серёгина и погрузился еще больше. «Выполнил сталевар свое обещание, — подумал он, — а мы что делаем? Толчемся на месте, когда все советские люди делом заняты».

..Линю бронзового рыцаря прошел советский солдат. Спирин залюбовался им: широкоплечий, высокий, могучий; в развевающейся плащ-палатке, с автоматом на широкой груди. Сухопарый тевтон на пьедестале казался подростком рядом с ним. Легко перешагивая через многочисленные лужи, богатырь неторопливо двигался под дождем прямо к дому.

«Должно быть, ко мне направляется», подумал Спирин. Он уже привык к дружеской поддержке всех советских людей, окружавших его. Солдаты, офицеры, генералы — каждый, кто узнавал о его поисках, стремился помочь. Солдатская молва о человеке, который ищет в Германии следы чудесного одуванчика, разошлась от Вислы до Эльбы...

— Разрешите войти!

Под плащ-палаткой оказалась гимнастерка, от плеча до плеча украшенная орденами и медалями. Пшеничные усы, по-гвардейски закрученные вверх, и улыбочные голубые глаза дополняли облик богатыря-солдата. Впрочем, вошедший не был рядовым.

— Гвардии старшина Макрушенко, — тут же отрекомендовался он густым басом. — До войны жил в селе Вертуны на Черкасщине. Ох, и гарно село!

Спирин сразу насторожился и начал слушать с исключительным вниманием. А гвардии старшина все так же обстоятельно и неторопливо продолжал свой рассказ. Работал он механиком тракторной бригады. Много раз приходилось ему готовить почву под кок-сагыз. («Краше нашего кок-сагызу нигде не було!») Потом война. Воевал под Сталинградом, форсировал Днепр, освобождал Варшаву, брал Берлин. Как все!

А дома у него в селе — жинка с дочерью. Хорошая такая дочка, Галочка. Ох, и певунья! С самого июня 1941 года не видались. А недавно письмо от нее пришло, очень интересное письмо. Тут как раз их взвод послали в Бишдорф («Порядок мы там навели полный!») — и старшина узнал об ученом, который интересуется кок-сагызом. Вот он и отпросился у командира танковой бригады на денек, да и приехал из Халле в Берлин...

И на столе появился помятый конвертик, склеенный из тетрадной бумаги в клеточку, — письмо с Украины.

«Здравствуй, наш любимый и сердечный, перелетная ласточка наша, папочка наш дорогой!

Получили письмо от тебя из Неметчины. Радости-то было! Приезжай скорей домой! Мы будем готовиться к твоему приезду. Мы живем хорошо. Теперь уже поспели ягоды — вишня, черешня, смородина, скоро будет свежая картошка, огурцы, помидоры, кавуны. Все цветет у нас. Самое хорошее время!

Приезжай скорее! Мамка говорит: польем винца, отпразднуем Победу. А мы заспиваем с тобой, как прежде. И работа в колхозе для тебя есть, такая же, как до войны. Кок-сагыз мы уже посеяли, двадцать три гектара.

Гитлер его у нас хотел забрать. Приезжал в Вертуны один эсэс, заставлял колхозников семена собирать, а мы вместо кок-сагыза кульбабу им подсунули, не отдали наш кок-сагыз! Вернешься — все тебе расскажем подробно.

Комендант стоял в нашей хате. Противный, толстый такой, на всех «шнеллер» кричал. А как пришли наши, он ночью в одних сподниках на улицу выскочил. Только его все равно поймали.

После я нашла в хате сумку коменданта. В ней лежали разные немецкие бумаги, и среди них — приказ наполовину по-русски. Петька Кожемяка говорит: наверное, от того черного эсэса. Мы всё отдали командиру, а этот приказ решили тебе послать — может, ты найдешь того эсэса в Неметчине...»

— У вас есть этот документ? — быстро спросил Спирин.

Старшина Макрушенко расплылся в улыбке:

— Я ж казав: гарна дивчина моя Галка. Есть немецкий приказ, прислала дочка!

Он вынул из нагрудного кармана гимнастерки аккуратно свернутый вчетверо лист плотной бумаги. Наверху красовался фашистский герб — хищный черный орел. Под ним — отпечатанный на машинке текст, вернее — два текста: слева — по-немецки, справа — по-русски.

«Коменданту села Вертуны, обер-лейтенанту Краузе.

Немедленно приступайте к посевам кок-сагыза на площади 15 гектаров. Семена получите в Черкассенбур-

ге, в отделении Особого совета по растительному каучуку. Строго следите за крестьянами, чтобы посевы были произведены качественно и в срок. В случае саботажа — расстреливать. Лучшие семена приготовьте и упакуйте для отправки в Германию. Об исполнении доложить не позднее 15 декабря с. г. Русский текст объявить населению.

Шифр отчета — обычный. Адресуйте мне в Дрезден, Радобойль, Мориц-Гартенштрассе, 3.

Хайль Гитлер!

Инженер-капитан Ключер».

Несколько секунд Спирин молчал, погруженный в раздумье. В глубине души уже зрела уверенность в победе, но он еще сдерживал себя, боясь, чтобы не пришлось потом разочаровываться. Адрес Ключера у него теперь есть — маленький городок Радобойль, возле Дрездена. С самого начала — в нашей зоне. Очевидно, он и сейчас отсиживается там, думая, что никто не знает о нем.

Здесь — все в порядке. Но семена... Неужели возможна такая удача! Спирину вспомнились темный тайник в угловом подвале, грязные ящики с хламом и... надпись, которую удалось разобрать на одном из них: «Гор. Халле, Бишдорф, обер-лейтенанту Барденвертеру. Обратный адрес: Черкассенбург, деревня Вертуны».

Глаза Степана Петровича потеплели. Он шагнул к старшине и неожиданно заключил его в крепкие объятия:

— Друг ты мой дорогой! Ты скажи своей Галке, всем колхозникам скажи: великое дело они сделали! Не только от гитлеровцев уберегли нашу ценность, но и еще кое от кого.

НА ГЛУБИНЕ ЧЕТЫРЕХСОТ ШЕСТИДЕСЯТИ МЕТРОВ

Отто Ключер кончил бриться и с удовольствием посмотрелся в зеркало. Улыбнулся: он отнюдь не похудел, попрежнему хорош собой, и вообще в это страшное время нельзя выглядеть лучше. Это была великолепная

идея — скрыться в маленьком городке, где никто не знает его, в вилле, купленной перед самым концом войны. Все обстоит чудесно!

Он облачился в превосходный вечерний костюм и привычным жестом покрутил свои холеные усики. Внизу хлопнула дверь, послышались торопливые шаги по лестнице.

— К тебе можно, Отто?

Вошла жена — полная улыбающаяся дама с пышным рыжим коком на голове. В руке ее был серый листок — телеграмма, долгожданная телеграмма из Берлина! Ключгер пырвал ее, поднес к глазам:

«Сегодня вечером буду Радобойле тчк Со мной едут заинтересованные лица тчк Макс».

Ключгер дважды перечитал текст. Самодовольно прошелся по комнате. Остановился рядом с женой и, покачиваясь с каблучков на носки, с расстановкой заговорил:

— Ты понимаешь, что это значит? Хо-хо! Я не завидую теперь своим коллегам, которые скитаются в Тюрингии или в Баварии без крова, без гроша... А ко мне приезжают, со мной хотят иметь дело!.. Я не бросил сокровищ, не поддался общей панике, остался здесь... О, к нам теперь поплывут доллары!

И в кокетливой вилле Ключгеров начались спешные приготовления к приему гостей. Над письменным столом появилась извлеченная откуда-то фотография в рамке: осенний украинский пейзаж, хатки, сникшие тополя, журавль над колодезем.

— Пусть видят, — сказал Ключгер, — что имеют дело с настоящим крупным специалистом по России.

Затем жена с двумя служанками кинулась наводить порядок в доме, а «специалист по России» сел за стол, придвинул к себе лист гладкой бумаги и принялся писать. Документ этот, к счастью, не попал к тем, кому предназначался, и мы можем ознакомиться с ним:

«В октябре 1942 года я, обер-инженер Отто Ключгер, был по распоряжению генерала фон-Кюна переведен в высшую команду войска. Меня назначили в группу по растительному каучуку. Мне было передано командование автомобильным парком (десять легковых и восемь

десять грузовых машин), а также воинской частью (пять военных чиновников, шестьдесят служащих особого поручения, семьдесят — сержантского и рядового состава).

Группа по производству каучука имела в Вартегау, Польше, Восточной Силезии и прибалтийских провинциях приблизительно 10 тысяч гектаров под кок-сагызом. Более точных данных я, к сожалению, не могу дать, так как все акты вместе с моей легковой машиной были уничтожены во время танкового сражения под Брюксом. Но эти данные мы можем легко получить от капитана фон-Ваккербарта или от обер-лейтенанта Барденвертера.

В феврале 1945 года в связи со всеобщим отступлением немецкой армии была принуждена отходить и наша группа. Капитан фон-Ваккербарт с некоторыми офицерами и военными чиновниками отбыл в южную Германию. Я как единственный оставшийся старший офицер получил поручение: отправить в тыл все запасы в семенах, лабораторное оборудование, автомашины.

Это поручение я начал выполнять в Левенберге, в институте Курта Рема, 1 февраля 1945 года. Однако из-за дальнейшего развития военных действий мне пришлось оставить и это служебное место. Оборудование не удалось вывезти, но весь запас семян (приблизительно 7 тонн) я перевел в соляные копи у города Штасфурт, где они были заложены в недействующей шахте, на глубине 460 метров под землей. По письменному заявлению двух профессоров университета в Халле, семена там берегутся хорошо, им не грозит никакая опасность потерять свои качества.

Обер-инженер Отто Клюгер».

Он поставил свою затейливую, с многочисленными завитками подпись как раз во время: в дверь постучали. Они пунктуальны, эти янки! Приподняв стекло на письменном столе, Клюгер подсунил под него заготовленный документ. Так он выглядит лучше всего: заметно, но скромно и не назойливо. За эти сведения он сумеет потребовать целое состояние!

Стук повторился. В кабинет заглянула жена — она уже вырядилась в свое парадное бархатное платье и надевала все драгоценности, какие имела.

— Они приехали, Отто!

— Еще бы! — Он подмигнул ей и бросился встречать гостей.

Он весело бежал по лестнице своей нарядной виллы, преуспевающий «специалист» по драгоценному каучуку и по загадочной России, обладатель сокровищ и целого состояния — обер-инженер Отто Ключер.

Он заглянул мимоходом в большое зеркало, смахнул пушинку с блестящего фрака и, придав лицу многозначительно-серьезное выражение, распахнул дверь.

Перед ним стояли двое мужчин: среднего роста, сухощавый штатский и чуть позади него — советский лейтенант.

...В машине Ключер молчал, молчал долго и упорно, до самого Штасфурта. Это был обычный маленький немецкий городок — бесцветное сборище скучных каменных коробок. Впрочем, «оппель» задержался здесь ровно на столько, сколько нужно было, чтобы разыскать герра Энделя, Теодора Энделя — главного инженера соляных копей.

— Вы не откажетесь показать нам копи? — осведомился Карын, войдя к нему в дом.

Герр Эндель неприятным, хриплым голосом ответил, что соляные копи он, разумеется, знает, но что вообще он не любит ездить и предпочел бы послать кого-нибудь вместо себя. Карын внимательно посмотрел на главного инженера. «Хриплый, неприятный голос!» пронеслось у него в голове, и он решительно сказал:

— Однако ваша нелюбовь к путешествиям не помешала вам съездить в Берлин и бродить там... в аллеях Далема.

Эндель вздрогнул и без возражений стал собираться в путь.

Увидев в машине «скучающего» Ключера, этот рыжий долговязый детина издал удивленный возглас... Они даже забыли поздороваться. «Оппель» двинулся дальше, и всеобщее молчание продолжалось.

«Блестящий» Отто Ключер все еще не мог опомниться. Как это могло случиться? Нежданные гости сразу вошли в дом. Марта онемела и, вместо того чтобы отвлечь внимание, начала делать книксены и скалить зубы. Впрочем, он все равно не мог бы попасть в кабинет без них.

А этот сухошавый, войдя туда, с видимым удовольствием разглядывал украинский пейзаж и сказал: «Знакомые места. Если не ошибаюсь, село Вертуны». Отпираться было нечего. Вдобавок, еще этот документ на видном месте, под стеклом. Русский с тем же удовольствием ознакомился с помощью переводчика с текстом, а Ключегу пришлось сказать: «Я собирался идти с этим в советскую комендатуру». Затем уже в Штасфурте, узнав, что он хорошо владеет русским языком, штатский отправил своего лейтенанта-переводчика обратно, в Радоболь. Очевидно, догадался, что он ждет кого-то... Что же теперь делать?

Так размышлял «специалист по России», а между тем машина уже подъезжала к шахте. Вход в нее напоминал амбразуру отвратительного железобетонного дота. Сходство это усугубляли сожженный танк и опрокинутая зенитка, все еще валявшаяся у шоссе. Серое небо нависло над серым ландшафтом, тяжелые тучи упорно скрывали солнце.

Спирин обратился к шоферу не громко, но достаточно внятно для того, чтобы Ключег мог услышать:

— Ваня, подождешь меня здесь. Если долго задержусь... слишком долго, сообщишь кому следует.

— Есть!

Шахтная клеть стремительно понеслась вниз. Двое немцев и Спирин молча вышли из нее на глубине четырехсот шестидесяти метров под землей. Рыжий молчаливик прохрипел что-то на немецком языке, и Ключег с готовностью перевел:

— Нам надо пройти пешком около двух километров по узкой колее. Движение нарушено. Эндель спрашивает: что прикажете делать?

— Итти вперед, — ответил Спирин.

Главный инженер включил рубильник, и шахта осветилась. Стены, потолок, пол — все сверкало, переливалось, искрилось мириадами бриллиантов: это была соляная шахта. Причудливые сталактиты свешивались с потолка, образуя в иных местах сплошные кристаллические колонны до самой земли. Это было очень красиво!

Вправо уходил длинный узкий коридор, и лампы, горевшие в нем метрах в тридцати одна от другой, сотни раз отражались в прозрачных сводах. Вдоль штрека уз-

кой легкой протянулась колея подземной дороги. Сюда и направились путники: впереди Эндель и Ключер, следом за ними Спирин.

Он с интересом оглядывался по сторонам. Ученый сразу понял, что попал в государственный тайник фашистской Германии. От главного штрэка вправо и влево ответвлялись многочисленные ходы. Они вели в помещения, заставленные ящиками, мешками, машинами, станками...

Рыжий инженер снова произнес что-то на своем языке. Ключер поспешно перевел:

— Здесь находится картинная галлерей Магдебурга. Мы укрыли ее от бомбардировок. Может быть, вы желаете посмотреть?

— С удовольствием... На обратном пути, — ответил Спирин. — А здесь что?

И он шагнул к ответвлению, ведущему в противоположную сторону. После короткого замешательства Ключер сказал:

— Герр Эндель говорит, что там нет ничего интересного. Стоит ли терять время?..

Но Спирин уже входил туда, где «нет ничего интересного». Он откинул тяжелую штору, осветил стену своим фонариком, включил рубильник и... попал на завод. Да, это был огромный подземный завод авиационных моторов. Ровными рядами стояли станки, зал пересекала длинная лента конвейера, и казалось: откинись сейчас занавеси с окон — солнечный свет заиграет на блестящих деталях. Но завод был на глубине четырехсот с лишним метров под землей...

— Вы напрасно говорили, что это неинтересно, — сказал Спирин.

Он думал в это время о том, что фашистам не помогли все эти подземные заводы, вся хваленая техника — и «тигры», и «фердинанды», и ракетные «фау». И гордость, великая гордость за свой народ поднималась в нем.

Они свернули в сторону от главного штрэка. Эндель опять включил рубильник, и электричество осветило новый коридор. В нем не было рельсов, но очень часто встречались ниши, заставленные всевозможными вещами.

Клюгер быстро сказал что-то Энделью. Тот кивнул: «Яволь». Клюгер тихо добавил что-то. Снова: «Яволь». Клюгер повернулся к Спирину:

— Эндель говорит, что мы скоро будем у цели.

— Хорошо, — ответил Спирин.

Они подошли к нише, и оба немца кинулись к ней с плуменными возгласами. Виднелись следы пожара. Черная копоть покрывала всю нишу. На земле валялись обгоревшие остатки каких-то предметов. Оба быстро заговорили по-немецки, и Клюгер перевел:

— Эндель говорит, что давно не был здесь. Очевидно, это дело рук заключенных, работавших под землей. Все погибло!

В этот момент «специалист по России» умолк, увидев направленный на него браунинг.

— Их шпрыхей дейч, — с расстановкой заговорил Спирин. — Я все слышал и все понял: и то, как вы уговаривали герра Энделя обмануть меня, и то, как он выразил согласие на это...

Спирин говорил на чистом немецком языке. Не зря он, оказывается, так долго скрывал от всех это свое умение — теперь эффект от его слов был великолепен.

— Мне не нравится ваша неискренность, господа, — продолжал Спирин. — Вы немедленно поведете меня туда, где скрыт кок-сагыз...

Так закончилась победой миссия, которую приняли на себя ученый-биолог Спирин, молодой лейтенант-энтомолог Карын, старшина Макрушенко и многие другие советские люди.

Представители великого государства, они искали и нашли то, что принадлежит нашей Родине!

В соляной шахте, на глубине четырехсот шестидесяти метров и на расстоянии двух километров от главного входа, было обнаружено семь с половиной тонн семян кок-сагыза. Они лежали в мешках с этикеткой «Reichsführer SS». Один из таких мешков, весом в девятнадцать килограммов, Степан Петрович Спирин тут же взял с собой из шахты как образец.

...К уютной зеленой вилле Клюгеров с остроконечной черепичной крышей одновременно подъехали два автомобиля: «копель» и «джип». Первым из маленькой темной машины вышел Спирин и с подчеркнутой вежли-

востью помог выбраться своему спутнику. В руках у Клюгера был мешок с семенами кок-сагыз. И лишь после того, как Клюгер направился со своим драгоценным грузом к дому, Спирин «заметил» наконец застывших от изумления американцев.

— Хелло! — приветствовал он их. — Мистер Джефферсон, мистер Уиллер, рад видеть вас гостями в Советской зоне. И вас также, герр Вульман.

Он подошел поближе к «джипу» и, глядя прямо в глаза немецкому доктору, продолжал:

— Герр Эндель, Теодор Эндель из Штасфурта, много интересного рассказал мне о ваших прогулках по аллеям Далема и об образце, который вы так опрометчиво потеряли там... Я не стану приносить вам своих извинений, но этого ни вы, ни ваши новые хозяева не получите!

Вульман отвел глаза в сторону. С его лица точно резинкой стерли привычно любезную улыбку. А Спирин повернулся к американцам:

— А к вам, джентльмены, у меня только одна просьба: очень прошу вас сообщить, привился ли на американской почве вывезенный вами из Бишдорфа... обыкновенный одуванчик? Куль-ба-ба.

Майор Джефферсон уставился на лейтенанта Уиллера, Уиллер — на Джефферсона. Бульдожья челюсть дрогнула и поползла книзу. Сигара выпала изо рта...

И тогда белобрысый шофер-сержант, который не был дипломатом, откровенно захохотал.

О «СНИЦЕ» В РУКАХ И О «ЖУРАВЛЕ» В НЕБЕ

Чем же вызван был столь горячий интерес американцев к скромному тянь-шаньскому одуванчику? Чтобы хорошо разобраться в этом, вам придется вспомнить историю и географию.

География несложна. Если вы возьмете карту и внимательно посмотрите на синие просторы Тихого океана, то очень быстро найдете несколько темных пятнышек рядом надписью: «Гавайский архипелаг».

Может быть, вы слышали об этих сказочных островах,

заброшенных в безбрежных просторах океана, за много сотен миль от материков? Лето там никогда не кончается, небо самое голубое на свете, в пальмовых рощах с утра до ночи щебечут невиданные птицы, а ананасы, дыковинные ананасы растут на полях, как у нас обыкновенная капуста. Аллен бананов и бурные водопады, плантации сахарного тростника и тапшественные вершины потухших вулканов — все здесь красиво и необычайно.

Но не ради красоты американцы захватили Гавайский архипелаг. Далеко отсюда — в Индийском океане, на каучуковых плантациях Индонезии и Малайи — добываются сотни тысяч тонн драгоценного каучука. Больше половины этой добычи идет в Америку. И ни один американский корабль по пути из Сингапура в Сан-Франциско не минует Гавайских островов. Кораблю нужен ремонт, котлам — запас топлива, команде — отдых. Гавайский архипелаг — это ключ к морскому пути из Америки в Азию.

Если теперь, зная об этом, вы снова взглянете на сказочные острова, то увидите многое такое, что укрылось от первого взгляда. Среди банановых аллей и пальмовых рощ притаились военные аэродромы; мимо водопадов и потухших вулканов протянулись гладкие ленты бетонированных шоссе. По ним бегут машины, много машин — «джипы», «студебеккеры». Они спешат к берегу океана, в Пирл-Харбор, что в переводе значит «Жемчужная гавань», а на самом деле означает крупнейшую военно-морскую базу США на Тихом океане.

Вот и вся география. Теперь начинается история.

Зимой 1941 года, когда на заснеженных полях Подмосковья решалась судьба всего мира, американцы и не думали воевать. 6 декабря, по приказу Генералиссимуса Сталина, советские войска перешли в наступление. Начался исторический разгром гитлеровцев под Москвой. Гавайские американцы в этот день пили виски, жевали свои резинки, дразнили зеленых полугаев. На сказочных островах было тепло и спокойно.

А через сутки, в ночь на 7 декабря 1941 года, страшный грохот разбудил спящих. Казалось, проснулись сразу все потухшие вулканы. Но старые горы были здесь ни при чем. Авиационные бомбы взрывались в гавайском

порту. Запылал Пирл-Харбор, пошли ко дну военные корабли. Высоко в небе зловеще выли моторы японских бомбардировщиков.

Так началась война между Соединенными Штатами Америки и Японией. И с первого же дня этой войны Америка была отрезана от Индонезии. Кончились регулярные рейсы океанских пароходов, груженных «черным золотом». Японцы господствовали на Тихом океане. В 1942 году они захватили и самую Ост-Индию — Малайю и Индонезию — со всеми плантациями гевей.

За океаном забили тревогу:

«На страну надвигается каучуковый голод!»

«От цветущего изобилия мы скатимся к нищете. Мы — нация без каучука!»

Чтобы избежать катастрофы, нужно было срочно искать выход. Американцы снова вспомнили заброшенные плантации Бразилии — родины вечнозеленой гевей. Агенты резиновых трестов и синдикатов ринулись, кроме того, в страны Центральной Америки — в Гондурас, Коста-Рику, на остров Гаити. Там ведь тоже может расти гевей! Медики начали разрабатывать прививки против желтой лихорадки и прочих тропических болезней, инженеры взялись изобретать машины для каучуковых плантаций, банкиры финансировали, дипломаты заключали новые международные соглашения — дело сдвинулось с места, но... Было во всем этом одно «но»: капризная гевей отказалась созревать за один год.

Вот что писал по этому поводу в июле 1942 года американский журнал «Технолоджи ревью»:

«Мероприятия Форда, Гудрича и других фирм по закладке плантаций гевей в долине Амазонки, на острове Гаити, в Гондурасе и Коста-Рике — все это даст плоды лишь в более далеком будущем.

Так, плантации Форда в Бразилии в 1941 году дали только 500 тонн каучука и смогут давать ежегодно по 7500 тонн лишь с 1950 года. Однако выходы каучука 1950 года не помогут нам воевать в 1942 году...»

Где же взять такое растение, которое даст «выходы каучука» не через десять лет, а в первый же год? Спешивым ученым Америки, которые упорно не замечали до сих пор советских достижений, пришлось срочно вспомнить о нашем кок-сагызе.

«Большое достоинство русского одуванчика, — сообщал в 1942 году журнал «Агрикультура и Америка», — заключается в том, что он может дать урожай в тот же год, в который произведен посев... В настоящий критический момент синица в руках дороже журавля в небе. А плантации гевен в Индонезии и Малайе, несомненно, являются «журавлем» в небе...»

Японцы захватили эти богатые земли. Теперь они грабили малайцев и индонезийцев. А «бедным» американским империалистам, которые привыкли загребать жар чужими руками, некого стало грабить. И вот они согласны уже признать ваш кок-сагыз скромной «синичкой», которая может, мол, в крайнем случае заменить недостижимого «журавля» — гевею.

Но идет время, и все больше появляется в печати высказываний о «русском одуванчике». Месяца два потребовалось бы вам только на то, чтобы перечитать все книги, журналы, газеты, брошюры Англии, США, Канады, Индии, Австралии, Новой Зеландии и других стран, в которых писалось о кок-сагызе.

«Каучук кок-сагыза отличается высоким качеством, выдерживая сравнение с каучуком гевен», признает в 1943 году нью-йоркский журнал «Раббер эйдж».

Вскоре в газетах многих стран появляется сообщение о том, что, «по мнению представителей фирмы Гудрич, каучук из русского одуванчика равноценен лучшим довоенным сортам каучука с индонезийских плантаций».

А колоннальный «Индия раббер джорнал» совсем откровенно пишет в 1944 году, что «для Новой Зеландии кок-сагыз является наиболее подходящим растением, с высококачественным каучуком...»

Вот они и признали наконец, что скромная «синичка» ничуть не хуже заморского «журавля». И слава о ней взвилась в поднебесье, облетела весь земной шар.

Мир узнал о кок-сагызе!

...На этом можно было бы закончить наши занятия историей и географией, но остался еще один нерешенный вопрос: почему же майор Джефферсон и лейтенант Уиллер охотились за «синичей» летом 1945 года, когда японцы были уже изгнаны из Ост-Индии и «журавль» спустился с небес на землю?

Я думаю, на этот вопрос ответит каждый.

Потому что «майоры джефферсоны» и те, кто их послал, не считали минувшую войну последней. Они мечтали заполучить «синицу» в руки во избежание будущих неприятных «неожиданностей» с каучуком. Уже тогда они начали готовиться к новой войне.

СИЛА НАРОДНАЯ

А у рассказа про кульбабу есть еще продолжение.

В конторе колхоза «Заветы Ильича» зазвонил телефон. Говорили из Черкасс:

— Семена кок-сагыза вам нужны?

— Трофейные? — поинтересовался Сергей Иванович Кожемяка.

— Да, немецкие. Наши войска нашли около семи тонн... Как, возьмете?

— Нет, увольте, — лукаво усмехнулся Сергей Иванович. — «Оппель» трофейный, так и быть, возьмем, а семян не треба, обойдемся... Это ж кульбаба!

И «дид», помолодевший после освобождения лет на двадцать, снова улыбнулся, вешая трубку. Вертуновцы действительно могли обойтись без «подозрительных» трофейных семян. Секретная плантация помогла.

Когда фашисты были изгнаны из села, Сергей Иванович, а с ним Галя, Петька и другие пионеры повели всех колхозников к лесочку, где кончалась сплошь засоренная кульбабой плантация. Придя к ложбинке за кустами, люди так и ахнули от удивления: здесь скрывались чисто выполотые, по всем правилам обработанные два гектара кок-сагыза.

— Ждали мы нашу армию, — сказал Кожемяка, — вот и очистили с ребятами этот участок. Колхозу будет чем сеять...

Но что же было с привезенными семенами?

Тогда еще наука не знала способа, как отличить семена кок-сагыза от семян кульбабы. В виде растения — пожалуйста, а вот в виде семян — никто не умел. Лишь в 1945 году Харьковский институт социалистического земледелия нашел этот способ. И что же выяснилось?

Шестьдесят процентов трофейных семян оказались

кульбабой. А ввиду того что они были безнадежно перемешаны с совсем небольшим количеством семян настоящего кок-сагыз, не годными для посева оказались все сто процентов украденных у нас семян.

Степан Петрович Спирин и все, кто помогал ему, сделали великое дело. Они сохранили государственную тайну, когда нашли и вывезли из Германии мешки с надписью «Reichsführer SS». Это необходимо было сделать. Даже из нескольких кок-сагызных семян могли немецкие фашисты и прочие «джентльмены» развести когда-нибудь огромные плантации. Но для этого потребовались бы годы и годы. А в дни войны, когда фашистам особенно нужен был каучук, они не могли его получить.

Так еще раз подтверждена была победа непокоренных патриотов — колхозников Украины, Белоруссии, Смоленщины и других освобожденных районов страны...

Полвека назад одному ловкому английскому мошеннику удалось обмануть целую страну. Против него были армия, флот, полиция, таможенные чиновники, местные власти, правительство. И все же Генри Виггем украл в Бразилии семена гевей. «Журавль» улетел в заморские страны.

Почему?

Вспомните: Виггем вывез семьдесят тысяч семян. Это не пустяк, в карман не спрячешь, в один день тоже не соберешь. Тысячи людей — индейцев и негров — знали о темных делах «туриста». Но никто и не подумал мешать ему. Замученным рабам не было дела до вечнозеленой гевей. Пусть бы хоть ее вырубili — может, легче тогда было бы им жить.

Каучук не принадлежал народу — народ не поднялся на его защиту.

Гитлеровским «туристам» не надо было прятаться и скрываться. Они пришли на Украину как завоеватели. Пушки, танки, авиация, бронепоезда были в их руках. Армия и полиция, таможенные чиновники и отборные эсэсовцы защищали их. Но кок-сагыз они все равно не сумели взять...

Сотни тысяч советских людей поднялись на защиту своего достоинства, того, что в СССР принадлежит всем!

Они были безоружны — старики, женщины, дети русских, украинских и белорусских сел, — но в руках народа, любящего свою Родину, преданного делу партии Ленина—Сталина, даже пушистая кульбаба может стать могучим оружием.

Ибо нет на свете силы большей, чем сила народная!

Глава шестая

НАРОД-УЧЕНЫИ

ПОДАРОК ФРОНТУ БОВЕОИ

Приезжий внимательно читал стенгазету, повешенную прямо на изгороди палисадника. Вернее, не стенгазету, а «Боевой листок» — небольшой, исписанный чьей-то торопливой рукой.

Время было военное да вдобавок еще весеннее — самые напряженные дни в колхозе. Первый сев после изгнания врагов: всего три месяца назад гитлеровцы топтали еще эту землю.

Некогда было особенно украшать и разрисовывать стенгазету. Впрочем, глаза приезжего и не искали ярких рисунков.

«Вот наши ударники, — читал он небольшую заметку, — которые, по примеру Петра Кожемяки, трудятся по-фронтовому на конной пахоте:

пахари — Ермаков В. и Сашин Я.;

бороновщики — Дементьев П. и Гриценко А.

Честь и слава передовым!»

Из конторы колхоза вышел невысокий кудрявый паренек в гимнастерке с орденскими ленточками. Опираясь на костыль, он ловко сошел с крыльца и двинулся к приезжему. Как все авторы, комсомольский секретарь колхоза Харитон Левченко был самолюбив и с удовольствием отметил, что гость заинтересован его детищем. Только вчера он вывесил этот номер «Боевого листка».

— Куда теперь направимся, Иван Гаврилович? — спросил Харитон. — Может быть, вы отдохнете все же с дороги?

— Отдыхать после победы, — коротко отозвался приезжий, — а сейчас в поле! С народом надо поговорить. И прежде всего веди меня к Петру Кожемяке.

Пашня колхоза «Заветы Ильича» чернела жирными пластами вывернутой земли. Рокошными тракторами управляли краснощекие девушки-трактористки. Женщины в ярких косынках орудовали на прицепах. Седобородые деды работали на конных сеялках. Мальчишки были за ездовых. Воду и горючее для тракторов подвозили девочки. Не видно было только молодых мужчин...

— Он что, хорошо работает, этот Петр Кожемяка? — не останавливаясь, спросил Иван Гаврилович.

— Еще как! — весело откликнулся Харитон Левченко. — День в день нормы перевыполняет чуть ли не вдвое. Никто за ним угнаться не может!

— Добре! — сказал гость.

У края поля, где работали пахари и бороновщики, они остановились. Здесь и состоялось знакомство. Самый маленький из работников отделился от остальных. Откуда-то снизу на гостя глянули бойкие глаза. Курносый, усыпанный веснушками нос, широкий ворот фуфайки вокруг худенькой шеи, большие, не по росту, сапоги — это был настоящий «мужичок с ноготок».

— Здравствуй, Петр Кожемяка! — серьезно сказал приезжий. — Можно тебя от дела оторвать?

Как и полагается «мужичку с ноготок», мальчик степенно протянул руку и, стараясь говорить басом, ответил:

— А чего ж, можно! Только недолго: мы решили сегодня закончить пахоту.

Крепко пожмая руку своему новому знакомому, мужчина внимательно посмотрел на него, потом улыбнулся и неожиданно спросил:

— А лет тебе сколько?

— Тринадцать, — с видимым неудовольствием «пробасил» знатный пахарь.

— Ну, это ничего, — сочувственно отозвался гость, — это пройдет. По всему видно: подрастешь!

Совсем по-детски улыбается Петька. А Иван Гаврилович, глядя на пашню, спрашивает серьезно:

— Здесь у вас кок-сагыз будет?

— Ясное дело, кок-сагыз.

Гость наклоняется к земле, внимательно смотрит, перебирает пальцами жирные комки. Наконец поднимается:

— Жаль, конечно, что не с осени вспахано — Гитлер не дал. Научная агротехника строго запрещает по весновспашке кок-сагыз сеять. Но на этот раз с нарушением придется примириться: иного выхода у вас не было. А поработали вы на славу — хороша почва, чиста!

— Так кульбабы у нас теперь нету, — лукаво вставляет Петька. — Ее всю Гитлер на тот свет забрал.

Теперь смеются все. Только Петька сохраняет полную серьезность. Будто не он шутил, будто не его словам смеются люди. Он выжидающе смотрит на приезжего, и тот переходит прямо к делу:

— Ты о гнездовом севе слышал?

— Какой гнездовой? — удивляется мальчик.

Воцаряется тишина. Иван Гаврилович достает газету из бокового кармана, неторопливо разворачивает ее. Петьке видны сперва только крупные буквы: «ПРАВДА». Под ними число: «17 апреля 1943 года». Иван Гаврилович опускает газету, и знатный пахарь читает заголовок: «Ручной гнездовой посев кок-сагыза». Под заголовком мелкими буквами напечатано: «Академик Т. Д. Лысенко».

— Совсем по-иному будем теперь сеять, — говорит приезжий.

...Часа через три Иван Гаврилович уже далеко от колхоза «Заветы Ильича». Он расположился на завалнике у Худяковской школы. Ребята обступили приезжего со всех сторон.

— Это очень просто, — говорит он. — Ну, для начала возьмите десять квадратных метров земли...

— Так мало? — удивляется Грицко Середа.

— Совсем не мало! — объясняет Иван Гаврилович. — Если вы посеете, как учит академик Лысенко, то у вас каждое гнездо даст самое малое сто граммов корней. Понятно?

— Понятно! — отвечают ребята.

— А всего вы соберете столько корней, что вашей резины на большой военный автомобиль хватит или на «катушу»!

Ребята не сводят с него сияющих глаз. В этот момент неподалеку начинает трещать мотор и из кабины высывается голова шофера:

— Карбюратор в порядке, можно ехать дальше!

Иван Гаврилович успевает достать мешочек из необъятных карманов плаща, отсыпает в бережно сложенные ладони Грицко горсть семян и, уже сидя в машине, кричит:

— Заеду к вам еще! Покажете свои результаты!

— Обязательно!.. — хором кричат ребята.

Облако пыли скрывает машину. В Черкасском районе много таких колхозов, как «Заветы Ильича», таких ребят, как худяковские пионеры. Надо всех повидать, со всеми поговорить: ведь даже случайная остановка из-за испортившегося карбюратора может принести пользу. Грицко Середа обязательно посеет кок-сагыз гнездами, и не десять квадратных метров, а больше! Иван Гаврилович не сомневается в этом.

Но самое главное: все посеянные семена дадут ростки, ростки обязательно пробьются к солнцу, и все квадратные метры кок-сагыз обязательно принесут богатый урожай. Потому что кок-сагыз посеян гнездами...

Что же это за удивительные гнезда?

Помните, во что превратилась вертуновская плантация за один год немецкой оккупации, когда гитлеровцы

никого не подпускали к ней? Кок-сагыз и не видно было — сорняк заглушил его. Сорняки — кульбаба, пырей, осот — злейшие враги кок-сагыза. Слабый каучуконос не в силах бороться с этими сорняками. Чтобы он выжил, людям постоянно приходится помогать ему, руками выбирая сорные травы.

А при гнездовом посеве? В каждое гнездо кладут шепоть семян. Получаются как бы кучками, группками хорошие всходы. Растения так и развиваются все вместе — гнездом, букетом. Сорнякам никак не пробраться внутрь гнезда, кок-сагыз не пустит туда кульбабу, пырей, осот. А между гнездами, в широких междурядьях, люди легко уничтожат сорняки.

Избавленный от сорных трав, тянь-шанец будет расти не по дням, а по часам! Замечательное открытие академика Т. Д. Лысенко обеспечивает высокий урожай кок-сагыза и освобождает людей от тяжелого труда.

Кок-сагыз выращивают теперь все. Попытки занимаются целый район. В городе Черкассы каучуководами стали рабочие, никогда не сеявшие и не пахавшие, старички-бухгалтеры, учительницы музыки, инвалиды войны, маленькие школьники.

Город стал огромной лабораторией, где на сотнях грядок и участков проверяется предложение академика. Кок-сагыз заполнил пришкольные участки, он растет на огородах между редисом и морковью, он украсил даже маленький дворик райкома партии.

Разбирая самые сложные вопросы возрождения колхозного хозяйства, бюро райкома партии никогда не забывает поинтересоваться судьбой тянь-шаньского одуванчика. О его росте ежедневно печатаются сводки в местной газете. Пионерские звенья каучуководов соревнуются между собой, а самые древние старушки интересуются, нельзя ли завести чудесный тянь-шаньский цветок в горшках на окнах, вместо флоксов и герани.

Черкашане даже здороваются теперь по-особому.

— А, Тимофей Микитович! — приветствует старичок-бухгалтер своего соседа-плотника. — Как кок-сагыз у вас поживает?

— Неплохо, Семен Степанович, — с улыбкой отвечает тот, — не жалуемся. А ваш как?

— Цветет!

Однажды на двери Черкасского райкома комсомола появляется вывеска:

**ШТАБ
ПО СОДЕЙСТВИЮ
ВЫРАЩИВАНИЮ КОК-САГЫЗА**

Молодежь берет шефство над одной из самых юных сельскохозяйственных культур. И вот уже день и ночь в новом штабе не замирает жизнь. То и дело приезжают делегаты из дальних колхозов, совхозов и школ. Еще с порога они начинают шуметь:

— И мы гнездом хотим сеять! Что мы, хуже других!

По проселкам и по шоссе на дорогах Черкасского района ездят ученые, агрономы, опытные специалисты-каучуководы. У каждого в сумке, в кармане, в портфеле — заветный номер газеты «Правда» от 17 апреля 1943 года. Приезжает такой пропагандист нового дела в какой-нибудь колхоз, через полчаса в клубе (а если клуб разрушен — в любой хате) собирается народ. На стене появляются диаграммы, схемы, связки корешков, и люди с увлечением слушают рассказ приезжего о чудесном одуванчике с Небесных гор, который должен помочь народу в великой битве, и о замечательном открытии академика Т. Д. Лысенко, которое поможет расти кок-сагызу.

И так же, как секретари колхозных парторганизаций, побывавшие на бюро райкома, как комсомольцы, вернувшиеся домой из Черкасского штаба, как худяковские пионеры, услышавшие рассказ приезжего ученого, люди эти спешат в поле, чтобы посеять кок-сагыз так, как советует наша наука, — гнездом.

В Киеве происходит в это время интересная встреча. Может быть, впервые за все время встречаются два наркома, которым некогда прежде не приходилось сталкиваться по работе, — нарком просвещения Украины и нарком резиновой промышленности СССР. О чем беседуют они больше двух часов, мы не знаем. Но достоверно известно, что вскоре учителя и школьники Вертуновской, Худяковской и других школ Черкасского района получают телеграмму за подписью двух наркомов. Члены

советского правительства благодарят их за прекрасное начинание, желают успехов в дальнейшей работе и сообщают, что, по их почину, гнездовой посев кок-сагыза будут производить в фонд обороны Родины школьники многих других районов страны.

В фонд обороны Родины!
По способу академика Лысенко!

Эти слова произносили в те дни сотни тысяч колхозников, горожан, школьников. На колхозных полях, на пришкольных участках, на маленьких грядках городских огородов начинали свою жизнь автомобильные покрышки, самолетные и танковые резиновые шины...

Подарок фронту боевой —
Черкасская автопокрышка,
Чтоб дать врагу последний бой,
Чтобы скорей фашистам крышка!

Этот стихотворный лозунг увидел в Черкасском комсомольском штабе знакомый уже нам ученый Иван Гаврилович, когда вернулся из своей очередной поездки.

— Хорошо! — сказал он.

А комсомольцы уже тянули его к противоположной стене. Здесь красовалась на большом листе сводка «о ходе социалистического соревнования на пришкольных участках». Иван Гаврилович сразу нашел на разграфленном листе своих знакомых: «Худяковская школа — 187 квадратных метров». Да, это было побольше десяти!

— Не подвел Гришко Середа!

— Вы дальше читайте! — заторопили комсомольцы.

Длинный перечень школ — городских, сельских, средних, неполных средних, начальных. Он перевел взгляд на правую колонну листа: 100, 150, 200, 300, 400 квадратных метров! «Вертуновская школа — 645 квадратных метров!

— Ну молодцы! — только и мог сказать Иван Гаврилович. Он имел все основания быть довольным.

...Кажется, совсем недавно опубликовал Трофим Денисович Лысенко свою статью в газете «Правда». Тогда сразу же возникла главная задача: как можно скорее внедрить гнездовой метод посевов на больших площадях.

Ученые-мичуринцы, верные помощники академика

Лысенко, немедленно начали разъезжаться в разные концы страны. Они спешили туда, где решается судьба кок-сагыз, — на поля колхозов и совхозов. Среди этих посланцев нового был и Иван Гаврилович. Он вылетел на Украину, в Черкасский район.

Ученый летел в военном самолете. С высоты хорошо было видно на западе зарево пожарищ, очертивших линию фронта: лишь за три дня до того наши войска освободили Киев.

И, глядя на огни великой битвы, ученый думал о новой битве, которая предстояла ему: о битве за кок-сагыз. Он понимал, какая это огромная работа — за несколько месяцев перейти от небольшого опыта к массовому севу. Он хорошо знал, как трудно в такой срок научить новому делу сотни тысяч людей, знал, что придется проводить десятки собраний, совещаний...

С тех пор прошло совсем немного времени, а работа развернулась так широко, как он себе даже представить ранее боялся. Легко было работать! Коммунисты возглавили движение. Комсомольцы помогали на каждом шагу. Сотни агрономов стали добровольными пропагандистами нового способа посева. Весь народ поднялся на борьбу за каучук. И вот они, первые успехи!

Харитон Левченко, запустив руку в свою кудрявую шевелюру, обдумывал статью для очередного номера «Боевого листка». Заголовок он уже написал: «Победа там, где каучук!» Заголовок был хорош. Чистая бумага ждала текста.

«Надо будет написать о комсомольско-молодежном звене Сани Казаченко, — думал редактор, — указать, что девушки и с хлебом управились и кок-сагыз посеяли больше трех гектаров. Потом необходимо вспомнить о научном значении этого опыта: впервые в истории гнездовой посев, и сразу — в нашем колхозе. Потом надо будет отметить ценную инициативу Петра Кожемяки: мало того, что вспахал для девчат всю плантацию, еще пришкольный участок, лучший в районе, организовал...»

Стук двери прервал размышления редактора. В ком-

нату вошел Петька. Он тихонько подошел к столу, сдернул картуз и робко присел. Табуретка скрипнула, и он вздрогнул от этого звука. Куда только делась удаль смелого разведчика и солидные манеры знатного пахаря!

— Чего ты? — спросил Харитон.

Вместо ответа Петька вынул из кармана смятый листок в косую линейку и молча положил на стол. Это были стихи:

Раста на славу, каучук!
Ты дашь победу над врагам.
Лети, лети, от цвета пух,
На морду Гитлера с рогами!
И наш советский кок-сагыз
Удушит всех фашистских крыс!

Строгий редактор дважды перечитал Петькино произведение.

— Н-да... — протянул он наконец, — рифма у тебя, прямо скажем, слабовата: «сагыз — крыс» или «каучук — пух». Кстати, что это такое: «от цвета пух»?

Смущенный Петька засопел и совсем тихо пролепетал:

— Ну, от цветов, значит от семян, — он и есть пух...

— Н-да, — еще строже произнес Харитон, — есть ошибочки... Но это не беда. Зато чувство есть! Как там у тебя?

Он прошелся по комнате и, став в позу, с выражением декламировал:

И наш советский кок-сагыз
Удушит всех фашистских крыс!

Остановился возле маленького пахаря и добавил:

— Молодец! Честное слово, молодец! К зиме школу отстроим — снова будешь заниматься. Потом в институт тебя пошлем, выучишься — знаменитым, на всю страну знаменитым поэтом станешь! Право слово!.. Пойдешь учиться на поэта?

Но Петька будто и не слышал его слов. Он прилип к стеклу и, расплющив в кнопку курносый нос, смотрел во двор. Там красовалась под солнцем пришкольная «деляночка» — 645 квадратных метров. Посев был произведен

сопсом недавно, всходов еще не было, но на черной чистой земле хорошо выделялись ровные лунки кок-сагызных гряд. Петр Кожемяка впервые смотрел на дело своих рук вот так, со стороны, и немало гордился «каучуковым полем».

Оторвавшись наконец от окна, он задал комсомольскому секретарю совсем неожиданный вопрос:

— Харитон, верно это говорят, что Трофим Денисович, академик Лысенко, — крестьянский сын?

— Верно, Петя, — серьезно ответил Харитон. — Он с Украины, Трофим Денисович, с Полтавщины...

Петр Кожемяка снова повернулся к окну. Взгляд храброго разведчика и знатного пахаря был устремлен вдаль, мимо пришкольной делянки, мимо палисадника с «Боевым листком», мимо знакомой улицы со старым топolem в конце. И когда Харитон подошел к мальчику и обнял его за плечи, Петька не громко, но убежденно произнес:

— Буду учиться. Обязательно! Только не на поэта... Хочу быть, как Трофим Денисович!

ПРОФЕССОР КАБАЧНИКОВ

Ребята сразу невзлюбили профессора Кабачникова. Трудно даже сказать почему. Кабачников был аккуратный седенький старичок. Не злой, не грубый, наоборот — даже ласковый. Петьку Кожемяку он при первой же встрече погладил по голове и сказал что-то очень доброе, вроде: «Ах, какой хороший мальчик!» или «Милый ребенок».

Ясное дело, Петька вывернулся из-под профессорской руки и «пробасил», что он не маленький, в комсомол скоро будет вступать.

Но не это было, конечно, причиной недоброжелательства всех вертуновских ребят к приезжему гостю. Это еще можно было бы стерпеть. Но зачем профессор сокрушенно качал головой, глядя на пришкольный участок, и говорил, что здесь ничего, ну «совершенно ничего» не вырастет!

— Мы все сделали, как Трофим Денисович в газете описывал, — сказал Петька.

Старичок ласково улыбнулся, снова покачал головой и сказал так, будто речь идет о чем-то всем известном:

— Дорогие дети, я очень уважаю товарища Лысенко, но он стоит на неверной позиции. Этот участок не даст всходов. Гнездовой сев — это нонсенс, нелепость, абсурд!

Вот с этого момента и невзлюбили вертуновские ребята приезжего профессора.

Вскоре они узнали, что Кабачников приехал в Вертуны надолго. Он будет ставить здесь какой-то свой опыт. Будет выращивать кок-сагыз не так, как учит академик Лысенко, а совсем иначе...

— Ничего у него не выйдет! — сказал Петька.

Ребята молчали. Так-то оно так, а все-таки...

— Ведь он же профессор, — рассудительно сказала Галя. — Харитон говорил, что он консультант при этом... Глав-обл-упр-кауч-пром-раст...

Она запуталась в длинном названии и умолкла. И Петька молчал, не зная, что возразить. Кабачников действительно был профессором и консультантом при этом самом «Главпромкаучрасте». И все же что-то путал важный профессор — Петька был уверен в этом. Вот доказать только не мог.

— Все равно, Трофим Денисович прав. Увидите! А консультант этот... — Петька задумался. — Не может он быть правильным человеком, раз он с Костюком подружился. Костюк за хорошим человеком не увяжется...

Длинный Костюк действительно «увязался» за приезжим. Где белая толстовка Кабачникова, там обязательно стриженная голова Костюка. Трус хвалился какими-то огрызками карандашей, подаренными профессором, произносил всякие непонятные слова, услышанные от него, причем коверкал их и применял неважно.

— Мы с профессором контрежно докажем, что вы испириментально ошибаетесь, — важно тянул Костюк и, подражая Кабачникову, качал головой.

Впрочем, ребята не очень-то слушали его. Да и профессорскими делами они не слишком интересовались. Приехал — и приехал; будет что-то делать — ну и пусть делает. Но вскоре профессор развил такую бурную дея-

тельность, что не заметить его было уже просто невозможно.

Едва Кабачников появлялся в правлении колхоза, как сразу же начинал жужжать его назойливый голос. Чаще всего доносились слова: «самое лучшее, самое наилучшее».

Профессор потребовал «самую лучшую» землю для своего опыта и присмотрел себе грядочку в 30 квадратных метров в низинке у пруда, где всегда много влаги. Потом он попросил выделить в помощь «самых наилучших» каучуководов. Потом дай ему «высшего качества» удобрения. Семена он привез сам, тоже «наилучшие». И вот опыт начался.

Ребята нет-нет, да и поглядывали на профессорскую грядку. И выяснилось, что сев производился обычным, старым способом — так, как сеяли до войны. Что же это за опыт?

Вечером Петька спросил у деда:

— Зачем ты позволил этому профессору чепухой у нас заниматься?

Сергей Иванович улыбнулся:

— Ишь, какой шустрый: «чепухой»! Это еще доказать надо.

— А зачем ему землю выделили, люди помогают?

— Сложное это дело, — подумав, сказал дед. — Вот мы с тобой верим, что Лысенко прав, а иные сомневаются: не сеяли ведь никогда гнездом. Мы свой опыт ставим, профессор Кабачников — свой. Время покажет, кто прав.

А время шло, как ему полагается: не слишком быстро, не слишком медленно. В один прекрасный день Петька примчался к деду и, ни слова не говоря, потянул его на пришкольный участок. Гнезда кок-сагыза выбросили зеленые всходы. Весело и нарядно выглядела эта изумрудная поросль.

— А профессор говорил, что не будет всходов! — сказал Петька. — Кто же, выходит, прав?

Дед не успел ответить — в конце улицы показалась толстенькая фигурка Кабачникова. Он шариком катился по улице. Следом торопился вечной тенью Костюк.

Через минуту профессор подходит к делянке: прищу-

рившись, долго смотрит на листочки и... снова недоверчиво качает головой:

— М-да... Обман природы... Парадоксально!

— Выходы на редкость дружные, — негромко говорит дед Кожемяка, — давно таких не было.

— Дружные, вы говорите? — быстро возражает Кабачников. — Тем хуже, тем хуже. Все равно они погибнут!

И Костюк, приблизившись к Петьке, шепчет:

— Тем хуже... Погибнут! Мы докажем.

— Посмотрим, — зловеще произносит Петька и идет в сторонку, чтобы как-нибудь «нечаянно» не щелкнуть его по лбу.

Значит, опять оттяжка... Выходы не решили спора. Только время решит его... Грустно храброму разведчику и знатному пахарю. Очень грустно.

«Был бы здесь Трофим Денисович Лысенко или наш Иван Гаврилович, — думает Петька, — они бы задали им перцу!»

БУБЛИК И БУЛКА

— Погоди, Сергей Иванович, — спокойно говорит ученый, — не горячись. Пусть они выскажутся.

Дед Кожемяка, который порывается выступить и поднимает уже руку, ворчит недовольно:

— Нет, ты только послушай, Иван Гаврилович, что он говорит!

Идет совещание каучуководов.

На трибуне плотный бритоголовый мужчина в полувойенном френче — специалист из центра. В зале — колхозники, бригадиры, звеньевые со всех областей Украины.

— Нам приходилось сеять гнездами, потому что не хватало сеялок, — говорит оратор: — их уничтожили немецко-фашистские захватчики. Но сеялки скоро будут, и мы снова сможем сеять нормально...

— Как это «нормально»? — раздается из зала.

— Так, как сеяли до войны, — «ласково» поясняет бритоголовый, — так, как требует наука: рядовым способом.

— Не знаем мы такой науки! — гремит густой бас.

Звезда всеми своими орденами и медалями, к столу идет гвардии старшина, бригадир тракторной бригады Семен Макрушенко:

— Мы гнездами сеем не от плохой жизни. Наука этого требует, истинная наука и наш академик Лысенко!

И начинается бой. Брнтоголовый выпускает на трибуну профессора Кабачникова. Сегодня профессор особенно пажеп и представителен. Он бережно несет впереди себя рыжую палку. Расправившись с многочисленными тесемками, он выбирает из нее какие-то бумаги и начинает примерно так:

— Уважаемые товарищи! Надо априори сказать, что при конкретном обсуждении дискуссионной проблемы эффективности упомянутого метода не следует считать бесспорным положение, что все качественные показатели эксперимента, с нашей точки зрения...

Вы понимаете что-нибудь? Я тоже не понимаю. И никто из участников совещания не понял. А профессор все говорил, говорил... Он упоминал множество иностранных имен, он цитировал какие-то длинные выдержки из трудов «наших зарубежных коллег», он сто раз упомянул о своей «точке зрения». И лишь окончательно измучив собравшихся, профессор Кабачников сказал по-русски:

— Кок-сагыз в гнезде будет угнетать сам себя! Вместо гнезда у вас получится бублик: по краям растения останутся, а в середине — съедят друг друга!

Снова шум.

— Запутался в своих бумагах! — с места кричит дед Кожемяка. — Ничего, кроме бумаг, не видит.

Профессор не остается в долгу.

— Вот здесь, в зале, — указывает он на высоченного колхозника с висячими, как у Тараса Бульбы, усами, — присутствует колхозный бригадир из Жнтомирщины. Лучшие урожаи до войны получал, по двадцать центнеров с гектара, и без всяких гнезд!

— А с гнездами вдвое больше возьмет! — раздается из зала.

Просит слова Иван Гаврилович — спокойный, ровный, собранный, как всегда.

— Мы не будем спорить с вами, — говорит он «зна-токам», — за нас выступают растения, за нас скажет кок-

сагыз. Предложение академика Лысенко проверено на колхозных полях!

...И вот грузовики, на которых поместились все делегаты, толнут в пшеничном море. Кажется, до горизонта тянется оно, золотое, волнуемое ветром. Но внезапно обрывается нива — и взорам предстает пушистая плантация: 645 квадратных метров — пришкольный участок Петьки Кожемяки. Он и сам здесь, и Галя, и другие ребята. Они смущены обилием бородатых и усатых экскурсантов, но и горды необычайно.

— Ну как, Галя, — обращается к девочке Иван Гаврилович, — сколько корней соберете? Центнеров по двадцать в пересчете на гектар будет?

— Ой, лишенько! — возмущается Галя. — Да что ж вы нас позорите! «По двадцать»!.. Разве ж мы за такой урожай боремся?

— Мы по шестьдесят возьмем, — говорит Петька, — по шестьдесят пять!

Гости удивленно переглядываются: цифра названа неслыханная. А 20 центнеров — довоенный рекорд житомирского бригадира, которым хвастал профессор — это уже для них «позор»! Участники совещания расходятся по всему полю. Внимательно разглядывают люди удивительный кок-сагыз — сочные листья, красивые цветоносы, нарядные белые шапочки. Шапочки эти слились воедино, образуя подобие пушистого зонтика над каждым кок-сагызным гнездом.

— Это, пожалуй, не бублик, а булка получается, — подковыривает дед Кожемяка. — К середине-то больше растений, а не меньше!

Профессор Кабачников делает вид, что ничего не слышал. Он сосредоточенно рассматривает свою папку. А Бритоголовый начальственно спрашивает:

— Какой колхоз?

— «Заветы Ильича», — отвечает дед, — село Вертуны. Бритоголовый поворачивается:

— Что же вы, товарищи, показываете нам лучший колхоз, где работают самые опытные каучуководы?

Но ему с улыбкой отвечают:

— Совсем они не опытные — первый раз сеют в этом году.

— Как «первый»! — возмущен начальник. — До вой-

ны в «Заветах Ильича» рекорды держали, в каждой сводке упоминался колхоз!

— А каучуководы все равно неопытные, — повторяет Иван Гаврилович и, повернувшись к ребятам, спрашивает: — Кто у вас звеньевым?

— Он, — отвечает маленькая девушка, указывая на Петьку.

Бритоголовый обращает на звеньевого свой взор. Оглядывается на Кабачникова, снова смотрит на Петьку. Видно, что не верит, глазам своим не верит.

— И-да... — тянет он, — нужны объективные данные...

— А чего же объективнее? — разозлился дед Кожемяка. — Все ребячьими руками сделано! Пусть хоть профессор подтвердит.

Все смотрят на Кабачникова. Он медленно протирает свои круглые очки, надевает их на нос и шурится — скрываются за стеклами его маленькие глазки.

— Видите ли, — ехидно говорит он, — мне некогда было наблюдать за этим вашим участком... гм... у меня были дела поважнее, чем ваши выкрутасы!

Делегаты идут к пруду, на профессорову делянку. Ребята смотрят на бородатых и усатых. Очень им обидно это недоверие. Зло берет и на профессора: ведь он сто раз их видел, знает, что они работали. Вот уж у Гали подозрительно заблестели глаза. И тогда гвардии старшина Семен Макрушенко обнимает дочку сильной рукой:

— А вы не горюйте, ребята. Гордиться надо, что за вашим урожаем взрослых работников ищут. Вы-то знаете, что сами достигли. Значит, победа!

И, улыбнувшись напоследок, он спешит вслед за остальными.

Грядка профессора выглядит великолепно. Ровный, как подстриженный, кок-сагыз. Вокруг деляночки аккуратные канавки. Почва чистая, рыхлая, влажная. Ни сориночки, ни сорнячка. Очень красиво.

Кабачников ходит именинником. Повеселел и бритоголовый. Вид у них такой, будто они спрашивают: «Каково? Вот вам высочайший урожай, и без всяких гнезд!»

Иван Гаврилович внимательно смотрит на ровенькую деляночку. Подмигивая деду Кожемяке, стоящему рядом с ним, спрашивает:

— Какой же агротехникой удалось вам достичь такого успеха?

Профессор расплывается в улыбке:

— Дорогой коллега, я осветил свой опыт в моей последней работе.

— Понятно, — говорит Иван Гаврилович.

Он достает из кармана небольшую книжицу и, обращаясь уже не к профессору, а ко всем участникам совещания, продолжает:

— Я думаю, товарищи, всем нам будет полезно ознакомиться с «трудом» профессора Кабачникова. Это «Агротехника кок-сагыза», недавно издана... — Он привычно перелистывает страницы. — Вот: «Наиболее успешно борьба с почвенной коркой производится специальными щетками...» Или дальше: «При освобождении растений из-под корки необходимо удалять почву с листьев кок-сагыза, используя для этого веники...» — Иван Гаврилович захлопнул книжицу. — Вы понимаете! Вот он выбрал грядку самой лучшей земли. И самых лучших работников заставил ту грядку подметать, как хозяева комнату подметают, — веником. И вырастил урожай. «Рекорд!» И спешит книжицу написать: «Вот моя точка зрения! Вот мой опыт!» А о том забыл, что одним рекордным гектаром не обеспечишь страну! В наших колхозах тысячи, сотни тысяч гектаров. Кто же там сможет по полям со «щеточками» да с «веничками» ползать? Чушь!

Ученый взволнован и по-настоящему зол. Голос его гремит раскатами.

Костюк, который торчит, разумеется, здесь, собираясь вместе со своим профессором «пожинать лавры», скрывается испуганно за чьей-то спиной.

— А нас Трофим Денисович Лысенко всегда учил: теорию надо проверять массовой практикой, — продолжает Иван Гаврилович. — Грош цена «точке зрения» без массового урожая! Научное открытие только тогда будет по-настоящему научным, когда им смогут воспользоваться все колхозники. А как же иначе?

Долгая пауза.

— А чем вы докажете, — нашелся наконец бритоголовый начальник, — что ваша агротехника применима на тысячах гектаров?

Не отвечая, ученый идет к грузовику. За ним — все остальные.

Машины вновь плывут по бескрайним полям. Одна плантация, другая, третья, пятая, десятая... Остановки все чаще и все короче. Всюду видят гости одно и то же: красивый кок-сагыз и довольных колхозников.

В Черлявке пожилая колхозница говорит Ивану Гавриловичу:

— Чудеса! Сеяли гнездами — ридесенько-ридесенько. От гнезда до гнезда сорок пять сантиметров. А вышло густо! Земли не видать. Такого урожая никто еще не имел!.. Вы Трофима Денисовича побачите в Москве?

— Обязательно.

— Передайте ему спасибо ото всех нас за науку. Угадал он, будто поговорил с тем корешком на его языке...

Ученый смотрит на своих спутников. Молчит, нахотился профессор Кабачников. Не смотрит бритоголовый. Они даже не вышли из машины, отвернулись от плантации.

— Хотите еще посмотреть «объективные данные»? — лукаво спрашивает Иван Гаврилович.

— Нет-нет! — спохватывается профессор. — Поехали домой.

Солнце совсем уже склоняется к земле, когда они возвращаются в Вертуны. Участники совещания хотят снова взглянуть на школьную плантацию. Теперь уже все верят, что это дело ребячьих рук. Люди выстранваются вдоль поля, с восторгом глядя на белый пушистый ковер, раскинувшийся у ног. В сумерках гнезд совсем не видно — они слились, образуя своими «зонтами» одно пышное покрывало.

— Так что же: крендель чи булка? — грозно спрашивает дед Кожемяка.

— Видите ли... — нерешительно говорит бритоголовый, — мы ознакомились лишь с некоторыми доказательствами. М-да... Надо проверить, пересмотреть, согласовать...

Начальственный баритон умолкает на полуслове. Бритоголовый не знает, что сказать; он беспомощно смотрит на Кабачникова. И раздается дребезжащий профессорский телорок:

— Гнездовой способ ложен! Он противоречит научной истине...

— Эх, — бросает дед Кожемяка, — «научная истина», «научная истина»! Нам семьдесят центнеров с гектара взять надобно — вот наша научная истина!

В продолжение этой краткой, но выразительной речи люди отходят от «знатоков-теоретиков». Вокруг них образуется пустое пространство. «Дырка от бублика»! Бригадиры и агрономы, полеводы и звеньевые — все участники совещания идут к Ивану Гавриловичу, к деду Кожемяке, к старшине Макрушенко. Последним подходит к ним колхозный бригадир из Житомырщины с усами Тараса Бульбы.

— Ваша правда! — восклицает он. — Гнездом надо сеять, только гнездом! Нас теперь не обманешь: сами, своими глазами видели!

И тут взрывается вдруг профессор Кабачников. Размахивая рыжей папкой, он кричит:

— Хорошо, пусть все это так! А Дарвин?

Он рвет тесемки, выхватывает из рыжей папки книгу, потрясает ею в воздухе:

— Не может одуванчик выжить в гнезде! Это противоречит учению великого Дарвина!

МИЛЛИОН ТРИЛЛИОНОВ

Пора нам разобраться в этом споре. И прежде всего заглянем в книгу, которой потрясал профессор Кабачников.

Это «Краткий очерк теории Дарвина». Вот что написано в ней:

«Случалось ли вам, читатель, следить за полетом хохлатой семянки одуванчика, к немалой досаде садоводов пестрящего своими желтыми цветами наши газоны?.. Случалось ли вам подумать, что бы стало с нашим газоном, если бы каждая из этих семян, носящихся в таком исчисленном числе, произвела растение? Если не случилось, то и не трудитесь. Никакие усилия воображения не дадут вам понятия о действительности».

Оказывается, Чарлз Дарвин интересовался простыми «хохлатыми сеянками» обыкновенного одуванчика, на-

шей украинской кульбабы. Чем же привлекли они внимание великого ученого?

Давайте читать дальше:

«Постараемся вычислить, какое потомство произведет одна летучая семянка в течение десяти лет, предполагая, что ни одно семя не погибнет...

в	первый	год	1
»	второй	»	100 ¹
»	третий	»	10 000
»	четвертый	»	1 000 000
»	пятый	»	100 000 000
»	шестой	»	10 000 000 000
»	седьмой	»	1 000 000 000 000
»	восьмой	»	100 000 000 000 000
»	девятый	»	10 000 000 000 000 000
»	десятый	»	1 000 000 000 000 000 000»

Миллион триллионов одуванчиков! Действительно, такую массу растений даже вообразить трудно. Но ученый продолжает свои расчеты. Он множит это огромное число на площадь, необходимую одному одуванчику, и делит на всю площадь суши земного шара. И в конце концов выходит, что десятому поколению одной хохлатой семянки понадобилось бы поле, в пятнадцать раз большее, чем вся суша на Земле!

Вообразите это страшное нашествие кульбабы! Ветер несет миллионы, триллионы хохлатых семянков на поля и луга, в степи и горы. Им уже мало полей, они заполняют дороги, улицы сел. И в городах каждый клочок свободной земли зарастает кульбабой. Где щель в асфальтовой мостовой — там десятки, сотни, тысячи одуванчиков. С ними невозможно бороться, они движутся все дальше и дальше. Голод, запустение, гибель приносят они повсюду. Страшная картина!..

Что же будет далее? «Краткий очерк теории Дарвина» отвечает на этот вопрос: «Каждое растение, окончив свой жизненный оборот, погибнет, оставив по себе 100 потомков и клочок земли, достаточный для одного».

---

¹ Для простоты расчета здесь допускается, что растение приносит ежегодно 100 семян. На самом деле — гораздо больше.

И неминуема страшная борьба между растениями за этот клочок земли, за влагу, за солнце — борьба за существование. Лишь самые крепкие, самые приспособленные из них выживут в этой смертельной схватке...

Так говорил Чарлз Дарвин, так говорили его последователи. Борьбой между одуванчиками они и объясняли, что мир не подвергся до сих пор «нашествию кульбабы». Или, говоря учеными словами, в природе существует перенаселенность и как следствие ее — внутривидовая конкуренция (борьба между растениями одного и того же вида — одуванчика с одуванчиком).

Как будто все было верно в этом рассуждении. И не только кульбабы касалось оно — это был лишь пример. Борьбу, конкуренцию находили между муравьями, между зайцами, между деревьями... Долгие годы люди думали именно так. Еще на школьной скамье они изучали эту премудрость — теорию внутривидовой конкуренции...

Но вот на наших глазах неожиданно пришлось выращивать тот же одуванчик — кок-сагыз. Его всячески предохраняли от воздействия внутривидовой конкуренции, его специально сеяли не слишком густо — на плантации рассыпали такое количество хохлатых семян, чтобы им не пришлось сражаться между собой. Тянь-шаньцу всячески помогали: удобряли почву, выхаживали, стратифицировали, а он упорствовал, вырывался из рук. Не то что весь земной шар — маленькую плантацию с трудом соглашался он покрыть своими зелеными листочками и белыми шапочками.

Тут что-то было не так...

— Надо помочь кок-сагызу, — сказал академик Т. Д. Лысенко. — То, что трудно одному, в компании делается легче. Будем в каждую лунку бросать по несколько семян.

Разговор происходил в Горках Ленинских, на опытном поле Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Собеседники с удивлением слушали слова ученого. Он ли это говорит? Ведь внутривидовая конкуренция погубит растения!

— Да, — задумчиво продолжал академик, — так и посеем: в каждую лунку по тридцать-пятьдесят семян...

— Какой в этом толк? — возразил кто-то. — Растения задавят друг друга!

— Никто никого не задавит, — спокойно возразил Трофим Денисович Лысенко. — Кок-сагыз привык к сообществу. Смена его веками падали рядом и развивались кучками, куртинами... Близость эта, мне кажется, даже полезна растению.

Я не буду рассказывать вам обо всех подробностях нового опыта и о сомнениях тех, кто его ставил. Скажу только, что осенью — вместе с опытом — закончились все сомнения и опасения. Кок-сагыз в куртинах, в гнездах поднялся на редкость крепкий и удачный. Теснота, как и предсказывал академик Лысенко, не помешала ему. Тянь-шаньский одуванчик не страшился внутривидовой конкуренции!

Неужели Чарлз Дарвин — великий из великих — ошибался в этом вопросе?

Такие «ученые», как профессор Кабачников, убоялись бы, конечно, одной лишь такой мысли. Но лучший из дарвинистов нашего времени — Трофим Денисович Лысенко — не убоялся.

Да, сказал он, Дарвин создал величайшее учение. Он доказал, что борьба за существование, естественный и искусственный отбор создали все виды растений и животных на Земле, а вовсе не бог, как говорили попы и мракобесы. Мы разделяем эти взгляды.

Но практика, сельскохозяйственная практика принесла нам новые данные, которых не знал Дарвин. И мы можем сказать сегодня, что в одном вопросе великий ученый ошибался: внутривидовой конкуренции нет в природе!

Зародышей действительно появляются миллионы и триллионы. Но гибнут они вовсе не из-за борьбы друг с другом. Разве можно сказать, например, что зайцы терпят больше невзгод друг от друга, чем от волков и лис — животных других видов?

Борьба, конкуренция есть в природе, но не внутривидовая, а межвидовая:

Кок-сагыз мешают расти пырей, осот, бурьян — злые ползучие сорняки. Кок-сагыз не справится с ними в одиночку. Зато, объединившись в одном гнезде со своими братьями, тянь-шаньский одуванчик не боится врагов...

Я рассказываю вам все это очень просто, чтобы было понятнее. На самом деле огромную, длительную работу

провел академик Лысенко, сотни опытов поставил, прежде чем рассказал народу о своем открытии, развивающем и обогащающем теорию Дарвина. В газете «Правда» 17 апреля 1943 года появилась статья академика Т. Д. Лысенко «Ручной гнездовой посев кок-сагыза».

На следующий год каучуководы Кнєвшинны одержали неслыханную победу, о которой прежде можно было лишь мечтать. Средний урожай кок-сагыза в колхозах, сеявших гнездами, вырос в восемь раз! Это был полный успех советской мичуринской науки.

И тут всполошился весь буржуазный мир. В Америке и Англии на всех перекрестках — в газетах, журналах, по радио — зашумели тамошние ученые мужи, что «большевик Лысенко» подрывает устой истинной науки. «Есть борьба внутри вида, — твердили они, — есть, есть, есть!»

НОВОЕ ПОБЕЖДАЕТ

Что сказали бы вы о человеке, который утверждает: «Надо убивать побольше людей, это для их же пользы. Надо запретить врачам лечение больных — пусть больные умирают. Необходимо поскорее новая война — это спасет человечество».

Вы скажете: сумасшедший!

Но нет, на нем не смирительная рубашка, а безупречный смокинг. Выступает он со своими заявлениями не в психиатрической больнице, а в блестящих салонах. И сумасшедший бред его печатают миллионными тиражами...

Передо мной лежит самый свежий плод его трудов: кинга на 335 страниц. А на заглавном листе — имя автора: Вильям Фогт.

Американский ученый Вильям Фогт.

Он высчитал, что к 1955 году в Европе, не считая России, население увеличится на десять процентов, а это означает, что «вместо 370 миллионов пустых желудков, которые нужно наполнить три раза в день пищей, в Европе будет 407 миллионов пустых желудков». От этих собственных подсчетов Фогт приходит в ужас. «Долой лишних людей!» вопит он.

Благословенна зато американская республика Чили. Вот с кого надо брать пример!

«Одним из величайших преимуществ и даже, пожалуй, величайшим преимуществом, каким обладает Чили, является высокая смертность населения».

Счастливы чилийцы — они мрут, как мухи!

Для чего же понадобилось печатать этот бред, в чьих интересах издана эта чудовищная книга?

Фогт — американский буржуазный ученый, он продается кучке капиталистов, он у них на службе. Миллиардеры дали ему заказ «научно» оправдать нищету и вымирание миллионов трудящихся — и Фогт тут как тут. Он это оправдание нашел:

«Количество голодных ртов растет, но количество земли не увеличивается».

Вот оно — последнее слово буржуазной науки: малая стала Земля! Слишком много людей появилось на земном шаре. Для всех нехватает места, для всех нехватает пищи...

Помните, «миллион триллионов»?

Для всех одуванчиков нехватит пищи, нехватит места на Земле. Их спасение в том, что они сами поедают друг друга.

Вот для чего понадобилась заокеанским теоретикам внутривидовая борьба!

Одуванчик борется с одуванчиком, говорят они, заяц с зайцем, волк с волком, а человек человеку — тоже волк. Так, мол, всегда было в природе, так, мол, и впредь будет. Не капиталисты повинны в войнах, нищете и вымирании целых народов, а извечные законы природы. Природа так хочет!

Вот в США бедствуют миллионы рабочих и фермеров, а какой-нибудь мистер Форд наживает миллиарды долларов. «О, в этом нет ничего незаконного! — кричат американские ученые. — В этом нет ничего несправедливого: все человечество принадлежит к одному биологическому виду и идет «внутривидовая борьба».

А кто самый приспособленный? Ясное дело, по мнению этих теоретиков, миллиардер Форд. А вместе с ним — его ученый приказчик Фогт.

В Корее война. Американские империалисты убивают тысячи корейцев, не щадя ни женщин, ни стариков, ни детей. А американские «ученые» успокаивают: все нормально, все законно, идет внутривидовая борьба, и белая

раса «приспособленнее», чем цветная. Не Трумэн и не Уолл-стрит ведут грабительскую войну, не капиталисты производят атомные бомбы для уничтожения миллионов «лишних людей», нет — это сама природа хочет, чтобы автомобильные, шинные, стальные, нефтяные и прочие американские «королы» нажили еще сотни миллиардов...

Все, что рассказано здесь, я узнал от Трофима Денисовича Лысенко, когда обратился к нему с вопросом, почему буржуазные ученые ополчились против него.

— Мы, советские люди, — говорил академик, — хорошо знаем, что все несправедливости капитализма ничего общего не имеют ни с какими законами биологии. Человеческое общество развивается по своим законам, вся история человечества — это история классовой, а не биологической борьбы.

Но маленькое гнездо кок-сагыз доказало, что внутривидовой конкуренции нет и в самой природе.

Рука Трофима Денисовича скользит по столу. Задержалась на банке с семенами. Крупные зерна посыпались на белый бумажный лист. Академик перебирает их, и я вижу, что часть из них золотистого цвета, а часть — темные.

— Вот еще один пример, — говорит ученый: — белоколосая и черноколосая пшеницы. Обе они относятся к одному виду, и доказано, что они не мешают друг другу жить. А буржуазные ученые выдуманной борьбой между черноколосой и белоколосой пшеницами селятся оправдать и классовую борьбу и угнетение черных негров белыми американцами.

Просто и ясно распутал Трофим Денисович Лысенко весь этот узел.

Но вас, несомненно, интересует еще один вопрос: почему и в нашей стране были ученые вроде профессора Кабачникова, которые тоже признавали внутривидовую борьбу?

Ответ простой: это низкопоклонники, привыкшие рабски преклоняться перед всем иностранным. Это они в первые годы поисков нашего каучука тянули учиться у Америки, у Эдисона. Своим умом не умели жить. Как же они могли признать гнездовой сев, когда граница его не признала?

— Идет острая борьба идей, — сказал Трофим Дени-

совнич, заканчивая беседу: — новое всегда встречает сопротивление старого. Но у нас, в Советском Союзе, новое всегда побеждает¹.

В августе 1948 года советские ученые собрались в Москве на сессию Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Лжетеоретики и здесь пытались еще спорить, но у них не было ничего, кроме вороха непонятных цитат да пыльных фолиантов. А за спиной мичуринцев стояли золотая пшеница, двухметровая кукуруза, просяные джунгли, огромные поля гнездового кок-сагыза.

Отвечая на записку, академик Лысенко сказал:

— ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его.

И словам этим горячо аплодировал не только весь зал, но и весь советский народ. Центральный Комитет, великий Сталин поддерживали мичуринскую науку, указали советским ученым правильный путь.

О ТОМ, КАК ВСЕ ИЗОБРЕТАЛИ

Когда-нибудь в Москве, или в Киеве, или в другом нашем городе обязательно появится новый музей: «Музей истории советского каучука».

Под стеклом здесь будет храниться пожелтевшая от времени газета с замечательными словами товарища Сталина: «...через год-два и каучук мы будем иметь в своем распоряжении». А внизу на стенде поместится потерянная карта, с помощью которой московские комсомольцы выполнили наказ вождя: нашли в Небесных горах наш, советский каучуконос...

Я не знаю, как все будет устроено в этом новом музее, но вы наверняка найдете в нем и «дневник цветения» энтомолога Панова, и богатырский кок-сагыз селекционера Буранова, и первую автопокрышку из нашего каучука.

Рядом с историческими двумя килограммами «СК» из лаборатории русского химика Лебедева вы увидите мешок с надписью: «Reichsführer SS», найденный Степаном

---

¹ Эта беседа была опубликована в «Литературной газете» 18 октября 1947 года, а впоследствии включена в «Агробиологию» Т. Д. Лысенко.

Петровичем Спириным в соляной шахте возле Штасфурта; рядом с томом «Агробноложни» академика Лысенко — корни кок-сагыза с пришкольного участка вертуновских пионеров. А в одном из залов музея будет красоваться «комбайн Коршунова»...

Вы никак не минуете этот кок-сагызный комбайн, созданный нашим советским конструктором, — большую, могучую, интересную машину. Но мне хочется, чтобы вы повнимательнее осмотрели и другие машины, хранящиеся тут же. Вот они — неуклюжие, низкорослые, самодельные:

гнездовая сеялка агронома Иосифа Пипы;
пропашник председателя колхоза Сидора Кузнеця;
кок-сагызная «молотилка» комсомольского секретаря

Харитона Левченко.

Это замечательные машины! Без них лауреат Сталинской премии Федор Максимович Коршунов никогда не придумал бы своего комбайна.

А теперь по порядку.

С некоторых пор вертуновские колхозники стали замечать странности за Харитоном Левченко. Раньше был парень как парень — не шумел, не бранился, собрания проводил, стенгазету выпускал, работал хорошо. А теперь...

— Будто кто испортил его, Харитошу-то, — шепчет бабка Феония.

И все потихоньку смотрят в угол амбара, где творит что-то непонятное комсомольский секретарь. Вот он подошел к горе кок-сагызных корзинок, взял горсть их и трет зачем-то между ладонями. Высыпает тонкой струйкой. А сам — вы полюбуитесь только! — сам что есть силы дует на падающие семечки. Окончив эту процедуру, парень тут же кидается на пол, смотрит, бормочет что-то себе под нос. Костыль свой, чтоб не мешал, он давно уже поставил в угол и прыгает теперь на одной ноге. От этого еще непонятнее кажется его затея.

В амбар вбегают Галя, Петька и другие ребята. В руках у них мешочки: только что они закончили сбор семян на своем участке. Начинается шумное обсуждение, кто сегодня собрал больше всех, но тут они видят предостерегающий жест бабки Феонии.

— Тс-с-с! — говорит бабка. — С Харитошей беда... —

И она многозначительно постукивает себя сморщенным пальцем по лбу.

Ребята замирают на пороге и во все глаза смотрят в темный угол. А странный парень уже в десятый или в двадцатый раз повторяет свои манипуляции. Только теперь он не дует, а тянет воздух в себя, действуя на падающие пушинки, как пылесос. Потом Харитон долго отплевывается — пушок забился в рот, — но улыбается:

— Правильно. Очень хорошо! Так и нужно!..

Что тут «хорошо», что тут «правильно»? Петька бежит за дедом Кожемякой.

— Харитон, чего ты задумал? — строго вопрошает прибежавший дед. — Зачем людей пугаешь?

Парень в ответ блаженно улыбается:

— Я, Сергей Иванович, машину хочу соорудить, наподобие молотилки... Кок-сагызную семятёрку.

— Ишь ты, — говорит озадаченный дед, — семятёрку...

А вскоре в амбаре замирают все. Даже четыре бабуся — «бригада» Феонни Бойкиной — перестали тереть семена и тоже смотрят в угол. Удивительное дело! Харитон снова сыплет пригоршнями семечки, только дуют они теперь вместе — дед «включился» в работу. И вместе бросаются они на пол, и теперь уже дед Кожемяка бормочет: «Верно! Правильно!»

На выручку спешит бабка Феоння.

— И ты, старый, спятил! — доносится ее пронзительный голос. — Какая еще терка-молотилка?!

Потом голоса спорщиков стихают. И вот уже бабка тоже начинает вместе со старым и малым дуть на семена...

Почему комсомольцу Харитону Левченко удалось так легко и быстро уговорить многоопытного деда и сварливую бабу? Как вы думаете?

Да потому, что он начал изобретать необходимую машину, жизненно необходимую!

Раньше собирали по несколько килограммов кок-сагызных корзинок с гектара плантации. Это за два года: в первый год кок-сагыз почти не давал семян. Весь этот урожай преспокойно перетирали вручную четыре бабуся. Сергей Иванович Кожемяка приспособил им железную сетку: они брали горсть корзинок каучуконоса и растира-

ли по сетке руками. Семёна проваливались, а шелуха и пух оставались на сетке. Вот и вся «технология». За неделю бабуся перетирала весь урожай.

А теперь? На дворе только июль, а гнездовой кок-сагыз принес уже по несколько десятков килограммов семян с каждого гектара. Весь амбар завален кок-сагызными корзинками. Чтобы перетереть их, бабусям потребовался бы целый год! Да что там бабуся! Харитон подсчитал, что шестьдесят молодых, сильных колхозниц целый месяц должны будут работать в амбаре изо дня в день. Прямо беда!

А впереди еще август, сентябрь — сколько еще семян соберут! Машина была необходима...

И она появилась, новая «кок-сагызная молотилка» Харитона Левченко. Она заняла свое почетное место в углу амбара — в том самом, где дед да бабка помогали изобретать комсомольскому секретарю.

Все село собралось смотреть на испытание молотилки. Две колхозницы, взявшись за рукоятки машины, быстро вращают барабан. Внутри семятёрки что-то шумит, потрескивает. А бабуся только успевают подбрасывать в ковш пушистые семечки. Разумеется, никто не дует и не тянет воздух в себя: изобретатель приспособил вентилятор. А внизу, под барабаном, — сетка. Воздушный поток относит пушок в сторону, а семена, просеявшиеся через сетку, падают на пол.

Бабка Феония в приемочной комиссии. Она придирчиво осматривает каждую пушинку, отлетающую от машины. Вот нашла что-то и кричит:

— Семена! Семена относит твоя машина вместе с трухой!

Харитон бросается к ней. За ним — Кожемяка и все остальные. Действительно, в руках у Феонии Бойкиной несколько крошек-семян. Все склоняются над ними. И наконец раздаётся торжествующий возглас деда Кожемяки:

— Семена-то шуплые, плохие! Очень хорошо, что их относят!

Все в порядке! Семятёрка принята, она работает. Харитон собирается даже приспособить к ней электромотор.

Конечно, эта машина имела еще много недостатков. Строилась она из случайных деталей, была громоздкая, недостаточно производительная. А нужна была такая кок-

сагызная семятёрка, которую можно было бы пустить в массовое производство — для всех колхозов. Эту задачу выполнил впоследствии Всесоюзный институт каучукопосов. Ученые сконструировали необходимую машину и внедрили ее в массовое производство.

А гнездовой кок-сагыз требовал все новых и новых машин. Изобретать начали все...

Идет большое республиканское совещание каучуководов в Киеве. На ярко освещенную трибуну поднимается могучий, коренастый старик. Это Сидор Антонович Кузнец, председатель прославленного колхоза «Пролетар». Все знают, что он добился замечательных успехов и по кок-сагызу, и по кукурузе, и по пшенице. Но вы послушайте, о чем говорит Сидор Антонович:

— У нас в колхозе есть хорошие кузнецы — Борис Гребенюк, Роман Сидоренко. Да и я не только по фамилии Кузнец, но и по профессии. Вот они по моим чертежам и соорудили новый пропашник...

Зал напряженно слушает рассказ председателя. А он говорит об огромном облегчении труда колхозников. Запрягай в пропашник лошадку да гони по широким междурядьям вдоль и поперек: и землю разрыхлит, и ни одного сорняка не оставит, и кок-сагыз не тронет.

— У нас в колхозе работает сейчас уже двадцать таких пропашников, — заканчивает Кузнец свое выступление.

Гремят дружные рукоплескания. Сидящий в президиуме руководитель украинских большевиков Никита Сергеевич Хрущев встает и говорит:

— Пропашник Кузнеца надо показать всем.

Ночью прямо за огородами колхоза «Пролетар» приземлился легкий, фанерный «По-2». А утром в Киеве, на сцене, перед столом президиума, появилась маленькая, несложная машина. Все председатели колхозов, бригадиры, звеньевые осматривали, руками ошупывали пропашник. Чертежи его были напечатаны в газете. И сотни колхозных кузнецов приступили к изготовлению «пропашников Кузнеца»¹.

¹ За применение новой агротехники и усовершенствование сеялок и почвообрабатывающих машин, способствующих повышению урожайности кок-сагыза, Кузнецу Сидору Антоновичу в 1950 году была присуждена Сталинская премия.

На обратном пути с совещания Сидор Антонович заехал в село Змогайловку, в гости к знакомому агроному — Иосифу Дементьевичу Пипе. И вот они сидят за столом, пьют чай. Приезжий наслаждается отдыхом. Но агроном исподволь заводит какой-то свой разговор:

— Хорошее дело — гнездовой сея.

— Очень хорошее, — откликается Кузнец.

— И пропашник твой — замечательная вещь!

— Неплохая машинка, — скромно соглашается изобретатель пропашника.

— Только сеять трудно, — тянет свое агроном, — сеем-то вручную.

— Ну что ж поделаешь, — притворно поддакивает гость, но бросает на агронома лукавый взгляд.

Пьют чай. Вкусен ароматный мед! Кузнец воздаст ему должное.

— А была б гнездовая сеялка!.. — мечтательно говорит агроном.

Через минуту оставлен чай, забыт отдых. Хозяин и гость сидят на корточках в углу хаты. Перепробованы уже десятки вариантов.

— Как же быть? — бормочет Иосиф Дементьевич.

Они смотрят друг на друга. Лицо у невысокого чернявого агронома страдальческое. Видно, много ночей провел он в думах о новой сеялке. Кузнец стирает пот со лба, хмурит брови, думает...

— Газету! — неожиданно кричит он. — Есть газета?

И вот уже газета свернута в трубку. Председатель колхоза прижал один ее конец к полу, агроном сыплет с другого конца щепоть семян кок-сагыза: они тут же скрываются в трубке. Незатейливое приспособление осторожно убирается с пола, и улыбки освещают лица изобретателей: ровным кружочком расположились семена.

— Гнездо, — говорит Сидор Антонович.

— Истинное гнездо! — подтверждает Иосиф Дементьевич.

...Через год производство ручных гнездовых сеялок Пипы было налажено в сотнях колхозов. В 1946 году с помощью этих несложных орудий засеяны были уже тысячи гектаров. Людям не приходилось больше руками закладывать семена — сеялка давала идеально ровные гнезда.

Агроном приспособил к трубке из кровельного железа небольшой кузнечный мех и очень простой регулятор. От одного движения сеяльщика регулятор отсыпал необходимое количество семян, мех дул на них, труба располагала семена ровным кружочком...

Потом изобретали еще многие колхозники, рабочие, агрономы, механики — на Украине, в Белоруссии и во всех других местах, где рос кок-сагыз. По стране прошла невиданная волна изобретательства. Спрос на новую технику был так велик, а народ наш так богат талантами, что передки были случан, когда одну и ту же машину изобретали во многих колхозах.

Помните, как трудно было всегда собирать летучие, непокорные семянки? Но ведь теперь — в гнездах — их вырастало вдесятеро больше! Нужна, крайне необходима была машина для сбора семян. А раз нужна — люди думают о ней, а если думают — обязательно придумают.

Машину для сбора семян изобретает все тот же Сидор Антонович Кузнец. Не хуже и другая машина, придуманная Максимом Прохоровичем Пушенко, колхозником сельхозартель имени XVII партсъезда. А в колхозе «Червоный партизан» механик Александр Васильевич Оточеванный показывал мне чертежи своей семясборочной машины. Он тоже начал ее строить... И все эти машины построены на одном принципе — принципе всасывания. Все они имели вентиляторы и действовали подобно пылесосу. Машину прокатывали по полю, и под действием воздушной струи белые шапочки кок-сагыза сами летели в ее распахнутую пасть.

Люди ничего не знали друг о друге, никогда не встречались и не советовались, никто из них не был специалистом-конструктором, но все пришли к одному и тому же выводу. Так же как комсомолец Харитон Левченко, они поняли, что летучие семянки кок-сагыза легче всего поддадутся воздействию воздушной струи...

В очень короткий срок наш народ — именно и народ — механизировал работы по кок-сагызу. Каучуконос получил десятки машин, которые могли обслуживать его. Конечно, не все изобретения поступили впоследствии на заводы, в серийное производство. Выбирались самые лучшие машины. Как происходил этот отбор, я расскажу вам сейчас.

...Хмурый октябрьский день 1948 года. Огромная плантация одного из каучукосовхозов Курской области. Гнезда осеннего кок-сагыза давно потеряли свои пушистые уборы — семена с них уже собраны и очищены. Теперь время убирать корни.

Судя по всему, их и будут сейчас убирать. Но почему такая торжественность?

Вдоль края плантации выстроились странные машины. Одна, другая, третья... Восемь машин. Тракторные и конные. Есть среди них высокие и приземистые, тяжелые и легкие. Только одно общее — все они запустили глубоко в землю свои железные лапы.

Возле машин взяты механики, рабочие, трактористы, коногонь.

На пригорке, чуть поодаль, появляется группа мужчин. Один из них — среднего роста, чуть сутуловатый — неторопливо движется впереди всех. По пути он отдает какие-то приказания молодым рабочим в промасленных комбинезонах. Командир осматривает поле боя...

Сходство это дополняют его серый плащ и большой полевой бинокль на груди. Остановившись, он подносит бинокль к глазам и окидывает взором плантацию... машины... людей... Смотрит на часы.

— Все подготовлено?

— Да, — отвечают ему, — все в порядке.

Он подходит к машинкам. Одни уже прицеплены к тракторам, в другие впряжены кони. Крайняя машина — приземистая и аккуратная — привлекает внимание командира. На ней иностранная марка.

— Я эту машину в Лейпциге купил, — поясняет он своим спутникам. — Мне думается, стоит и ее испытать. Для сравнения...

— Безусловно, стоит, товарищ Спирин.

Вы не ослышались: это Спирин, Степан Петрович Спирин. Вот уже третий год, как он вернулся к своим довоенным обязанностям. Сейчас Степан Петрович руководит испытаниями новых кок-сагызных машин. Отметив время, он дает команду:

— Начинаяте!

Машины движутся строем: «лапа» Жигульского, «корнеуборочная» Фирсова, «лапа» Рохлина, «комбайн» Коршунова... Изобретатели идут рядом. Не отстают и чле-

ны комиссии. Они придирчиво следят за каждым движением «экзаменуемых» машин.

Федор Максимович Коршунов волнуется больше всех. Еще бы! Его машина самая сложная. Те только подкапывают корни, а комбайн...

Солидный инженер-конструктор, с лауреатской медалью, то забегает вперед, то заглядывает под машину, проверяя, не осталось ли в почве корней. Вскоре на лице Федора Максимовича появляется широчайшая улыбка: комбайн работает хорошо.

Это видно сразу. Впереди, над самой землей, движется острый, как бритва, нож машины. Он срезает с корней, еще сидящих в земле, стебли и листья. Затем лемех отваливает в сторону почвенный пласт, а «лапа» выворачивает в другую сторону корни вместе с землей. Они попадают на транспортер-элеватор и движутся внутрь комбайна. «Умная машина» отбирает корни, очищает от грязи и ровными белыми рядами складывает на плантации. Превосходно!

Коршунов отрывается от своего детища и ревнивым взглядом окидывает машины соперников. Он видит машину «заграничного происхождения» и сразу убеждается, что она никуда не годится: в земле оставлена половина корней, многие из них перебиты пополам, искоревканы и смяты.

— А машинка-то того... — говорят Коршунов подошедшему Спирину.

— Скажите лучше: «не того», — отвечает Степан Петрович. — Дрянь машина!

И рабочие, по приказу председателя комиссии, отводят с поля оскандалившуюся иностранную машинку. Испытания продолжаютс...

Поздно вечером, после долгого совещания комиссии, Степан Петрович торжественно пожимает руку Коршунову и говорит:

— Поздравляю от души: ваш комбайн признан лучшей машинкой.

— Спасибо.

— Но хочу предупредить, — лукаво добавляет председатель комиссии: — у вас появился сильный конкурент.

— Интересно! — оживаетс Коршунов. — Очень интересно! А кто он, конструктор?

— Нет, не конструктор, а ученый. Ученый секретарь Академии сельскохозяйственных наук. Он предложил в высшей степени заманчивую корнеуборочную машину... — И, задорно улыбаясь, Степан Петрович добавляет: — Еще неизвестно, чья лучше будет!

— Посмотрим, — откликается Федор Максимович Коршунов. — Я ведь тоже на этом комбайне не остановлюсь, и у меня есть кое-какие планы...

Этим, собственно, и заканчивается пока история о том, как все изобретали. Посев кок-сагыза, обработка плантацин, сбор семян и их очистка, уборка корней — все было усовершенствовано и механизировано советским человеком. Тысячи наших людей — от рядового колхозника до ученого — приняли участие в этом поистине массовом изобретательстве.

Мир не знал такого размаха конструкторской мысли народа!

МИРОВОЙ РЕКОРД САНИ КАЗАЧЕНКО

Маленькая комсомолка-звеньевая с пытливым взглядом и улыбчивыми губами, совсем еще юная и по-народному мудрая, будет героем этого рассказа.

Александра Казаченко. Саня, как ее ласково называют подруги.

Вот едет она по селу со своими девчатами. Лошади ходко тянут культиваторы и пропашники, что соорудили для них по чертежам Кузнецца местные мастера.

На возу сидит вместе со всеми Галя, старая наша знакомая.

Она не забыла своих пёсен и только недавно была в Киеве на республиканской олимпиаде. И ей очень долго хлопали за «Песенку о кульбабе». Только теперь у девочки другая мечта: она раздумала идти в артистки, она хочет стать знаменитой стахановкой полей, чтобы и про нее писали в газете, как про Саню Казаченко, чтобы и с ней, как с Саней, беседовал на совещании Трофим Денисович Лысенко...

Вот она и напросилась итти на плантацию с Саниным званом, и всртелась всю ночь — боялась проспать, и встала до свету.

Солнца еще не видно, но уже заалел край неба на востоке, и на фоне золотистого простора такими сказочными кажутся игрушечные хатки, кудрявый сад, серебряный пруд, через который переброшен легкий дощатый мостик.

— Как хорошо! — говорит Саня и звучным голосом декламирует:

Вишневый садик возле хаты,
Хруши под вишнями снуют,
С плугами пахари идут,
Идут домой, поют девчата,
А матери их дома ждут...

Некоторое время девушки молчат, по-новому вглядываясь в чудесную картину, раскрывшуюся перед ними. Потом раздается робкий Галин голосок:

— Саня, а кто это сочинил?

— Тарас Шевченко, — следует ответ. — Разве ты в школе еще не учила? Сто лет тому назад написал.

— А я думала, то про наши Вертуны... — смущается Галя.

Девушки громко смеются:

— И верно! Всё точь-в-точь — будто подсмотрел!

В это время с шумом распаивается окно крайней хаты, из него выглядывает заспанная физиономия бабки Феонии.

— Чего расшумелась, — ворчит бабка, — люди еще спят!

— Кто спит, а кто на работу спешит, — улыбается Саня.

— Много волн взяли — указывать! — злится бабка, но девчат и след простыл.

Только шутки и смех слышатся. А через минуту на опустевшей улице появляется и сама Феония Бойкина. Сон как рукой сняло.

— Ишь, — бормочет старуха, — ее звено работать будет, а мое — дома отсиживаться? Чем мы хуже!

И, подбежав к хате одной из своих бабусь, она так колотит в ставни, что дрожит-сотрясается весь дом...

Девчата Сани Казаченко приезжают между тем

на кок-сагызную плантацию — приезжают... и с удивлением обнаруживают, что на соседнем участке работает звено Ганны Умовой.

— Мы уже обедать собрались, — шутят колхозницы, — а вы только приползли!

В колхозе «Заветы Ильича», на знаменитой плантации, с которой «Гитлер всю кульбабу на тот свет забрал», разгорелось соревнование. Да какое! Каучуководы боролись за мировой рекорд...

Еще зимой в стенгазете появилась аккуратно выписанная и вычерченная таблица. Харитон специально ездил за ней в Черкассы, в комсомольский штаб. И все комсомольцы колхоза (а вместе с ними, конечно, и пионеры) знали содержание этой таблицы назубок:

Мировые рекорды урожайности

Пшеница — в СССР — 682 пуда с гектара, получено колхозником Маценко (Винницкая область).

Рис — в СССР — 1442 пуда с гектара, получено колхозником Ибрай Жахаевым (Кзыл-Ординская область).

Просо — в СССР — 1206 пудов с гектара, получено колхозником Чаганакон Берсиевым (Казахская ССР).

Кукуруза — в СССР — 1260 пудов с гектара, получено колхозником Дзуку Ригвава (Грузинская ССР).

Хлопок-сырец — в СССР — 222 пуда с гектара...

Сахарная свекла — в СССР — 3400 пудов с гектара...

— Все рекорды, во всем мире, по всем культурам принадлежат нам! — говорила Саня. — Так неужто мы с каучуком подведем?

Учитель географии Вертуновской школы сомневался:

— Это хорошо, конечно, что вы так горячо беретесь за дело. Но не следует забывать, что за границей каучук дает гевея — знаменитое тропическое дерево. А у нас что? Кок-сагыз — трава, если посмотреть...

— Зато земля у нас особенная, — возражала Саня.

— Чем же она особенная?

— Советская земля!

И настойчивая комсомолка отправилась в черкасскую библиотеку. Она нашла там энциклопедические словари, научные труды в коленкорových переплетах, статьи в тех-

яических журналах. Она узнала из этих книг и статей, какие наивысшие урожаи дает вечнозеленая гевея. Узнала она и о том, сколько каучука получается из центнера корней нашего кок-сагыза. И в результате всех своих расчетов Саня привезла из Черкасс точную цифру, которая тут же появилась в специальном номере «Боевого листка» и которую тоже знал назубок весь колхоз:

100 центнеров!

Надо вырастить 100 центнеров корней кок-сагыза с гектара, и тогда советская земля даст еще один мировой рекорд — мировой рекорд по каучуку.

100 центнеров!

Ради этого девушки Сани Казаченко каждый день после работы собирались в школе на занятия мичуринского кружка. Ради этого сама Саня — руководитель кружка — долгими зимними вечерами сидела дома над книгами, готовилась к занятиям, читала «Агробиологию» Т. Д. Лысенко, статьи ученых-мичуринцев...

Ради этого колхозники села Вертуны применяли на своих полях все лучшее, что придумал наш мудрый народ для роста одуванчика-богатыря. Семена стратифицировали перед посевом и сеяли гнездовым способом, как советовал академик Лысенко. Сеяли при этом сеялкой Пинны, борьбу с сорняками вели пропашиком Кузнецца, семена собирали машиной Пушенко, перетирали «молотилкой» Левченко.

Ради этого Петька Кожемяка организовал пионерский пост охраны урожая, и ребята, сменяя друг друга, следили, чтобы ни одна корова не забрела на драгоценное поле.

Все окрестные пастухи боялись ребят, как огня. «Нет, мы бить не будем, — говорил Петька, — но пусть попробуют... пусть только попробуют упустить скотину!»

...А к самому ответственному моменту — к уборке корней — в Вертуны прибыли гости: секретарь Черкасского райкома партии и знакомый наш ученый-мичуринец Иван Гаврилович. Они давно следили за работой вертуновцев и вот приехали лично проверить успехи и неудачи.

Секретарь райкома отправился с дедом Кожемякой осматривать дальние участки плантации, а ученый задержался на комсомольском поле. Он долго и внимательно

изучал Санины гнезда — одно, другое, третье... Потом поднял голову и лукаво спросил:

— Что-то, мне кажется, ошибочку вы допустили... Или, может, это я ошибаюсь?

Саня задорно улынулась:

— Никто не ошибся. Просто мы гнезда сделали не по пять сантиметров, как вы советовали, а по пятнадцать.

— Так-таки «просто», без всяких расчетов?

— Ой, что вы! Мы всё учли, с агрономом сто раз советовались! Земля у нас жирная — это раз, — Саня загнула один палец, — влаги здесь достаточно — это два, подкормку растениям дали — это три...

И Петька Кожемяка, который давно стал лучшим учеником в классе, усердно посещал занятия мичуринского кружка и крепко помнил свою мечту — стать «как Трофим Денисович», — был слегка разочарован. Он ожидал, что ученый поднимется во весь свой могучий рост, снимет очки, громко скажет: «Что ж это вы! Нехорошо! Обманываете науку!» или еще что-нибудь в этом роде. На самом деле было совсем иначе. Иван Гаврилович улыбнулся и радостно протянул звеньевой свою большую, крепкую руку:

— Добре, Саня! Поправила науку!

Вот и всё. Впрочем, еще больше удивился бы «будущий Лысенко», если бы видел, что происходило сейчас на дальнем поле, куда отправился секретарь райкома. Гость был удивлен несказанию. Он даже не шел, а как-то метался по полю: в одну сторону бросится, в другую... А дед Кожемяка помалкивает и только ухмыляется. Наконец секретарь райкома останавливается посреди плантации и говорит:

— Ничего не понимаю! Лысенко рекомендовал гнездовой сев шестьдесят на шестьдесят сантиметров?

— Верно, шестьдесят на шестьдесят, — спокойно подтверждает дед.

— А у вас повсюду сорок пять на сорок пять, так ведь?

— Так, — соглашается дед. — Это по нашей местности лучше — урожай больший будет...

Глядя на мощные кусты кок-сагызных гнезд, гость не может не согласиться, что Кожемяка прав: гнезд стало

больше, но они не уменьшились от этого. Богатый украинский чернозем вскормил все растения. Их здесь по три-четыре миллиона на каждом гектаре.

Окончательно покоренный этим чудесным зрелищем, секретарь райкома говорит:

— Сергей Иванович, а ты знаешь, что я по образованию агроном?

— Знаю, как же.

— А ведь никогда не додумался бы до такого... Кто это у вас выдумал?

Дед долго думает, потом неловко улыбается:

— Вот ведь беда, не помню... Вроде все сразу об этом заговорили — и Саня Казаченко, и Ганна Умова, и Феония Бойкия... Народ выдумал, Захарий Федорович, — так я считаю.

— Веселые дела вы наделали! — снова оглядывая богатое поле, восклицает секретарь. — Ай да черкашане! Свою агротехнику выдумали, теорию академика Лысенко развивают!

...Вам интересно будет, я думаю, узнать, что на следующий год черкасские каучуководы встретились на большом совещании в Москве и с самим Трофимом Денисовичем. Президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина долго беседовал с ними, а потом согласился, что для их местности «черкасская агротехника» (так она и стала называться) подходит лучше всего. Крупнейший ученый нашей страны не спорил с колхозниками, он учился у народа.

Эта замечательная традиция — учиться у народа — всегда была у большевиков. Знаете, чем закончил товарищ Сталин свое замечательное выступление на Первом всесоюзном совещании стахановцев?

«...Мы, руководители партии и правительства, — сказал товарищ Сталин, — должны не только учить рабочих, но и учиться у них. Что вы, члены настоящего совещания, кое-чему поучились здесь, на совещании, у руководителей нашего правительства, — этого я не стану отрицать. Но нельзя отрицать и того, что и мы, руководители правительства, многому поучились у вас, стахановцев, у членов настоящего совещания. Так вот, спасибо вам, товарищи, за учёбу, большое спасибо!»

Колхозники учились у Лысенко. Лысенко учился у

колхозников. И в этом не было ничего удивительного. Народ-ученый, народ-творец живет под ясным небом нашей Родины. У нас самая массовая наука! У нас самая научная практика! И все колхозы Украины по праву считаются сегодня одной огромной научной лабораторией, в которой зарождалась новая, советская наука о каучуконосах.

...Настал день, когда в таблице мировых рекордов появилась новая запись. Это был торжественный день. В комнате собрались все девушки — принарядившиеся, в новых платьях и туфлях. На смуглом от загара лице Сани блестели в улыбке ровные зубы, и серьги сверкали, когда она задорно встряхивала головой.

Взяв в руку красный карандаш, звеньевая при напряженном внимании всех собравшихся потянулась к таблице, но тут тишину нарушил серебристый голосок:

— Саня, дай я напишу.

— А ты знаешь, Галя, что надо писать?

— А как же!

И, завладев карандашом, девочка вывела крупными буквами:

«К а у ч у к — в СССР — 119,4 центнера корней с гектара, получено колхозницей Казаченко (Черкасский район)»...

Хваленая тропическая гевея не дает с гектара такого количества каучука даже на седьмой год своего роста. А Саня Казаченко, как вы знаете, вырастила рекордный урожай за один год...

Впрочем, новая запись в таблице мировых рекордов продержалась всего один день. На следующее утро закончило уборку звено Ганны Умовой, и всем стало известно, что Ганна собрала по 122,6 центнера корней с гектара.

А потом каждый день газеты приносили всё новые и новые сведения об успехах каучуководов. Такие же урожаи получили Саша Овчаренко из колхоза «Пролетар», Татьяна Заболотная из колхоза «Семья червонных партизан», Елена Хобта из колхоза имени Шевченко... А знаменитая труженица, старейший мастер высоких урожаев, Герой Социалистического Труда Агриппина Пармузина вырастила 132 центнера...

Сила гнездового сева была в том, что массовыми ста-

ли рекорды. Открытия мичуринской науки, творчество народа-ученого принесли величайший успех. Действительно, особенной была советская земля, особенными — советские люди!

...За окном — шум, песни. Девушки и парни собрались на площади у клуба. Веселый праздник отмечают пертуновцы — праздник урожая. Доносится густой бас Семена Макрушенко: «Реве тай стогне Дніпр широкий...» И чей-то серебристый голосок подпевает ему. А в хате тихо. Здесь идет серьезный разговор.

— Обидно, кум, — пригорюнилась бабка Феония: — растила, поила, кормила кок-сагыз, а рекорда не вышло... Шестьдесят центнеров...

— Ну, кума, не печальтесь: это же в пятнадцать раз больше того, что было раньше.

— Так-то оно так, кум, а обидно...

Иван Гаврилович улыбается. Это он окрестил Феонию Бойкиню «кумой».

— Садитесь, кума, поближе, — говорит он, — посоветуемся с вами насчет будущего года. Сколько думаете собрать кок-сагыза?

— Ох, да я ж про то еще не думала! Как же можно наперед угадать?

— А вот попробуем угадать... Есть у вас гнезда по четыреста граммов весом?

— Есть, кум, много есть.

— Добре! — подхватывает ученый. — Но четыреста не будем брать, возьмем триста. Выйдут на тот год по триста гнезда по триста?

— Ох, и трудно с вами говорить, кум! Скажу много, а вдруг не получится — стыдно будет...

— Ну, Феония Микитовна, неужто по триста не выйдет? — улыбается Иван Гаврилович.

— Как вам сказать, — лукавит кума, — триста не много. Я думала, вы скажете — по килограмму.

— Добре! А триста граммов помножить на шестьдесят тысяч кустов — это сто восемьдесят центнеров. Верно? Тридцать, так и быть, скинем. Полтора — не много будет?

— Да нет, не много... На полтора согласна.

— Значит, и на тот год кумой будете?

— Ну, а как же? И чего бы это нам с вами дружбу терять?

В какой прекрасной стране живем мы с вами, друзья! Какое необыкновенное счастье быть гражданином такой страны!

Вот мы проследили с вами судьбу скромного тянь-шаньского одуванчика, и перед нами сразу предстала величавая картина, полная высокого героизма, вдохновенного творчества, смелых исканий, сияющей славы...

Недавно на знаменитой плантации колхоза «Заветы Ильича», с которой связано было так много событий, снова собрались колхозники. Они с особенным старанием собирали семена кок-сагыза. Потом в лаборатории колхоза каждую партию семян собственноручно изучал Сергей Иванович Кожемяка. Он-то уж умел отличить крупинки-семена каучуконоса от сорных семян кульбабы! Впрочем, кульбабы на поле и не было.

Еще через день большие ящики с семенами были отправлены... за границу. Вы удивлены? Да-да, были посланы за границу. И на каждом ящике Петька, Галя и другие ребята старательно выводили надпись:

*Друзьям-каучуководам Польши
от каучуководов Украины*

Наш кок-сагыз перешел границы страны. Дорогим гостем принят тянь-шаньский одуванчик на полях Польской республики. И не только там — в Венгрии тоже появились большие плантации кок-сагыза.

Американо-английские империалисты хотят всеми способами помешать странам народной демократии. Вот они и решили установить «каучуковую блокаду» — не давать нашим друзьям ни грамма своего «черного золота». То-то радовались, злобно потирали руки Трумэн и Черчилль, ожидая, что к ним придут с поклоном поляки, венгры, чехи, словаки — придут просить каучук.

А они не пришли, не попросили!

Лопнула «каучуковая блокада», лопнула потому, что в борьбу включился маленький одуванчик кок-сагыз, который советским народом — учеными, рабочими, колхозниками — превращен в первоклассный каучуконос.

Лишь в одной стране мира — в той, где живем мы с вами — могло произойти все это. Только наш великий народ мог поднять «траву» кок-сагыз на такую высоту: уроженец Небесных гор победил гевею!

Во всем повезло гевее: она была высокой и стройной, она росла в самых жарких краях земли, где никогда не бывает снега, где всегда есть вдоволь солнца и влаги... Лишь в одном не повезло гевее — она попала в руки капиталистов. Даже наука у них лжива, зла, кровожадна. Человеконенавистники, люди без сердца завладели вечнозеленой красавицей.

А кок-сагыз рос на советской земле! Он был маленьким, хилым, но его любили взрослые и дети. Снега и морозы стояли у его колыбели, но советские люди растили его. Любой сорняк мог забить тянь-шаньца, но самая передовая в мире, советская наука, весь наш народ-ученый пришли на помощь. И кок-сагыз победил!

Разве могло быть иначе!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О БУДУЩЕМ

В воскресенье среди многочисленных яхт, скутёров, гичек и моторок, весело бороздивших Московское море, три легкие бело-голубые байдарки обращали на себя внимание какой-то задумчивой неподвижностью. Они едва скользили по гладкой водной поверхности, и издали казалось, что лодочки эти стоят на месте.

В одной расположился полный мужчина с голубыми глазами, такой огромный, что непонятно было, как ма-

ленькая лодчонка держит его. Спокойная энергия и недожинная сила чувствовалась в нем, хотя сейчас он ничего не делал и, положив руки на весла, только глядел с улыбкой на яркое солнце, на зеленые берега, на гячки с веселыми комсомольцами, то и дело с шумом обгонявшими его...

Друг его был, видно, не таков. Среднего роста, успешный уже загореть до черноты, он ловко оседлал свою байдарку, именно «оседлал» — сел верхом, свесив голые ноги в воду. На шутки гребцов он отвечал шутками, на приветствия — приветствиями, то и дело вскидывая вверх весло мускулистой рукой спортсмена.

Третья байдарка казалась пустой. Лишь при ближайшем рассмотрении можно было заметить лохматую черную голову, затылком кверху торчавшую из лодки. Этот «мореплаватель» просто спал.

Когда солнце начало склоняться к горизонту, белоголубые байдарки повернули все вместе и быстро понеслись к самому дальнему берегу. Такая согласованность была в их движении, так тесно они держались, что даже издали чувствовалось: друзья, настоящие друзья управляют этими лодками! Но как раз в это время на байдарках разгорелся спор.

— Куда вы меня тянете! — сердился черноголовый. — Домой пора...

— Дыши, — наставительно говорил загорелый спортсмен, — дыши вольным морским ветром. Полезно!

— Мне завтра вставать рано, — капризничал черноголовый, — я спать хочу...

Но тут дружно захохотали оба его спутника:

— Бедняжка, он еще не выспался за целый день!

Спор этот не мешал им дружно работать веслами, и не прошло полчаса, как они пристали к тихому берегу, поросшему ивняком. Несколько минут заняло одевание, и вот у одинокой березы, к которой были привязаны все байдарки, выстроились три друга.

Светловолосый превратился в могучего, статного мужчину в сером, с иголки, костюме. Загорелую шею второго особенно подчеркивал белый воротник шелковой рубашки. Третий, оказавшийся самым высоким, был в синем костюме, а на кудрявой голове его красовалась светлая фетровая шляпа.

Бросив последний взгляд на опустевшую гладь притихшего моря, друзья молчаливо двинулись к лесу...

Пора, кажется, и нам познакомиться с путешественниками. Оставив байдарки, в глубь леса идут светловолосый великан Вадим Бахнов, загорелый спортсмен Митя Донской и Виктор Горский, которому так хотелось поспать.

Восемнадцать лет минуло со времени их похода за кок-сагызом...

Вадим Аркадьевич Бахнов стал опытным геологом. Вернувшись с фронта, он продолжал путешествовать, изучая недра советской земли. И мало осталось в стране таких мест, где не побывал бы еще этот неутомимый турист.

Виктор Эммануилович Горский работает в одном из институтов Академии наук СССР. Он стал ученым-химиком. Как раз сейчас он готовится к защите диссертации на степень доктора химических наук.

Недавно защитил свою кандидатскую диссертацию врач Дмитрий Дмитриевич Донской. И знаете, какую тему избрал для своей научной работы этот старый спортсмен? «Значение лыжного спорта в укреплении здоровья человека».

Все наши путешественники давно «повзрослели», получили солидное образование, много работают...

Но попрежнему любят неугомонные туристы величавую русскую природу: могучие дубы, широкие реки, ласковое солнце. Попрежнему острит Виктор, а Митя фотографирует всех своим «ФЭДом», и попрежнему кашеварит на привалах Вадим. И крепкая, прошедшая сквозь долгие годы и трудные испытания дружба связывает их.

...Было совсем уже поздно. Догорал костер. В небе зажглись звезды, и далекая Кассиопея посылала на Землю свой привет. Глядя на мерцающие звездочки, Вадим мечтательно сказал:

— Этим летом обязательно отправлюсь в Сибирь, на Ангару...

Виктор подмигнул Мите.

— Ты, однако, поясни, парень, — лукаво спросил он, явно копируя кого-то: — сможешь ты, к примеру, чай за три минуты согреть? Ась?

Митя захохотал и, входя в роль, ответил в тон другу, нажимая на «о»:

— А пошто не смогу! Смогу! Вот те крест!

Улыбнулся и Вадим:

— Деда Набокова вспомнили, баламуты...

Он помолчал, глядя на тлеющие угольки костра, но тут же снова вернулся к своему:

— Обязательно двину на Ангору! Ничего, что там бывали путешественники. Я ведь там еще не побывал. — Он улыбнулся, вспомнив свою поговорку: — А где прошло двадцать человек и ничего не нашли, там двадцать первый такое может открыть!..

Друзья его переглянулись. Виктор развел руками:

— Митя, а мы-то думали, что это друг...

— Изменник! — «мрачно» произнес Митя.

— Кустарь-одиночка! — еще «мрачнее» произнес Виктор.

— И он смел подумать, — с благородным негодованием заключил Митя, — что мы отпустим его одного!

Ни слова не говоря, Вадим торжественно поднялся, жестом фокусника показал пустые руки и тут же извлек из кармана... помпую, многократно свернутую карту: карту бассейна реки Ангары.

— Черти, — добродушно улыбнулся он, — для чего же я ташил вас сюда!..

И вот уже карта развернута на земле. и вот уже друзья склонились над ней — в горячих спорах рождается новый маршрут.

— А Ирина? — вспоминает Митя. — Она с нами?

— Непременно, — отвечает Вадим. — Она уже раз десять ко мне звонила, только и ждет отпуска.

Ирина Александровна Павловская давно уже преподает географию в одной из московских школ. Как же она упустит такой случай — побывать на далекой реке, о которой она рассказывает на уроках своим ученикам! Обязательно поедет!

Друзья идут, обнявшись, по полянке, окруженной темным лесом.

— А что думаете? — говорит Вадим. — Глядишь, и откроем еще какой-нибудь каучуконос... Богата советская земля!.. А чего мы не откроем — дети наши отыщут!

...Я вспомнил сейчас эти слова моего героя и вижу, как трудно мне будет закончить книгу. Как будто все уже рассказано, все известно, но самое главное, самое интересное впереди...

Я знаю, кто-нибудь из вас отправится, как и Вадим, на поиски новых каучуконосов. Думаете, сейчас нечего уже открывать? Все, мол, открыто-переоткрыто?

Так вот, в 1949 году в Москву вернулась экспедиция Ботанического сада Академии наук СССР. Экспедиция больше трех месяцев пробыла в горах Южного Алтая, на высоте трех тысяч метров. Ботаники привезли десять тысяч растений и семена ста пятидесяти видов. И в том числе были совсем новые, никому не известные растения: ценные лекарственные травы; пион, в корнях которого содержатся эфирные масла; цветы-медоносы, которые будут иметь большое значение для пчеловодства...

Среди этих растений не было новых каучуконосов. В 1949 году ботаники не нашли их. Это сделаете вы!..

А кто-нибудь из вас займется изобретением новых машин. Обязательно! И создаст такую машину, что Федор Максимович Коршунов только руками разведет. Пойдет этот будущий ваш комбайн по плантации и не только будет собирать и очищать кок-сагызные корни, но и перерабатывать их. Ко всеобщему удивлению, в бункер машины будет прямо на ходу стекать готовый каучук...

Думаете, не будет этого? Обязательно будет! Есть такая идея. люди думают о такой машине. А раз думают — обязательно придумают. Как же иначе!

Дальше. Неужели вы стерпите, чтобы теперешние мировые рекорды Сани Казаченко и других черкашан остались непревзойденными? Я знаю, Галя обязательно будет бороться за новый, еще больший урожай. Слов нет, 100 центнеров — это много, необычайно много! Но кто сказал, что нельзя больше? Сахарная свекла дает ведь по 600, 700, 800 центнеров с гектара. Догнать и перегнать! Кок-сагыз должен дать такие урожан. Вы вырастите их!..

Как вы добьетесь этих своих будущих рекордов? Какой путь изберете?

Трудно сегодня заглядывать вперед — очень уж быстры темпы развития мичуринской науки. Но об одном я все же предупрежу вас: черкашане тоже не собираются почивать на лаврах. Они, как и прежде, продолжают борьбу.

Недавно мне довелось побывать в Киеве, на Всеукраинском совещании каучуководов. В большом, ярко освещенном зале собрались знатные мастера полей республики, ученые и агрономы, гости из Москвы и других городов страны. То и дело встречались наши старые знакомые. Были здесь могучий старик с медалью лауреата Сталинской премии на черном пиджаке — Сидор Антонович Кузнец, и Герой Социалистического Труда Агриппина Антоновна Пармузина, и селекционер Сергей Васильевич Буранов, и энтомолог Федор Николаевич Панов. В последний момент прилетел из Курска на совещание профессор Степан Петрович Спириин. Все они внимательно слушали молодую девушку, поднявшуюся на трибуну.

Выступала Саня Казаченко.

— Товарищи! — звенел усиленный десятками репродукторов девичий голос. — Не знаю, как вы на это посмотрите, только мы нынешним летом опыт поставили...

Зал притих, слушая рассказ звеньевой. По совету мичуринской науки, она решила посеять кок-сагыз не семенами, как сеяли до сих пор, а черенками — кусочками корня. Оказывается, существует и такой способ посева. Опыты эти делались и прежде, но часто кончались неудачей. А на участке Сани Казаченко опыт завершился полным успехом!

Слово взял Трофим Денисович Лысенко.

— Черенкование, вегетативное размножение кок-сагыз, — сказал академик, — поможет нам значительно повысить урожай и в два раза увеличить каучуконость растения. За этим методом — будущее! Прошу Министерство сельского хозяйства Украины, научных работников и агрономов повторить опыт Сани Казаченко в сотнях колхозов.

Итак, опыты эти сейчас только ставятся, начинаются. Мы присутствуем при самом зарождении нового способа посева. А за ним — будущее! Значит, вам предстоит довести дело до победного конца...

И последнее: мы с вами на протяжении всей книги говорили о жизни, росте и развитии тянь-шаньского одуванчика. И совсем забыли о том, что происходит после уборки урожая. А между тем о дальнейшем пути каучука, о превращении корней кок-сагыза в автомобильные шины, амортизаторы самолетов, футбольные мячи и обыкновенные карлоши можно бы написать еще одну большую книгу.

Я расскажу вам сейчас об одной лишь «живой диаграмме», определяющей качество каучука...

Маленький каучуковый шарик поднимают вверх, ровно на 100 сантиметров. Потом бросают на пол. Ясное дело, шарик отскакивает. Ученые, собравшиеся вокруг, внимательно следят за его полетом. И записывают, несколько раз повторив опыт: «Отскок — 52 сантиметра»...

Что это? Новая игра, которой занялись солидные профессора? Нет, это общепринятый способ определения качества каучука. Чем выше отскочит шарик, тем выше его сорт. Значит, мягче пойдет автомобиль на шинах, сделанных из этого каучука, лучше будет пружинить амортизатор; значит, дальше и выше полетит от удара футбольный мяч.

Зарубежные сорта каучука давали «отскок» в 55, 60, 65 сантиметров. Только у самых лучших, специально обработанных партий каучука Индонезии и Малайи «отскок» достигает 73 сантиметров. Это высшее достижение.

Каучук из корней кок-сагыза отскакивал в первые годы всего лишь на 40 сантиметров. Десятки советских химиков, технологов, резинщиков объединили свои усилия. В лабораториях и научно-исследовательских институтах они создавали новые, невиданные в мире способы обработки каучука. Медленно, год за годом повышался «отскок» каучука из кок-сагыза.

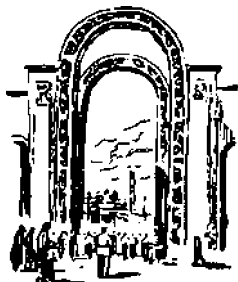
45 сантиметров... 50... 60... Последние испытания показали уже 67 сантиметров! Каучук нашего кок-сагыза, в самом прямом смысле слова, стремится перепрыгнуть гевею. И как знать, не вам ли суждено одержать здесь полную победу?..

Я не знаю сейчас, чем увлечется каждый из вас: кто станет путешественником, кто изобретателем, кто хими-

ком, кто энтомологом... Одно известно: в нашей стране все работы почетны и интересны, в нашей стране нет и не может быть невыполнимой мечты.

Вы будете учиться, овладеете наукой, станете сильными, ловкими, отважными. Вы сделаете сотни, тысячи новых замечательных открытий!

...Вы и допишете эту книгу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая.

ИСКАТЕЛИ

Встреча в Бологом	3
Као-чу — «черное золото»	7
В краю Небесных гор	13
Дед Степан Набоков	20
«Дурной куст»	26
Это случилось в селении Кок-Пак...	29

Глава вторая.

ОШИБКА ТОМАСА АЛЬВЫ ЭДИСОНА

Если бы...	38
Куст, похожий на копну седых волос	42
Путумайо — «рай дьявола»	47
Мистер Эдисон включается в борьбу	52
Постановление СТО	55
Член сельсовета Василий Сливаченко	59
На арену выходят мистер Форд, мистер Файрстон и прочие	65
Когда восстает народ, порабитители бессильны!	70

Глава третья.

КАК КОК-САГЫЗ СТАЛ ВЕЛИКАНОМ

«Секреты» тянь-шаньского одувачника	80
Первое знакомство	85
На помощь зовут энтомолога	89
Кок-сагыз попадает в лабораторию	97
Сто тысяч опытов	101

Корень-великая	107
«СК»	113
«Джентльмены» интересуются...	117

Глава четвертая.

ПОДПОЛЬЩИКИ

Можно ли воевать без каучука?	123
Что они задумали?	126
Государственная тайна	130
Кульбаба	134
«Совершенно секретно»	139

Глава пятая.

ШТАСФУРТСКАЯ НАХОДКА

Лейтенант-энтомолог	144
На тихих аллеях Далема	150
Список доктора Вульмана	154
В имени Бишдорф	158
Письмо с Украины	169
На глубине четырехсот шестидесяти метров	172
О «сннице» в руках и о «журавле» в небе	179
Сила народная	183

Глава шестая.

НАРОД-УЧЕНЫИ

Подарок фронту боевой	186
Профессор Кабачников	195
Бублик и булка	198
Миллион триллионов	204
Новое побеждает!	208
О том, как все изобретали	211
Мировой рекорд Сани Казаченко	220

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О будущем	230
---------------------	-----

К ЧИТАТЕЛЯМ

**Издательство просит отзывы об
этой книге направлять по адресу:
Москва 47, ул. Горького, 43, Дом
детской книги.**

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор М. Зубков. Художественный редактор Н. Яцке-
вич. Технический редактор М. Кутузова. Корректоры Р. Мишелевич
и Ю. Носова.
Сдано в набор 18/I 1951 г. Подписано к печати 5/IV 1951 г. Формат
64 X 108/32 = 3,75 бум. — 12,323 печ. л. (12,17 уч.-изд. л.). Тираж 30 000 экз.
А01582. Цена б р. 50 к. Заказ № 2054.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва. Суворовский вал, 49.

Larisa_F

